

УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА

ПИРС БРАУН

18+

Безупречный дебют в духе «Голодных игр» Сьюзен Коллинз
и «Игры Эндера» Орсона Скотта Карда!

Сага об Алом восстании переведена на 34 языка и издана в 36 странах!

Только в США продано свыше 2 000 000 экземпляров книг саги!

Пирс Браун

Утренняя звезда

Серия «Алое восстание», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22819624
Утренняя звезда: Азбука, Азбука-Аттикус; СПб.; 2023
ISBN 978-5-389-23483-3

Аннотация

В Солнечной системе идет яростная борьба между высшими и низшими кастами Сообщества, разделенного на цвета. Дэрроу из Ликоса, предводитель алых повстанцев Марса, схвачен и после страшных пыток брошен в темницу, из которой выход один: бесславная смерть. Золотые правители, используя новейшие технологии, имитировали его казнь и транслировали ее по всем каналам Вселенной. Посланцы Сынов Ареса, врагов верховной правительницы из касты золотых, освобождают узника, необходимого своему народу. Но дух Дэрроу уже сломлен. Близкие успели оплакать его, соратники утратили веру в победу, и кажется, нет ни единого шанса поднять новую волну восстания...

Содержание

Благодарности	6
Действующие лица	11
Часть I. Тернии	16
1. Только тьма	16
2. Узник Л-17-Л-6363	27
3. «Змеиный укус»	45
4. Камера 2187	62
5. План С	75
6. Жертвы	87
7. Шмели	96
8. Возвращение домой	100
9. Город Ареса	118
10. Война	132
11. Мой народ	144
12. Юлия	155
Часть II. Ярость	164
13. Упыри	164
14. Кровавая луна	178
15. Охота	195
16. Любовник	212
Конец ознакомительного фрагмента.	215

Пирс Браун

Утренняя звезда

Сестре, которая научила меня слушать

Pierce Brown

MORNING STAR

Copyright © 2016 by Pierce Brown

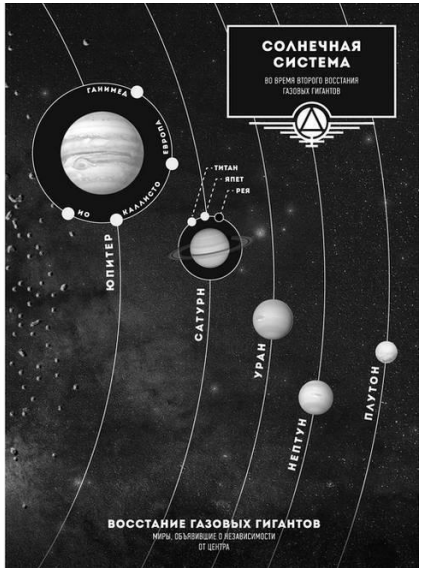
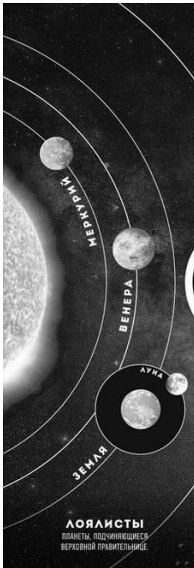
All rights reserved

Published by arrangement with proprietor via Igor Korzhenevskiy of Alexander Korzhenevski Agency.

© Н. А. Пресс, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

Благодарности

Работать над «Утренней звездой» мне мешал страх. Месяц проходил за месяцем, но так и не появлялась первая строчка. Я рисовал эскизы корабля, сочинял песни алых и золотых, придумывал генеалогию кланов, историю освоения планет и их спутников – творил свирепый мирок, который около пяти лет назад зародился в моей комнате над родительским гаражом.

И не в том крылась причина страха, что я не знал, куда это все меня заведет. Совсем напротив: мне было точно известно, чем закончится повествование. Но просто не верилось, что я достаточно искусный проводник и смогу довести вас, читатель, до конца этого пути.

Знакомо звучит, не правда ли?

И тогда я решил уединиться. Упаковал вещи, прихватил туристские ботинки и перебрался из лос-анджелесской квартиры в домик на продуваемом ветрами северо-западном побережье Тихого океана, в мое родовое гнездо.

Я надеялся, что изоляция благотворно отразится на работе. В тишине из прибрежного тумана ко мне явится муза, и дело будет спориться от рассвета до заката. Можно гулять среди вечнозеленой растительности, беседовать с духами славных мифотворцев. Когда я писал «Алое восстание», это помогло. Сработало и с «Золотым Сыном». А вот в слу-

чае с «Утренней звездой» номер не прошел.

Отшельничество сыграло со мной злую шутку. Я попал в ловушку к Дэрроу и к собственному захламленному разуму, в котором герой мог пойти любым из тысячи путей. В этом ментальном пространстве были «написаны» первые главы. Что, пожалуй, дало необходимый толчок роману.

Дэрроу получил тяжелую депрессию. Но мне никак не удавалось придумать, что произошло после его спасения из Аттики.

И только после моего возвращения в Лос-Анджелес повествование приобрело осмысленность. Одновременно я понял, что Дэрроу уже не находится в его фокусе. Важнее люди, которые окружают этого героя. Его семья, друзья, любимые. Души, что роятся вокруг него, сердца, что бьются в унисон с его сердцем. Спрашивается, с чего я взял, что все это можно высосать из пальца, отгородившись от мира?

Без кофейных посиделок с Тамарой Фернандес (не знаю человека умней среди тех, у кого нет седины)? Без ранних завтраков с Джошем Круком, за которыми мы обсуждали ни много ни мало завоевание мира? Без концертов в Голливуд-Боуле в компании Мэдисон Эйнли? Без долгих дебатов о войнах Древнего Рима с Максом Карвером? Без поедания мороженого на пару с Джеррет Ллевелин? Без любви к «Звездному крейсеру „Галактика“», разделенной с Колли Янг? Без маниакального участия Денниса «Угрозы» Стратона в разработке сюжета?

Общение с друзьями – это пульсация жизни. У меня жизнь бурная, широкая, полная мечтаний и абсурда. Без друзей я был бы всего лишь собственной тенью, и между обложками этой книги содержалась бы пустота. Спасибо вам, всем и каждому, близкому и безымянному, за то, что разделили со мной эту чудесную жизнь.

Каждый новоявленный капитан нуждается в мудром лоцмане, который не даст его кораблю налететь на рифы. С этим мне несказанно повезло, кумир юных лет стал моим наставником, когда мне перевалило за двадцать. Терри Брукс, спасибо за все вдохновляющие слова, за все советы. Ты воистину велик!

Спасибо семейству Филлипс – вы мне дали второй дом, о котором я и мечтать не смел. Особенно я благодарен Джоэлу, увлеченно рисовавшему карты, когда книга еще даже не была дописана. Ты чудо, Джоэл, – и ты мне как брат. Спасибо и другим моим побратимам: Аарону, подсказывавшему, что мне писать, и Натану, которому всегда нравилось написанное мною, пусть даже это не нравилось мне самому.

Хочу также выразить признательность моему литагенту Ханне Бауман, заметившей среди самотека «Алое восстание». И Дэвиду Доусону, чьими стараниями мои романы опубликованы на двадцати восьми языках. Тиму Джерарду Рейнольдсу – от его аудиоверсий у меня мороз по коже. Моим иностранным издателям, не пожалевшим труда на перевод таких слов, как «Bloodydamn» и «ripWing», на корей-

ский, итальянский и другие языки.

Спасибо замечательным сотрудникам «Дель Рей» за то, что поверили в «Алое восстание», как только оно легло на их столы. Лучшего издательства и желать нельзя. Скот Шэннон, Триша Нарвани, Кит Клэйтон, Джо Скалора, Дэвид Мёнх, у вас сердца хаффлапафцев и отвага гриффиндорцев.

Благодарю мою семью, всегда подозревавшую, что моя странность – явление доброкачественное. Спасибо, родные, что вы позволяли мне исследовать леса и поля, а не телевизионные каналы. Спасибо отцу, от которого я узнал о пользе неприменения силы, и матери, научившей применять силу правильно. Сестре, не жалеющей времени для фан-страницы «Сыновья Ареса» и понимающей меня, как никто другой.

Мало кому из авторов посчастливилось иметь такого редактора, как Майк «Телеманус» Брафф. Если он и не представлял себе раньше истинные масштабы моего невроза, то теперь, после работы над этой книгой, отлично представляет. Он скромн, терпелив и старателен, чего я, увы, не могу сказать о себе. В том, что эта книга оказалась на прилавках всего лишь через год после выхода «Золотого Сына», огромная заслуга Майка. Снимаю перед тобой шляпу, мой добрый гений.

И конечно же, спасибо вам, мои читатели. Ваши взволнованные отзывы позволили мне жить так, как я считаю правильным, и за это я перед вами в неоплатном долгу. Благодарю за ваши творческие советы, шутки и слова поддержки

в твитах, постах и комментариях. Встречи с вами на конвентах, раздача автографов – свою профессию я люблю и за это тоже. Спасибо, Упыри, за все, что вы делаете. Надеюсь, вскоре нам выпадет шанс попить вместе.

Когда мы глядим на небоскреб – массивный, совершенный, манящий из-за горизонта, – разве возникает мысль, что он был построен за одни сутки? Нет. На наших глазах к нему подъезжали грузовики со стройматериалами, вбивались сваи, рос каркас из балок и ферм. Мы видели копошение рабочих, слышали шум подъемных кранов...

Все большое и красивое создано из невзрачных мелочей. Все стоящее дается ценой тяжкого труда и мучительных сомнений. То, чем мы с вами теперь восхищаемся, воздвигнуто на фундаменте ошибок и неудач.

Что бы вы ни замыслили, ни проектировали, ни строили – знайте: дело надо довести до конца. Ваш небоскреб нужен человечеству.

*Per aspera ad astra!*¹

Пирс Браун

¹ Через тернии к звездам (*лат.*).

Действующие лица

ЗОЛОТЫЕ

Октавия Луна, действующая верховная правительница Сообщества

Лисандр Луна, внук Октавии, наследник дома Луны

Адриус Августус, он же Шакал, лорд-губернатор, брат-близнец *Виргинии*

Виргиния Августус, она же Мустанг, сестра-близнец *Адриуса*

Магнус Гримус, он же Повелитель Праха, лорд-император верховной правительницы, отец *Айи*

Айя Гримус, она же Рыцарь Протея, главная телохранительница верховной правительницы

Кассий Беллона, он же Рыцарь Зари, телохранитель верховной правительницы

Рок Фабий, император армады Меча

Антония Северус-Юлия, сводная сестра *Виктры*, дочь *Агриппины*

Виктра Юлия, сводная сестра *Антонии*, дочь *Агриппины*

Кавакс Телеманус, глава дома *Телеманусов*, отец *Даксо* и *Пакса*

Даксо Телеманус, наследник и сын Кавакса, брат Пакса
Ромул Раа, глава дома Раа, лорд-губернатор Ио
Ведьма, бывший упырь, теперь лейтенант скелетов
Лилат Фаран, наперсница Шакала, лидер скелетов
Виксус Сарна, бывший член братства Марса, лейтенант
скелетов

СРЕДНИЕ И НИЗШИЕ ЦВЕТА

Тригг Накамура, легионер, брат Холидей, серый
Холидей Накамура, легионер, сестра Тригга, серая
Квиксильвер, регулус Солнца, самый богатый человек Со-
общества, серебряный
Алия Снежная Воробыха, королева валькирий, мать Раг-
нара и Сефи, черная
Сефи Молчаливая, предводительница валькирий, дочь
Алии, сестра Рагнара
Орион Аквария, капитан корабля, синяя

СЫНЫ АРЕСА

Дэрроу из Ликоса, он же Жнец, бывший копейщик дома
Августусов, алый
Севро Барка, он же Гоблин, упырь, золотой
Рагнар Воларус, новый упырь, черный

Танцор, военачальник Ареса, алый
Микки, ваятель, фиолетовый

Я взмываю во тьму над садом, залитым кровью моих друзей. Рядом со мной на холодном металле палубы лежит золотой, убивший мою жену, а теперь павший от руки собственного сына.

Осенний ветер треплет мои волосы. Внизу режут двигатели корабля. Вдалеке языки пламени подсвечивают небо оранжевыми сполохами – Телеманусы спускаются с орбиты, спеша мне на помощь. Лучше им этого не делать. Пускай

меня поглотит мрак, пускай стервятники кружат над моим неподвижным телом!

За спиной звучат голоса моих врагов, огромных демонов с ангельскими лицами. Самый низкорослый из них наклоняется, гладит меня по голове и смотрит на тело своего отца.

– Вот так и должна была закончиться эта история, – произносит он. – Не твоими криками, не твоей яростью, а твоим молчанием!²

В углу сидит Рок – человек, который предал меня. Когда-то я называл его другом и думал, что у него слишком доброе сердце для золотого. Он понурился, по его щекам текут слезы. Но он оплакивает не меня, а себя. Оплакивает то, что потерял. Тех, кого я забрал у него.

– Арес тебя не спасет. Мустанг тебя не любит. Ты остался один, Дэрроу, – тихо произносит Шакал, уставившись в пространство пустым взглядом. – Совсем как я, – добавляет он, берет в руки черную маску без прорезей для глаз, надевает ее на меня, и мир исчезает. – Вот так все и закончится!

Чтобы сломить меня, он убил тех, кого я люблю.

Но у тех, кто остался в живых, есть надежда! У Севро, Рагнара и Танцора. Я думаю о моем народе, погруженном во тьму, о закованных в цепи и поработанных золотыми правителями людях всех цветов во всех мирах, и меня охватывает жгучая ярость. Она заполняет черную пустоту, которую

² Парафраз строк из поэмы Т. С. Элиота «Полые люди». (Здесь и далее примеч. перев.)

Шакал оставил в моей душе. Я не одинок! Я не стану его жертвой!

Пусть делает что хочет! Я – Жнец. Я знаю, что такое страдание. Я знаю, что такое тьма. И это еще не конец!

Часть I. Тернии

Per aspera ad astra

1. Только тьма

Безгласным камнем я лежу в сердце тьмы, вдали от тепла, от солнца и луны, со всех сторон нависают стены, заключающие мое скрюченное тело в жуткую утробу. Нельзя ни встать, ни потянуться – можно лишь свернуться клубком, превращаясь в разрушающуюся от времени окаменелость, которая когда-то была человеком. Руки скованы за спиной. Совершенно обнаженный, я скорчился на холодном каменном полу.

Я погружен во мрак и бесконечно одинок.

Мне кажется, что с тех пор, как я в последний раз сгибал ногу или выпрямлял спину, прошло много месяцев или лет, а может – тысячелетий. Боль сводит меня с ума. Суставы утратили подвижность, словно заржавевшие металлические сочленения. Давно ли я смотрел на своих золотых друзей, истекающих кровью на зеленой траве? Сколько дней назад Рок поцеловал меня в щеку, разбив мне сердце своим предательством?

Здесь время совсем не похоже на реку. Оно никуда не те-

чет.

В этой гробнице время напоминает камень. Или темноту. Вечное и постоянное, оно измеряется лишь двумя маятниками жизни – дыханием и биением моего сердца.

Вдох. Удар. Выдох. Удар. Вдох. Удар. Выдох. Удар. Только сердце и легкие.

И так до бесконечности. Или же конец все-таки настанет? Но когда? Когда я умру от старости? Размозжу голову о камень? Перегрызу трубки, которые желтые вставили в мой желудок и кишечник, чтобы вводить по ним питательные вещества и выводить отходы жизнедеятельности?

Или когда ты сойдешь с ума?

– Нет, – шепчу я сквозь зубы.

О да-а-а!

– Проклятая тьма! – кричу я в голос и делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться.

Прикасаюсь к стене разными частями тела в определенном порядке – это упражнение помогает мне прийти в себя. Спина, пальцы рук, копчик, пятки, пальцы ног, колени, голова... Потом все сначала, и так двенадцать раз. Или сто. Ладно, пусть на всякий случай будет тысяча.

Вот как выглядит полное одиночество.

Я и не подозревал, что нет более ужасной судьбы, чем остаться совсем одному. Человек – не остров. Мы нуждаемся в любви. Нуждаемся в ненависти. Другие люди дают нам волю к жизни, учат нас чувствовать. У меня же не осталось

ничего, кроме тьмы. Иногда я кричу, иногда – смеюсь. То ли весь день, то ли всю ночь – кто его разберет. Смеюсь, чтобы хоть как-то убить время, сжечь калории, которыми кормит меня Шакал, и наконец заставить свое дрожащее тело погрузиться в сон.

А еще я плачу. Издаю странные звуки вроде жужжания и свиста.

Откуда-то сверху доносятся голоса, всплывающие из бескрайнего черного океана. Слышу сводящее с ума бряцание цепей и костей, от которого стены моей темницы начинают вибрировать. Кажется, что люди совсем близко, но на самом деле нас разделяют тысячи километров. Будто совсем рядом, у края тьмы, существует целый мир, но мне не дано увидеть его, прикоснуться к нему, попробовать его на вкус, ощутить – я не могу проникнуть через завесу, отделяющую меня от реальности. Я – пленник одиночества.

И вот снова раздаются голоса. Звяканье цепей и стук костей щекочут мой слух.

Или все это звучит в моей голове?

Даже подумать смешно!

Я ругаюсь матом.

Я строю планы. Убить. Зарезать. Задушить. Разорвать. Сжечь. Я умоляю. Я торгуюсь.

Тихо подвывая от ужаса, я молюсь за Эо, радуясь, что ее миновала чаша сия.

Она тебя не слышит.

Я распеваю детские песни и декламирую «Умиращую Землю», «Фонарщика»³, «Рамаяну», «Одиссею» на греческом и латыни, а потом на мертвых языках – арабском, английском, китайском и немецком. Нужные слова сами всплывают в памяти благодаря специальным каплям, которые Маттео дал мне, когда я был, по сути, еще мальчишкой. Я обращаюсь за силой к заплутавшему ахейцу, единственным желанием которого было найти дорогу домой.

Ты забываешь, что он сделал!

Одиссей был героем! Взял неприступную Трою, проникнув за крепостные стены с помощью деревянного коня! Так и я разбил армию Беллона, призвав на Марс Железный дождь!

А потом...

– Нет! Замолчи! – перебиваю я тьму.

...потом его воины вошли в Трою. Увидели жещицин. Увидели детей. Знаешь, что они сделали с ними?

– Заткнись!

Ты прекрасно знаешь, что они сделали. Кости. Пот. Плоть. Прах. Рыдания. Кровь.

Тьма скалится и злобно смеется.

Жнец, Жнец, Жнец... Все деяния, которым суждено войти в историю, утопают в крови.

Я сплю? Или это не сон? Я потерян. Кровавые видения, шепоты и крики затопляют меня. Снова и снова я дергаю Эо

³ «Умиращая Земля» – фантастическая эпопея Джека Вэнса; «Фонарщик» – стихотворение Р. Л. Стивенсона.

за ее хрупкие, тонкие щиколотки. Раз за разом бью Юлиана по лицу. До бесконечности смотрю на то, как Пакс, Куинн, Тактус, Лорн и Виктра выпускают дух. Как же много боли... И ради чего?! Ведь в конце концов я подвел свою жену, подвел свой народ.

А еще ты подвел Ареса. И своих друзей.

Кто же из них все-таки выжил?

Севро? Рагнар?

Мустанг?

Мустанг? А вдруг она знает, что ты здесь? Вдруг ей наплевать на тебя? И вообще, с чего ты взял, что ей есть до тебя дело? Ведь ты предал ее. Ты лгал ей. Использовал ее ум. Ее тело. Ее кровь. Ты показал ей свое истинное лицо, и она убежала. А вдруг это она? Вдруг она предала тебя? Сможешь ли ты после этого любить ее?

– Заткнись! – кричу я самому себе в полной темноте.

Не думай о ней. Не думай о ней.

А почему бы и нет? Ведь ты по ней скучаешь...

И вот перед моим мысленным взором, погруженным в кромешную тьму, возникает очередное видение. Зеленый луг, прочь от меня на коне скачет девушка, оборачивается, привстав на стременах, и призывно смеется, увлекая меня за собой. Волосы развеваются на ветру, золотистые, словно колосья пшеницы.

Она нужна тебе. Ты любишь ее. Золотую девушку. Забудь эту алую сучку!

– Не-е-ет! – кричу я и начинаю биться головой о стену. – Это все тьма! – шепчу я.

Тьма играет с моим разумом, и все же я стараюсь забыть о Мустанге и Эо. За пределами этих стен мира не существует. Нельзя скучать по тому, чего нет.

Теплые струйки крови стекают по лбу с содранных струпов, кровь капает из носа. Облизываю холодный камень в поисках капель. Пробую на вкус соль, марсианское железо. Медленно, медленно... Стараюсь растянуть удовольствие от нового ощущения. Хочу сохранить этот вкус надолго, чтобы вспомнить о том, что я – человек. Алый из Ликоса. Проходчик.

Нет. Ты – не человек, ты ничто. Твоя жена покинула тебя и забрала с собой твоего ребенка. Твоя шлюшка отвернулась от тебя. Ты оказался ее недостойн. Слишком гордый. Слишком глупый. Слишком злой. А теперь о тебе просто забыли.

Забыли?

В последний раз мы с золотой девушкой виделись в тоннелях Ликоса. Я стоял на коленях рядом с Рагнармом, просил Виргинию предать ее собственный народ и жить ради более высокой цели. Я знал: если она решит присоединиться к нам, мечта Эо осуществится. Новый, лучший мир был от нас на расстоянии вытянутой руки, но Виргиния ушла. Неужели она забыла меня? Неужели ее любовь ко мне умерла?

Она любила не тебя, а твою маску.

– Это все тьма, тьма, тьма... – иступленно бормочу я.

Мне здесь не место.

Лучше бы я умер! После смерти Лорна меня отдали Октавии, чтобы ее ваятели препарировали мое тело и выяснили, как же мне удалось стать золотым и есть ли еще такие же, как я. Но Шакал заключил с ней сделку, забрал меня и запер в своем поместье в Аттике, а потом долго пытал, задавая вопросы о Сынах Ареса, о Ликосе, о моей семье. Он так и не сказал, кто меня предал. Я умолял казнить меня.

А он заточил меня в каменную темницу.

– Когда все потеряно, человек чести ищет смерти, – когда-то заявил Рок. – Вот конец, достойный патриция.

Но что богатый поэт может знать об этом? Смерть – удел бедняков и рабов, но и сейчас, когда я жажду умереть, она все равно страшит меня.

Ибо чем дольше я смотрю на этот жестокий мир, тем меньше верю в то, что жизнь заканчивается приятной сказкой.

Долины не существует.

Эту ложь нам внушают матери и отцы, пытаюсь помочь своим голодающим детям найти хоть какой-то смысл в полном ужасов мире, а никакого оправдания этому не было и нет. Эо не стало. Она так и не увидела, как я борюсь за ее мечту. Ей было все равно, как сложится моя судьба в училище, полюблю ли я Виргинию... Потому что в тот день, когда Эо умерла, она превратилась в ничто. Нет другого мира, кроме этого. Здесь мы начинаемся и здесь заканчиваемся, и

только здесь у нас есть шанс обрести мимолетное счастье, прежде чем придет конец.

Да. Но ты не обязан встречать свою смерть здесь. Ведь ты можешь сбежать отсюда, нашептывает мне тьма. Достаточно произнести нужные слова. Ты же знаешь, как это просто.

Это правда. Знаю.

– Просто скажи: «Я сдаюсь», и все закончится, – сказал мне Шакал когда-то давно, перед тем как низвергнуть меня в ад. – Скажи, и я поселю тебя в милейшем домике, где ты проживешь до конца жизни, буду присылать тебе страстных розовых красавиц и вкуснейшие яства, чтобы ты стал толще, чем Повелитель Праха! Однако у этих слов будет цена.

Оно того стоит! Спасай свою шкуру! Большие никто этим заниматься не станут!

– И цена, дорогой мой Жнец, – твоя семья!

Моих близких захватили в Ликосе ищейки Шакала, и теперь он держит их в плену где-то в подземельях крепости Аттики. Так и не позволил мне увидаться с ними, сказать, как я люблю их, попросить у них прощения за то, что не смог защитить.

– Я скормлю их заключенным этой крепости, – добавил он. – Эти мужчины и женщины полагают, что вы должны занять место золотых. Как только вы увидите, что люди на самом деле – животные, то поймете: прав я, а вы ошибаетесь. Власть должна оставаться в руках золотых!

Забудь о них, уговаривает меня тьма. Такая жертва оправданна. Это мудрое решение.

– Нет... Я не сделаю этого...

Твоя мать хотела бы, чтобы ты жил.

Не такой ценой.

Разве мужчина способен понять, что такое материнская любовь? Живи! Ради нее! Ради Эо!

Неужели она в самом деле хотела бы этого? Может быть, тьма права? Ведь я все-таки избранный. Так считала Эо. Так говорил Арес, он же сам выбрал меня! Меня, именно меня из всех алых! Я могу разбить цепи! Могу жить ради более высокой цели! Если мне удастся выбраться из тюрьмы, это не будет эгоизмом! Если смотреть на замысел бытия в целом, так это вообще проявление альтруизма!

Да. Альтруизма, вот именно.

Мать умоляла бы меня пойти на такую жертву. Киран меня бы понял, и сестра тоже. Ведь я могу спасти наш народ! Мечта Эо должна сбыться, чего бы это ни стоило, я несущу за это ответственность и имею на это право.

Просто произнеси эти слова.

Я бьюсь головой о камень и кричу тьме, чтобы она убиралась прочь. Ей не удастся обмануть меня, не удастся сломить. Я не сдамся!

А ты разве не знал? Рано или поздно сдаются все.

Тьма издевательски хохочет надо мной, и ее хохот преследует меня вечным эхом.

Да, я знаю! Знаю, что рано или поздно сдаются все. Я уже сдался, когда Шакал пытал меня. Признался, что я из Ликоса. Сказал, где найти мою семью. Но есть только один выход сохранить достоинство и остаться тем человеком, которого любила Эо, – надо заставить эти голоса замолчать!

– Рок, ты был прав! – шепчу я. – Ты был прав...

Мне просто хочется домой, прочь из этого каменного мешка, но уйти не удастся. Единственный выход для меня – смерть. Я должен умереть, прежде чем еще раз предам самого себя.

В смерти мое спасение.

Не будь дураком! Остановись! Остановись!

Я пытаюсь расколотить голову о стену. Не для того, чтобы наказать себя, а чтобы убить. Покончить с собой. Раз у этой жизни нет приятного финала, придется удовольствоваться пустотой, но если Долина все-таки существует, я найду ее. Эо, я иду к тебе! Я наконец-то иду к тебе! Я люблю тебя!

Нет. Нет. Нет. Нет. Нет.

Снова бьюсь головой о стену. Лицо горит. В черноте перед глазами танцуют искорки боли. Тьма воет мне вслед, но я не собираюсь останавливаться.

Если это конец, то я сам брошусь ему навстречу!

Стоит мне отдернуть голову перед последним ударом, как раздается оглушительный стон. Все вибрирует, словно от землетрясения, но это не тьма, а что-то другое! Сам камень дрожит, ревет громким утробным голосом над моей головой,

а потом тьму разрезает надвое лезвие ослепительного света.

2. Узник Л-17-Л-6363

Потолок раскалывается пополам. Свет обжигает мне глаза, и я зажмуриваюсь. Пол моей камеры поднимается, затем со щелчком останавливается, и я оказываюсь на плоской каменной поверхности. Вытянув ноги, охаю от боли и чуть не теряю сознание. Суставы хрустят, затекшие сухожилия оживают. С трудом разлепляю веки, но глаза, отвыкшие от дневного света, слезятся. Освещение настолько яркое, что сперва я не различаю ничего, кроме ослепительно-белых вспышек. До меня доносятся обрывки фраз: «Адриус, это еще что?» – «Ты держал его там все это время?» – «Какая вонь...»

Лежу посередине каменной плоскости. Она черная с синими и фиолетовыми разводами, напоминает панцирь жука. Я на полу? Нет, вон чашки, блюдца, поднос с кофе... Это стол! Моя тюрьма была под столом! Не жуткая, зияющая бездна, а просто полость размером метр на два, высеченная в огромном мраморном монолите! Каждый вечер они садились ужинать, а я валялся в нескольких дюймах под их тарелками! Так вот что за голоса раздавались во тьме, вот что это был за шепот! Все это время я слышал звон вилок о тарелки!

«Какое варварство...»

Вспомнил! За этим столом сидел Шакал, когда я приехал к нему, оправившись от ран, заработанных во время Желез-

ного дождя.

Неужели он уже тогда планировал захватить меня в плен? Сюда меня привезли с мешком на голове, и я думал, что нахожусь в подземельях его крепости, но нет! Оказывается, мой личный ад находился всего лишь под тридцатисантиметровой каменной столешницей!

С трудом отворачиваюсь от стоящего рядом с моей головой кофейного подноса. На меня кто-то смотрит. За столом несколько человек, но я не могу разглядеть их, глаза застилают слезы и кровь. Отползаю, съеживаюсь, закрываясь от света, словно крот, впервые попавший на поверхность земли. Я слишком ошеломлен и напуган, чтобы продемонстрировать им свою гордость или ненависть, но даже вслепую чувствую на себе взгляд Шакала. Представляю это детское лицо, стройное тело, русые волосы, косой пробор.

– Уважаемые гости! – откашлявшись, произносит он. – Разрешите представить вам узника Эл семнадцать Эл шестьдесят три шестьдесят три!

Проступают его черты, ангельские и дьявольские одновременно.

Я вижу другого человека!

Я знаю, что больше не одинок!

Но потом я вспоминаю, что он со мной сделал, и душа разрывается на части.

Начинаю различать другие голоса, оглушительно громкие. Я скорчился на холодном камне, но мои ощущения этим

не исчерпываются. Ко мне прикасается что-то естественно мягкое и ласковое. Тьма убеждала меня в том, что я больше никогда не почувствую ничего подобного: в открытое окно неспешно, плавным потоком влетает ветер, осыпая мою изголодавшуюся кожу поцелуями. Зимний ветер уносит с собой болотный запах моего покрытого грязью тела, и мне вдруг кажется, что где-то далеко отсюда между заснеженными деревьями бежит ребенок. Он гладит стволы и иголки сосен, в волосах застывает смола. Картинка похожа на воспоминание, которого у меня никогда не было, но мне очень бы этого хотелось. Больше всего на свете я желал бы такой жизни. Такого сына.

Я плачу. Не столько о себе, сколько о мальчике, которому кажется, что он живет в мире, исполненном добра, в мире, где мать и отец охраняют его, большие и могучие, словно горы. Я плачу о потерянной невинности. Увы, у меня нет такого прошлого, и я понимаю, что мое освобождение – лишь очередной трюк. Шакал никогда ничего не дает, только забирает. Совсем скоро свет превратится в воспоминание и я вернусь в объятия тьмы. Крепко зажмурившись, я слушаю, как кровь с моего лица капает на камень, и жду очередного удара.

– Черт побери, Августус! Неужели это было так необходимо? От него несет мертвечиной! – мурлычет кошка-убийца.

Я сразу узнаю хриплый голос, немного смягченный певучими интонациями – они неизбежно появляются у тех, кто

подолгу живет на Луне и возвращается в придворных кругах на Палатине, где никого ничем не удивишь.

– Ферментированный пот и мертвый эпидермис под магнитными кандалами. Обрати внимание на желтоватую корку на его предплечьях, Айя, – говорит Шакал. – Однако он в относительно добром здравии и готов послужить твоим ваятелям. Учитывая обстоятельства, он еще вполне себе!

– Ты знаешь этого человека лучше, чем я, – произносит Айя, обращаясь к кому-то другому. – Это действительно он? Или самозванец?

– Ты сомневаешься в моих словах? – спрашивает Шакал. – Боже, Айя, ты меня обижаешь!

– Перестаньте, лорд-губернатор! Обидеть можно только тех, у кого есть сердце, а у вас, несмотря на все таланты, данный орган, к сожалению, отсутствует.

– Ты чересчур добра ко мне, Айя.

Я морщусь, чувствуя чье-то приближение. Сидящие за столом кашляют. Ложки звенят о чашки. Мне хочется заткнуть уши. Слишком много звуков. Слишком много информации.

– Теперь и правда заметно, что он алый, – произносит холодный, надменный женский голос с северномарсианским акцентом, более жестким, чем у жителей Луны.

– Ты совершенно права, Антония! – отзывается Шакал. – Мне было очень любопытно наблюдать за его трансформацией. Носитель генотипа ауреев никогда не опустился бы до

уровня существования, которое сейчас перед нами. Ты знаешь, перед тем как я заточил его в каменную темницу, он стал просить меня убить его! Умолял со слезами на глазах! Ирония судьбы состоит в том, что он мог в любой момент покончить с собой, но не сделал этого, ведь в каком-то смысле в этой дыре он почувствовал себя как дома. Дело в том, что алые давным-давно адаптировались к жизни в темноте, словно черви! У этих ржавых нет такого понятия, как гордость! Там, внизу, он чувствовал себя на своем месте! Там, а не среди нас!

И вот теперь во мне просыпается ненависть.

Открываю глаза, чтобы они поняли: я вижу их. Слышу, о чем они говорят. Но смотрю в первую очередь не на врага, а на зимний пейзаж за спинами золотых. Шесть из семи горных пиков Аттики сияют в лучах утренней зари. Здания из металла и стекла четкими силуэтами выделяются на фоне заснеженных гор, уходя высоко в голубое небо. Пики соединяются между собой мостами. Падает снег. При моей нынешней близорукости пейзаж кажется мне расплывчатым миражом.

– Дэрроу? – окликает меня знакомый голос.

Медленно повернув голову, замечаю на краю стола мозолистую руку и тут же отшатываюсь, ожидая удара. Но аурей не собирается бить меня, несмотря на то что на среднем пальце блестит кольцо с золотым орлом Беллона – семью, которую я уничтожил. Вижу изготовленный ваятелем Занзибаром биопротез вместо руки, которой Кассий лишился во

время нашей последней дуэли на Луне. На пальцах биопротеза красуются два кольца братства Марса, украшенные волчьими головами, – одно его, другое когда-то принадлежало мне. За каждое из этих колец кто-то из молодых ауреев заплатил жизнью во время Пробы.

– Ты узнаешь меня? – спрашивает он.

Приподнимаю голову, чтобы посмотреть на него. Я полностью раздавлен, а вот Кассия Беллона не меняют ни война, ни время. Он еще более красив, чем я помню, от него исходит поразительная жизненная сила. Кассий выше двух метров, на нем белые с золотом одежды Рыцаря Зари, его вьющиеся волосы сверкают, словно метеоритный дождь. Лицо гладко выбрито, нос слегка искривлен после недавнего перелома. Встретившись с ним взглядом, я едва сдерживаю рыдания. Он смотрит на меня с грустью, чуть ли не с нежностью. Какое же жалкое зрелище я собой представляю, если даже человек, которому я нанес смертельную обиду, так смотрит на меня!

– Кассий, – шепчу я просто для того, чтобы произнести вслух его имя, чтобы поговорить с другим человеком, чтобы быть услышанным.

– Что скажешь? – спрашивает Айя Гримус из-за плеча Кассия.

Самая жестокая фурия верховной правительницы носит те же доспехи, в которых я впервые увидел ее при нашей первой встрече на башнях цитадели Луны. В ту ночь Мустанг

спасла меня, а Айя до смерти избила Куинн. Доспехи потерянные, видно, что они не раз побывали в битве. Ненависть сменяется страхом, и я снова отвожу взгляд от темнокожей воительницы.

– По крайней мере, он жив, – тихо произносит Кассий. – Что ты с ним сделал? – поворачивается он к Шакалу. – Эти шрамы...

– Полагаю, все очевидно, – отвечает Адриус. – Я вернул Жнецу его истинное лицо.

Пытаясь понять, о чем он, я вынужден посмотреть на то, что находится ниже моей всклокоченной, отросшей бороды. Я – живой труп, бледный и тощий как скелет. Ребра торчат, натягивая кожу, тонкую, словно пенка на молоке. Колени выпирают на паучьих ногах. Ногти на них отросли и загнулись. Все мое тело испещрено шрамами от пыток Шакала. Мышцы практически атрофировались. Трубки, поддерживавшие мое существование во время заточения, торчат из живота – черные извивающиеся шланги, которыми я до сих пор прикован к полу камеры.

– Сколько времени он провел там? – спрашивает Кассий.

– Три месяца допросов, затем девять месяцев в одиночке.

– Девять?!

– Разумеется, неспроста. Даже на войне не стоит забывать о том, какой силой обладают метафоры. Мы же не дикари, правда, Беллона?

– Кассий – натура утонченная, Адриус, ты оскорбляешь

его чувства, – говорит сидящая рядом с Шакалом Антония.

Отравленное яблоко, а не женщина! Яркая, блистательная, манящая, но с совершенно прогнившей душой. В училище она убила мою подругу Лию. Потом всадила пулю в голову собственной матери, а затем – еще две в позвоночник своей сестры Виктры. Теперь она союзница Шакала – человека, который распял ее во время учебы. Мы живем в странном мире... За спиной Антонии стоит смуглая Ведьма; когда-то она была упырем, а теперь, судя по птичьему черепу на груди, вступила в ряды скелетов – личной гвардии Шакала. По правую руку от Шакала сидит их командир, обритая наголо Лилат. Еще со времен училища она стала его любимым киллером.

– Прошу меня простить, но я не вижу смысла пытаться поверженного врага, – отвечает ей Кассий. – Особенно в том случае, когда он уже выдал всю необходимую информацию.

– Не видишь смысла? – спокойно смотрит ему в глаза Шакал. – Смысл, патриций, в наказании! – объясняет он. – Это... существо возомнило, что может быть с нами на равных. С нами, Кассий! Более того, этот тип решил, что он лучше нас! Он насмеялся над нами! Уложил в постель мою сестру! Он должен понять, что у него изначально не было шансов, его ждал неизбежный провал! Алые всегда были хитрыми зверьками. А он, друг мой, живое воплощение всего, к чему они стремятся и чего могут достичь при нашем попустительстве! Поэтому я просто позволил тьме и времени

сорвать с него маску и открыть нам его истинное лицо. Homo flammeus, согласно новой системе классификации, которую я предложил Бюро стандартов. Эволюционно лишь немного отличается от homo sapiens, а все остальное – просто маска!

– Он посмеялся не над нами, а над тобой, – парирует Кассий, – ведь твой отец предпочел побывавшего в руках ваятелей алого своему родному сыну! Вот и все, Шакал. Какой позор для мальчика, которого никто не хотел и не любил!

От этих слов Шакал вздрагивает. Айя неодобрительно косится на своего молодого спутника, но тут в разговор вступает Антония:

– Дэрроу лишил жизни Юлиана, а потом перерезал твою семью! Кассий, он послал убийц на расправу с детьми из твоего рода, когда те спрятались на горе Олимп! Что бы сказала твоя мать, если бы увидела, что ты испытываешь к нему жалость?

Кассий даже не смотрит на них и приказывает одной из розовых, ожидающих указаний в дальнем углу зала:

– Принеси одеяло для пленника!

Никто не двигается с места.

– Что за манеры! А ты, Ведьма? – поворачивается Кассий к моей бывшей боевой подруге, но та молчит.

Презрительно фыркнув, он снимает с себя белый плащ и прикрывает им мое дрожащее тело. Все, включая меня, поражено смотрят на него.

– Благодарю, – хриплю я, но Кассий отворачивается от ме-

ня.

Жалость не есть прощение, и простыми словами благодарности не искупить моей вины перед ним. Лилат негромко смеется, не отрываясь от тарелки сваренных всмятку яиц коллибри и высасывая их одно за другим. Бритоголовая убийца сидит рядом с Шакалом, уставившись на Айю глазами мурены, обитающей в пещерных озерах Венеры, а потом говорит:

– С какого-то момента, Рыцарь Зари, честь превращается из достоинства в недостаток. Старик Аркос понял это на собственной шкуре, но было уже поздно, – добавляет она, выпивая очередное яйцо.

Айя не произносит ни слова, ее манеры, как всегда, безупречны. Но мне слишком хорошо знакомо это тяжелое молчание – точно так же она вела себя перед тем, как убить Куинн. Лорн обучил ее владению лезвием, и она не потерпит насмешек над его именем. Лилат жадно проглатывает еще одно яйцо – для нее радость нанести оскорбление другому куда важнее каких-то там манер.

Союзники явно недолюбливают друг друга. Ничего удивительного; в конце концов, они золотые. Но похоже, что сейчас наметился серьезный раскол между золотыми старшего поколения и современной молодежью вроде Шакала.

– Мы все друзья, – игриво заявляет Шакал. – Лилат, веди себя прилично! Лорн был железным золотым, просто он выбрал не ту сторону. Итак, Айя, я сгораю от любопытства! Срок аренды Жнеца истек, что вы планируете делать с ним

дальше? Отдадите ваятелям под нож?

– Да, – коротко отвечает Айя. – Занзибару не терпится узнать, как им удалось создать такое. У него есть свои теории на этот счет, но их невозможно подтвердить, пока у него не будет образца. Мы надеялись схватить ваятеля, который сделал Жнеца, но, видимо, он погиб при авиаударе по Като в провинции Алькидалия.

– Или они хотят, чтобы вы так думали, – встревает Антония.

– Он ведь был у тебя в руках, не так ли? – язвительно спрашивает Айя у Шакала.

– Фиолетового зовут Микки, – кивает тот. – Его лишили лицензии, после того как он слепил ребенка от смешанного брака. Семья пыталась спасти отпрыска от ликвидации. После этого ваятель ушел на черный рынок и работал в основном с воздушными и водными модификациями розовых. До того как Сыны Ареса наняли Микки для особого задания, у него была мастерская в Йорктоне. Дэрроу помог ему сбежать от меня. Если вас интересует мое мнение, то, уверен, Микки еще жив. По сведениям моих оперативников, он находится в Тиносе.

– Если у тебя есть какая-то наводка на Тинос, стоит рассказать нам о ней прямо сейчас, – говорит Кассий, переглянувшись с Айей.

– Пока ничего конкретного. Тинос... не так просто найти. К тому же нам до сих пор не удалось взять в плен одно-

го из капитанов их кораблей... живьем, – добавляет Шакал, попивая кофе. – Но работа идет, и как только у меня будет какая-то информация, я в первую очередь сообщу вам. А вот упырей, будьте любезны, отдайте моим скелетам. Им не терпится повидаться, правда, Лилат?

Я стараюсь не выдать своей радости, но как же это сложно! Упыри живы! По крайней мере, кто-то из них! И они встали на сторону Сынов Ареса, а не золотых!

– Да, господин, – отвечает Лилат, внимательно глядя на меня. – Мы устроим настоящую охоту! Сражения с алым легионом и другими повстанцами – жуткая скукота, даже для серых.

– Кассий, верховная правительница ждет нас, – напоминает Айя и поворачивается к Шакалу. – Не смеем больше злоупотреблять твоим гостеприимством, Адриус. Мы покинем тебя, как только мой Тринадцатый легион снимется с лагеря на Голанском водохранилище. Скорее всего, завтра утром.

– Вы забираете легионы на Луну?

– Только Тринадцатый. Остальные останутся здесь под твоим командованием.

– Под моим командованием?! – удивленно вскидывает брови Шакал.

– Считай, что я предоставляю их тебе в аренду, пока это восстание окончательно не выдохнется, – презрительно произносит она, а я отмечаю про себя новое определение нашего мятежа. – Таков приказ верховной правительницы в знак

доверия к тебе. Как ты знаешь, она очень довольна твоими успехами.

– Несмотря на твои методы, – вставляет Кассий, но Ая сердитым взглядом заставляет его замолчать.

– Что ж, раз вы завтра уезжаете, то вечером я, разумеется, жду вас на ужин! Мне хотелось бы обсудить кое-какие политические дела... Касательно повстанцев на окраине, – расплывчато добавляет Шакал, ни на секунду не забывая, что я слышу их разговор.

Информация – его главное оружие. Он внушил мне, что меня предал кто-то из друзей, но так и не сообщил его имени. Во время пыток он все время намекал то на одного, то на другого, а потом взял и отправил меня в кромешную тьму.

В зал входит серый и сообщает, что в кабинете лорд-губернатора ожидает сестра. От пальцев Шакала пахнет ферментированным зеленым чаем, любимым напитком Виргинии. Она знает, что я здесь? Сидела за этим столом? Шакал продолжает болтать без умолку, но я упускаю нить разговора. Слишком много непонятного, слишком много звуков, слишком много всего...

– Мои люди приведут Дэрроу в порядок перед поездкой, мы с вами обсудим все дела, а потом закатим пир в духе Три-малхиона. Волуксы и Кориалусы будут счастливы встрече с вами. Давненько у меня не гостили два всадника-олимпийца. Все время то на поле брани, то разъезжаете по провинциям, то идете по следу в тоннелях, морях и гетто! Сколько

времени прошло с тех пор, как вы спокойно наслаждались трапезой, не думая о ночном рейде или террористах-смертниках?

– Много, – кивает Айя. – Мы были проездом в Фессалонике и воспользовались гостеприимством братьев Рат, которым не терпелось доказать свою преданность после... их выходок во время Железного дождя. Прием был несколько... непривычный.

– Боюсь, мой ужин не пойдет с этим ни в какое сравнение, – смеется Шакал. – Последнее время у меня вообще никого не бывает, кроме политиков и военных. Эта чертова война совершенно лишила меня светской жизни, сами понимаете.

– Или попросту твой дом не считают приветливым? – спрашивает Кассий. – А может, кого-то меню не устраивает?

– Держи себя в руках, Беллона! – вздыхает Айя, но на самом деле происходящее ее забавляет.

– Кассий, я все понимаю, тебе тяжело забыть страх, тяжело оставить в прошлом вражду между нашими домами. Но сейчас настали времена, когда мы должны объединиться ради блага всех золотых, – улыбается Шакал.

Я-то знаю, что на самом деле он с удовольствием отпилил бы им обоим головы тупым ножом.

– У всех нас есть свои школьные обиды, поэтому мне нечего стыдиться, – добавляет Шакал.

– И все же мы хотели обсудить одно важное дело, – с упо-

ром произносит Айя.

– Я же тебе говорила! – вскидывается Антония. – И что от нас нужно верховной правительнице на сей раз?

– Это некоторым образом связано с тем, о чем говорил Кассий.

– С моими методами? – заканчивает за нее Шакал.

– Да.

– Мне казалось, верховная правительница довольна моими усилиями по подавлению восстания.

– Довольна, но...

– Она хотела навести порядок. Я помог ей. Наши запасы гелия-три пополняются, добыча сократилась всего на три целых и две десятых процента. Восстание вот-вот задохнется, Ареса скоро найдут, Тинос и вся эта история останутся в прошлом. Фабии возьмут на себя...

– Я не об этом, а о твоём убойном отряде, – перебивает его Айя.

– Ах вот что...

– И о новых процедурах ликвидации в шахтах повстанцев. Правительницу беспокоит твоя жестокость по отношению к низшим алым, она может дорого обойтись нам, учитывая имевшие место сложности с пропагандой. Взрывы прогремели на самом Палатине! Латифундии Земли бастуют. Волна протестов прямо у ворот цитадели! Дух восстания жив, несмотря на то что повстанцы разобщены, и мы не должны давать им повод объединиться!

– Сомневаюсь, что протесты будут продолжаться после того, как мы пошлем туда черных, – хитро улыбаясь, говорит Антония.

– И все же...

– Моя тактика никогда не станет достоянием общественности. Мы лишили Сынов Ареса возможности вести пропаганду, теперь вся информация в моих руках, Айя. Народ думает, что война уже проиграна. Людям никогда не покажут фотографии трупов, никто и краем глаза не увидит, что осталось от ликвидированных шахт. Все будут знать лишь о том, что алые совершают теракты, мирное население страдает, дети средних и высших цветов погибают прямо в школах. Общественность за нас...

– А если все-таки узнают, что ты творишь? – спрашивает Кассий.

Немного помедлив, Шакал жестом подзывает полуобнаженную розовую, которая лежит на диване в смежной с залом гостиной. Девушка, на вид чуть старше Эо, подходит к нему, смиренно опустив взгляд в пол. У нее глаза цвета розового кварца, серебристо-сиреневые волосы, заплетенные в длинные, до пояса, косы. Ее с детства учили доставлять удовольствие этим монстрам, страшно подумать, что видели эти полудетские глаза. Внезапно я забываю о собственных страданиях. Внутри все кипит от ярости, но я молчу. Не сводя с меня глаз, Шакал вводит два пальца девушке в рот и разжимает ей зубы. Потом культей поворачивает голову девушки

так, чтобы сначала я, а потом Айя и Кассий смогли заглянуть розовой в рот.

У нее вырван язык.

– Я сделал это собственноручно после того, как мы взяли ее восемь месяцев назад. Она пыталась устроить покушение на одного из моих скелетов в клубе «Жемчужина Эгеи». Девчонка меня ненавидит, больше всего на свете желала бы увидеть, как я сгнию в земле, – произносит он, отпускает подбородок девушки, достает из висящей на боку кобуры пистолет и бросает розовой. – Выстрел в голову, Каллиопа! Давай же, за все непристойности, которые я совершал с тобой и твоими соплеменницами. Давай! Я вырвал тебе язык! А помнишь, что я сделал с тобой в библиотеке? А ведь это повторится, и не раз! – дразнит девушку Шакал, снова беря ее за изящный подбородок. – Не раз! – повторяет он. – Стреляй, сучка! Стреляй!

Трясаясь от ужаса, розовая бросает пистолет на пол, падает на колени и цепляется за ноги Шакала. Тогда он благодушно и ласково дотрагивается до ее головы и почти с нежностью говорит:

– Ну-ну, Каллиопа, все хорошо, ты справилась. Для общественности, – продолжает он, поворачиваясь к Айе, – мед всегда слаще уксуса. Но против тех, кто сражается с помощью уловок, отравлений, саботажа в швейных мастерских и терактов на улицах, для этих трусливых тараканов, выползающих из своих укрытий только ночью, есть лишь оно сред-

ство – страх. Страх и полное уничтожение, – добавляет он, пристально глядя на меня.

3. «Змеиный укус»

Металлические лезвия с жужжанием прикасаются к моему черепу, и на коже головы выступают капельки крови. Зря я благодарил Кассия: дело вовсе не в благородстве, а в элементарных требованиях гигиены. Ошметки грязных светлых волос падают на бетонный пол. Серый заканчивает обривать меня наголо электрической бритвой. Товарищи называют его Данто. Он вертит мою голову туда-сюда, чтобы убедиться, что ничего не упустил из виду, а потом с силой хлопывает по макушке.

– Как насчет ванны, господин? – с издевкой спрашивает он. – Гримус любит, чтобы ее пленники были чистыми и от них не воняло!

Он постукивает по наморднику, который на меня надели после того, как я покусал охранников, пытавшихся снять меня со стола Шакала. На шею нацепили электрический ошейник, руки связали за спиной, а потом отряд из двенадцати ищеек во всеоружии проволок меня по коридорам, словно мешок с мусором.

Другой серый хватает меня за ошейник и поднимает на ноги, а Данто берет торчащий из стены шланг. Охранники почти на голову ниже меня, но все как на подбор крепкие и коренастые. Жизни серых не позавидуешь: гоняться за пиратами по поясу астероидов, преследовать убийц синдиката

в труппах Луны, охотиться на Сынов Ареса в шахтах...

Мне ненавистны их прикосновения. Их вид и издаваемые ими звуки. Все слишком резко, слишком ярко, слишком громко – каждое действие причиняет мне боль. Меня дергают, тащат, пинают... Изо всех сил сдерживаю слезы, но не знаю, как справиться с собой.

Двенадцать солдат выстраиваются в шеренгу и смотрят, как Данто направляет на меня шланг. Как всегда, к отряду ищеек приставлены трое черных. Струя воды ударяет меня в грудь, словно взбрыкнувшая лошадь, и кожа лопается от напора. Верчусь на бетонном полу, пячусь в дальний угол. Ударяюсь головой о стену, перед глазами пляшут искры. Вода попадает мне в рот, я захлебываюсь, сгибаюсь пополам, так как не могу закрыть лицо – руки связаны за спиной.

Мойка окончена, я фыркаю и кашляю, с трудом пытаюсь вдохнуть через плотно прилегающий к лицу намордник. С меня снимают наручники, засовывают руки и ноги в рукава и штанины черного тюремного комбинезона, а потом снова связывают. Скоро мне на голову накинута капюшон и окончательно лишат человеческого достоинства. Кто-то толкает меня, и я сажусь на стул. Меня пристегивают так, что я вообще не могу пошевелиться. Они излишне осторожны. Наблюдают за каждым моим движением. Охраняют меня с такой бдительностью, как будто имеют дело со мной прежним, а не с тем, во что я превратился. Щурясь, я смотрю на них, но перед глазами все плывет. С ресниц капает вода. Пытаюсь

фыркнуть носом, но он забит свернувшейся кровью от ноздрей до носовой полости. Нос мне сломали, когда надевали намордник.

Мы находимся в доме заседаний Бюро стандартов, который в крепости Шакала служит тюрьмой. Как и все правительственные учреждения, здание представляет собой бетонную коробку. В резком освещении все выглядят как ходячие трупы, поры на коже напоминают кратеры на метеоритах. Кроме серых и черных, в зале присутствует один желтый врач. Еще есть кресло, операционный стол и какой-то шланг. Однако истинное предназначение этого помещения открывается, когда видишь ржавые пятна вокруг водостока в полу и царапины от ногтей предыдущих пациентов на ручках кресла. Здесь начинается финальная стадия жизни.

Кассий никогда бы не оказался в этом богом забытом месте. Мало кому из золотых приходилось бывать здесь – для этого нужно умудриться нажить себе очень влиятельных врагов. Зал заседаний Бюро стандартов – часовой механизм Сообщества, его скрежещущие и цепляющиеся друг за друга шестеренки. Как можно сохранять присутствие духа там, где властвует бесчеловечность?

– С ума сойти, а? – раздается рядом со мной голос Данто. – В жизни не видел ничего более странного! – добавляет он, поглядывая на меня.

– Ваятель, наверное, прибавил ему килограммов сто веса! – поддерживает разговор другой серый. – Нет, больше!

Вы его в доспехах видали? Да он был самым настоящим монстром!

– Что, больно было родиться заново? – спрашивает Данто, поддевая мой намордник татуированным пальцем. – Уважаю! Боль – универсальный язык, правда, ржавый?

Я ничего не отвечаю, он наклоняется вперед и со всей силы наступая на мою босую ногу стальным каблуком. Ноготь большого пальца трескается. Волна крови и боли рвет палец на части. Голова моя безвольно падает, я ахаю.

– Правда? – повторяет вопрос охранник.

Из глаз текут слезы, но не от боли, а от того, с какой непринужденностью он проявляет жестокость. Я сразу кажусь себе маленьким. Почему ему так легко причинять мне боль? Мне хочется обратно в клетку!

– Да он настоящий бабуин в костюме! – смеется другой серый. – Отстань от него, что с него взять!

– Взять нечего, говоришь? – поворачивается к нему Данто. – Бред! Ему понравилось быть хозяином! Понравилось управлять нами!

Данто приседает на корточки и смотрит мне в глаза. Я пытаюсь отвернуться, боюсь, что он снова ударит меня, но серый хватает меня за голову, силой открывает мне веки, придерживая их большими пальцами, и заставляет смотреть на него.

– Две мои сестры погибли в этом твоём Дожде, ржавый ублюдок! А скольких друзей я потерял! – кричит он и бьет

меня в висок чем-то металлическим.

Перед глазами плывут круги. По лицу струится кровь. За спиной Данто его начальник не отрывает глаз от планшета.

– Ты ведь и моих детей не пожалел бы? – спрашивает Данто, заглядывая в мои глаза в поисках ответа, но мне нечего ему сказать.

Как и все остальные, Данто – ветеран-легионер, грубый, словно ржавая терка. Его черная форма напичкана техникой, на ткани переплелись в объятиях изящно вышитые фиолетовые драконы. В глазах Данто – оптические имплантаты для термального зрения и чтения карт дислокации войск. Под кожей – целый арсенал биотехники, с помощью которой он охотится на золотых и черных. У всех серых на затылках вытатуирована римская цифра XIII, вокруг которой обвивается морской дракон, а в ее основании символически изображены горстки Праха. Это знак Тринадцатого легиона драконов, личного подразделения преторов Повелителя Праха, а теперь и его дочери Айи. Гражданские называют их просто «драконы». Мустанг на дух не выносит этих фанатиков. Они представляют собой независимую армию численностью в тридцать тысяч избранных, которым Айя поручила увезти верховную правительницу с Луны.

Их отвращение ко мне безгранично.

Они до мозга костей ненавидят низшие цвета – такой расизм не снился даже золотым.

– Хочешь, чтобы щенок заскулил, бей по ушам, Данто! –

предлагает серая, стоящая возле двери.

Мощная челюсть ходит ходуном – серая жует резинку. Пепельные волосы подстрижены в короткий ирокез. Акцент выдает уроженку Земли. Она стоит, прислонившись к металлической стене рядом с зевающим серым, изящный нос которого скорее подошел бы розовому, чем солдату.

– Складываешь ладонь горстью, бьешь по ушам, и от давления лопается барабанная перепонка.

– Спасибо, Холи!

– Всегда пожалуйста!

– Вот так? – спрашивает Данто, показывая ей ладонь, и бьет меня по голове.

– Пальцы посильней согни, – советует она, но тут центурион наконец щелкает пальцами:

– Данто! Он нужен Айе Гримус живым! Отойди, пусть его врач осмотрит.

Я вздыхаю с облегчением – меня ожидает если не избавление от мучений, то, по крайней мере, короткая передышка.

Врач, полный желтый, вразвалку подходит ко мне и начинает разглядывать светло-коричневыми глазками-бусинками. В искусственном освещении его лысина блестит, словно обработанное воском яблоко. Он проводит по моей груди биоскопом, данные выводятся прямо на небольшие цифровые имплантаты в его глазах.

– Ну что, док? – спрашивает центурион.

– Удивительно, – шепчет через некоторое время жел-

тый. – Плотность костей и внутренних органов практически в норме, несмотря на низкокалорийную диету. Мышцы, как мы и предполагали по результатам лабораторных экспериментов, атрофировались, но не так сильно, как могли бы пострадать ткани истинных ауреев...

– Хочешь сказать, что он лучше золотых? – ухмыляется центурион.

– Я этого не говорил! – вскидывается доктор.

– Расслабьтесь, док, здесь нет камер. Мы же в зале обработки! Каков ваш вердикт?

– Оно пригодно к транспортировке.

– Оно? – глухо мычу я из-за ремней намордника, и доктор пораженно смотрит на меня, в шоке оттого, что я могу говорить.

– Перенесет большую дозу транквилизаторов? Нам с этой орбиты до Луны три недели добираться.

– Вполне. – Врач испуганно глядит на меня. – Но я бы увеличил дозу до десяти миллиграммов в день, капитан. У этого существа необычайно сильная система кровообращения.

– Вас понял, – отзывается капитан, кивая той самой серой. – Дальше ты, Холи! Уложи его баиньки, а потом берем каталку и увозим его отсюда. Вы свободны, док, отправляйтесь обратно, в ваш уютный кофейно-шелковый мирок! Об остальном мы позаботимся...

Бах! Центурион в мгновение ока лишается лба. Что-то металлическое ударяется о стену. Смотрю на капитана заворо-

женно и пытаюсь понять, куда делось его лицо. Бах! Бах! Бах! Бах! Звук напоминает хруст суставов. Головы стоящих рядом со мной драконов превращаются в облака красного пара. Мельчайшие частицы крови оседают на моей коже, и я отворачиваюсь. Серая как ни в чем не бывало идет вдоль шеренги солдат, стреляя каждому в затылок и даже не глядя в их сторону, чтобы прицелиться. Остальные не успевают схватиться за винтовки: второй серый, стоящий у двери, убивает еще пятерых из старомодного порохового ружья, стреляющего пулями. На ствол накручен глушитель, так что все происходит совершенно бесшумно. Первыми, истекая кровью, на пол падают черные.

– Чисто! – отчитывается женщина.

– Плюс два, – отзывается ее напарник и стреляет в желтого доктора, который ползет к двери, пытаюсь спастись.

Потом серый ставит сапог на грудь Данто. Тот в потрясении смотрит на бывшего товарища, из горла у него хлещет кровь, но все-таки он хрипит:

– Тригг... Почему...

– Арес передает привет, засранец! – отвечает серый и стреляет ровно в щель тактического шлема Данто, прямо между глаз, потом эффектно поворачивает револьвер на пальце, подув на дымящееся дуло, и убирает оружие в кобуру. – Чисто!

С трудом шевеля губами под намордником, я пытаюсь сформулировать связное предложение и с трудом произно-

шу:

– Кто... вы... такие?

– Холидей Накамура, – отвечает серая, пиная один из трупов. – А это Тригг, мой младший брат. Кто ты такой, вот в чем вопрос? – спрашивает она, приподнимая испещренную шрамами бровь.

Ее круглое лицо усыпано веснушками. Плоский нос, узкие темно-серые глаза. Я смотрю на нее и с трудом выговариваю:

– Кто я такой?

– Мы пришли за Жнецом. Если это ты, то нам стоит попросить деньги обратно, – подмигивает мне она. – Да шучу, сэр!

– Холидей, перестань! – аккуратно оттесняет ее в сторону Тригг. – У него же контузия! Вы в порядке, сэр? – успокаивающим тоном говорит он, осторожно подходя ко мне с поднятыми руками. – Мы пришли спасти вас, – произносит он, и я замечаю его акцент, более сильный, чем у Холидей.

Он делает еще один шаг, и я съеживаюсь. Сейчас он будет меня бить.

– Я сниму с вас наручники, сэр. Не волнуйтесь! Вы этого хотите?

Это все неправда! Очередные игры Шакала! У него же татуировка XIII! Это преторы, а не Сыны! Лжецы! Убийцы!

Нет, нет, нет! Он же расстрелял охранников! Он хочет помочь мне! Я обессиленно киваю, Тригг заходит сзади. Я

ему не доверяю. Ожидаю, что он всадит в меня шприц или просто шею свернет. Но риск – благородное дело, и в следующую секунду я свободен, наручники сняты! Плечевые суставы хрустят, я со стоном вытягиваю руки перед собой в первый раз за девять месяцев. От боли по рукам идет крупная дрожь. Ногти отросли и загнулись. Но теперь руки снова принадлежат мне! Я пытаюсь вскочить на ноги и броситься к выходу, но тут же падаю на пол.

– Эй-эй, полегче, герой! – качает головой Холидей, усаживая меня обратно в кресло. – У вас же мышцы почти атрофировались! Надо бы смазать для начала!

Тригг обходит стул и встает передо мной. Кривая улыбка освещает его открытое мальчишеское лицо, он не такой боевой, как сестра, в уголке правого глаза вытатуированы две золотые слезинки. Тригг скорее напоминает верного пса, чем наемника. Он осторожно снимает с меня намордник, а потом вздрагивает, словно вспомнив о чем-то важном.

– Я должен кое-что передать вам, сэр.

– Не сейчас, Тригг. – Холидей напряженно смотрит на дверь. – Нам нельзя терять ни секунды!

– Оно ему пригодится, – затаив дыхание, отзывается Тригг, но все-таки ждет одобрительного кивка Холидей, прежде чем достать из рюкзака кожаный сверток и протянуть его мне. – Это ваше, сэр, возьмите! Ну что, – весело добавляет он, поймав мой одобрительный взгляд, – ведь я не соврал вам, а?

– Нет... – шепчу я, принимая сверток.

Дрожащими пальцами тяну за шнурок, которым он пере-
хвачен, и чувствую, какая изнутри исходит сила. Через миг
меня ослепляет смертоносный блеск. Чуть не роняю кожа-
ную упаковку вместе с содержимым – я напуган, как в тот
момент, когда мои глаза впервые после заточения увидели
свет.

Мое лезвие! Подарок Виргинии! Уже дважды я расставал-
ся с ним: однажды его забрал у меня Карнус, а потом, на це-
ремонии триумфа, Шакал. Лезвие белое и гладкое, словно
первый молочный зуб ребенка. Пальцы скользят по холодно-
му металлу и рукоятке, обтянутой телячьей кожей и покры-
той пятнами соли. Прикосновение к клинку погружает меня
в меланхолические воспоминания об утраченной силе и дав-
но забытом тепле. Аромат грецкого ореха переносит меня в
тренировочный зал Лорна, где он давал мне уроки, пока его
любимая внучка училась печь пироги в примыкающей к за-
лу кухне.

Лезвие змеится в воздухе, завораживая своей красотой и
соблазняя обещанием силы. Этот клинок убеждал меня, как
и многих мужчин на протяжении веков, в том, что я бог, но
это было ложью. Лезвие заставило нас заплатить за гордыню
ужасной ценой.

Мне страшно снова брать его в руки.

Превращаясь в изогнутый хлыст, лезвие шипит, словно
гадюка в брачный период. Когда я в последний раз держал

в руках мой клинок, он был гладким, без всякого узора, но сейчас на слегка подрагивающей белой поверхности проступает какой-то рисунок. Наклонив клинок, я пытаюсь разглядеть гравировку у самой рукоятки. Эо! Я растерянно смотрю на изображение моей жены, выгравированное на металле. Мастер запечатлел ее не на эшафоте, не в тот момент, что навечно останется в памяти народа, а в образе простой девушки, которую я любил. Она присела на корточки, волосы свободно падают на плечи, она срывает цветок гемантуса и глядит на меня снизу вверх. Кажется, Эо вот-вот улыбнется. Чуть выше девичьей фигурки – мой отец целует мать перед уходом из дома, а на самом острие лезвия – мы с Лианной и Лораном, нацепив страшные маски, гонимся за Кираном по тоннелю в День Всех Святых. Вот таким и было мое детство.

Кем бы ни был этот мастер, он хорошо меня знает.

– Золотые украшают свои мечи изображением своих подвигов. Великих и жестоких деяний, которые они совершили. Арес решил, что ты предпочтешь видеть на клинке тех, кого любишь, – раздается из-за спины Тригга тихий голос Холидей.

Она то и дело поглядывает на дверь.

– Арес мертв! – кричу я, пытаюсь прочитать на их лицах затаенные коварство и злобу. – Вас послал Шакал! Это ловушка! Хотите, чтобы я вывел вас на базу Сынов? – спрашиваю я, сжимая рукоять лезвия. – Решили использовать меня, лжецы?

Холидей пятится, в ужасе уставившись на оружие в моей руке, а вот Тригг просто уничтожен моими подозрениями.

– Лжецы?! Да разве мы посмели бы лгать вам?! Мы готовы умереть за вас, сэр! И за Персефону, то есть за Эо, с радостью бы жизнь отдали. – Он запинается, с трудом подбирая слова, – должно быть, привык, что за него в основном говорит сестра. – За стенами тюрьмы вас ждет целая армия – это что ж, не считается? Целая армия ждет, пока к ней вернется ее... ее душа! – восклицает он, подаваясь вперед, а Холидей все так же не сводит глаз с двери. – Мы с юга тихоокеанского побережья – захолустного уголка Земли. Я думал, что так и умру, охраняя амбары с зерном! И вот я здесь, на Марсе! У нас одна задача – доставить вас...

– Встречал я лжецов и получше тебя! – зло шиплю я.

– Забей, Тригг! – окликает брата Холидей и лезет за планшетом.

– погоди, Холидей, ты что! Арес же сказал: только в самом крайнем случае! Если они засекут сигнал...

– Да ты посмотри на него! Если это не крайний случай, то что?! – перебивает она брата и бросает мне свой планшет.

Вызов переадресуется через другое устройство. Дисплей мигает голубым цветом, на той стороне не берут трубку. Верчу планшет в руках, и тут в воздухе, словно цветок, раскрывается голограмма остроконечного шлема – она кажется сотканной из солнечного света, а величиной – не больше моего кулака. В прорезях шлема злобно горят огнем красные глаза.

– Фичнер?

– Вторая попытка, засранец! – ворчит голос.

Быть того не может!

– Севро?! – неожиданно жалобным тоном бормочу я.

– Эх, парень, видок у тебя тот еще! Как будто только что из утробы скелета вылез, мать твою!

– Ты жив... – ошарашенно повторяю я, глядя, как шлем исчезает.

Передо мной появляются резкие черты моего друга, он улыбается, обнажая острые зубы.

– Ни одному гребаному эльфу не под силу убить меня, – хрипло смеется Севро, и изображение слегка подрагивает. – Пора домой, Жнец! Я не могу прийти за тобой, ты должен добраться до меня сам. Как понял, прием?

– Но как это сделать? – вытирая слезы радости, спрашиваю я.

– Доверься моим Сынам. Сможешь?

– Шакал... Он держит в заложниках мою семью, – говорю я, посмотрев на брата с сестрой и одобрительно кивнув.

– Никого этот хренов трупоед не держит, твои у меня! Я забрал их из Ликоса сразу после того, как тебя взяли. Мама твоя ждет тебя не дождется!

Я снова начинаю плакать. На этот раз – от облегчения.

– А теперь возьми себя в руки, парень! Надо поторапливаться, – говорит он, поглядывая в сторону. – Дай-ка мне Холлидей! Холлидей, постарайтесь сработать чисто. Если не по-

лучится, играйте в открытую. Как поняла? Прием.

– Вас поняла, сэр!

– Разбейте цепи!

– Разбейте цепи! – эхом отзываются серые, и голограмма гаснет.

– Не суди о нас по цвету, – произносит Холидей и протягивает мне татуированную руку.

Сначала я разглядываю знаки серых на ее руке, а потом перевожу взгляд на веснушчатое, с грубоватыми чертами лицо. Один глаз заменен на биопротез и смотрит не моргая. Из уст Холидей слова Эо прозвучали совсем по-другому... Но кажется, именно в этот момент во мне проснулась душа. Душа, но не разум. Сознание все еще подводит меня. Будто сквозь трещины, на меня уставилась извивающаяся, сомневающаяся тьма, но теперь есть и надежда. В отчаянии я хватаю Холидей за руку.

– Разбей цепи! – хрипло отзываюсь я и удрученно смотрю на свои ноги. – Вам придется нести меня, даже стоять толком не могу.

– Поэтому мы приготовили вам небольшой аперитивчик, сэр! – провозглашает Холидей и достает шприц.

– Что это? – спрашиваю я.

– Масло надо сменить, сэр, – смеется Тригг. – Если честно, друг, лучше тебе этого не знать! – подмигивает мне он. – От этой дряни даже мертвец на ноги встанет!

– Тогда давайте сюда! – протягиваю руку я.

– Будет больно, – предупреждает Тригг.

– Он большой мальчик, – бросает ему Холидей и подходит ко мне.

– Сэр, зажмите зубами, – говорит Тригг, подавая мне свою перчатку.

Слегка неуверенно я прикусываю просоленную кожу и ки- ваю Холидей. Она резким движением всаживает шприц, но не в руку, а прямо в сердце. Металл входит в мышцу, и в кровь выбрасывается какое-то адское зелье.

– Вашу мать! – пытаюсь крикнуть я, но из горла вырывает- ся лишь сдавленный хрип.

По венам разливается огонь, сердце пыхтит, словно взбе- сившийся насос, я даже поглядываю на грудь, чтобы провер- ить, не выскочило ли оно. Внезапно ощущаю каждую мыш- цу. Все клетки тела словно взрываются, пульсируя от избыт- ка кинетической энергии. Меня выворачивает, я падаю, ца- рапая грудь, задыхаюсь, сплевываю желчь, колочу ногами по полу. Серые осторожно отходят от моего корчащегося тела. Я извергаю поток ругательств, которые заставили бы покрас- неть даже Севро. Потом по телу проходит легкая дрожь, я поднимаю взгляд на моих новых друзей и спрашиваю:

– Это что такое было?!

– Мамаша называет это зелье «змеиный укус», – с трудом сдерживает смех Холидей. – С вашим метаболизмом будет действовать тридцать минут, не больше!

– Это приготовила ваша мама?!

– Ну мы ж с Земли, – пожимает плечами Тригг.

4. Камера 2187

Они ведут меня по коридорам под видом конвоиров, сопровождающих пленника. На мою голову накинута капюшон, руки сцеплены сзади незашелкнутыми наручниками. Брат идет слева, сестра – справа, оба незаметно поддерживают меня под локти. Благодаря «змеиному укусу» я могу идти сам, но не очень-то уверенно. Тело, и без того напичканное лекарствами, вялое, словно мешок с тряпьем. Почти не чувствую ни разбитого большого пальца, ни дрожи в ногах. Тонкие подошвы тюремных тапок громко шаркают по полу. Голова как в тумане, но мозг работает на сверхсветовых скоростях, состояние маниакальное, но сознание сфокусированное. Прикусываю язык, чтобы не начать бормотать вслух, и напоминаю себе, что я теперь не во тьме. С шуршанием мы шагаем по бетонному коридору. Я иду навстречу свободе! Навстречу моей семье, навстречу Севро!

Здесь никто не осмелится остановить солдат Тринадцатого легиона, особенно сейчас, когда им предоставлен полный доступ на время визита Айи. Не думаю, что многие в армии Шакала вообще в курсе, что я жив. Посмотрят на мой рост, на мертвенную бледность и решат, что я какой-то черный, которому не повезло впасть в немилость. Ловлю любопытные взгляды. Кажется, это паранойя. Они знают! Там ведь остались тела серых! Сколько осталось времени, прежде чем

они откроют ту дверь? Когда они нас обнаружат? Мой мозг с бешеной скоростью прокручивает все возможные исходы, причем самые неприятные. Это все из-за наркотика, из-за наркотика!

– А разве нам не наверх? – спрашиваю я, когда гравелифт увозит нас вниз, в самое сердце тюрьмы горной цитадели. – Или у них есть ангар на нижнем уровне?

– Угадали, сэр! – одобрительно говорит Тригг. – Там нас ждет корабль и...

– Тригг, – перебивает его Холидей, после того как пузрь из жевательной резинки оглушительно лопается у нее во рту, – у тебя что-то на носу...

– Ой, закрой рот! Кстати, когда мы видели его голым, не я покраснел!

– Уверен, малыш? Тихо!

Гравелифт замедляет ход, брат с сестрой нервно хватаются за оружие. Открываются двери, и в кабину заходит человек.

– Господин, – вежливо приветствует незнакомца Холидей и отталкивает меня в сторону, чтобы освободить место вошедшему.

Сапоги у того тяжелые, как у золотых и черных, но серые никогда бы не назвали господином черного, да и не может от него пахнуть гвоздикой и корицей.

– Сержант, – раздается резкий голос, и я тут же узнаю его. Когда-то этот золотой делал ожерелья из отрезанных ушей

врагов. Виксус из старой компании Титуса! Он участвовал в резне, которую Шакал устроил в день моего триумфа. Лифт продолжает спуск, а я вжимаюсь в стену. Виксус меня узнаёт! Чутье его не обманет! Он уже смотрит на нас с подозрением! Ворот его мундира шуршит – повернул голову в нашу сторону!

– Тринадцатый легион, значит? – спрашивает Виксус, разглядев татуировки на их затылках. – Служите Айе или ее отцу?

– В рамках этой миссии мы подчиняемся фурии, господин, – спокойно отвечает Холидей. – Раньше служили Повелителю Праха.

– А, значит, участвовали в прошлом году в битве за Деймос?

– Да, господин. Мы были с Гримус на личере, посланном убить Телеманусов, пока Фабии не выследили их и корабли Аркоса. Мой брат лично всадил пулю в плечо старого Кавакса. Чуть не прикончил его, но тут Августус и жена Кавакса нанесли удар по нашему штурмовому отряду.

– Надо же! – одобрительно присвистывает Виксус. – Могли бы сорвать хороший куш! Надо было тебе, легионер, добавить еще одну слезинку! Я командовал Седьмым легионом, мы вели этого черного пса. Повелитель Праха предложил хорошее вознаграждение тому, кто вернет его раба, – рассказывает Виксус, шумно вдыхая, – похоже, нюхает стимуляторы вроде тех, что нравились Тактусу. – А это у вас кто? –

спрашивает он, и я напрягаюсь от ужаса, пытаюсь успокоить бешено колотящееся сердце.

– Дар от претора Гримус в благодарность за... за тот груз, который она заберет отсюда на Луну. Ну вы понимаете, о ком я, сэр, – многозначительно произносит Холидей.

– Груз? Скорее остатки груза, – смеется над собственной шуткой Виксус. – Я его знаю? – прикасается он к краю моего капюшона, и я непроизвольно отшатываюсь. – Я бы не отказался поразвлечься с кем-нибудь из упырей! Крошка? Скелет? Нет, слишком высокий...

– К сожалению, сэр, это не упырь, а черный, – быстро объясняет Тригг.

– Жаль, – отдергивает руку Виксус, словно боясь заразиться. – Погодите-ка! Давайте посадим его в камеру к этой сучке Юлии! Пусть дерутся за ужин! Как думаете, бойцы Тринадцатого? Повеселимся?

– Тригг, выруби камеру, быстро! – выпаливаю я из-под капюшона.

– Что?! – оборачивается ко мне Виксус.

Со щелчком включается поле, глушащее все информационные сигналы. Я двигаюсь неуклюже, но стремительно. Сбрасываю с запястий наручники, одной рукой выхватываю припрятанное лезвие, другой срываю капюшон, пронзаю плечо Виксуса, прищипывая его к стене, и бью головой в лицо. Увы, несмотря на действие наркотиков, я не тот, что раньше. Перед глазами все плывет, я едва держусь на ногах.

Виксус не теряется и успевает выхватить свой хлыст еще до того, как мне удастся сфокусировать зрение.

Холидей закрывает меня своим телом, толкает в сторону, и я падаю на пол. Тригг действует еще быстрее, чем сестра, и втыкает свою пушку Виксусу в рот. Золотой замирает, косясь на дуло и упираясь языком в холодный металл. Лезвие останавливается в каких-то сантиметрах от головы Холидей.

– Ш-ш-ш, – шепчет Тригг, – тихо, тихо! Брось оружие!

Виксус швыряет лезвие на пол, а Холидей сердито поворачивается ко мне и шипит:

– Ты о чем вообще думаешь?!

Тяжело дыша, она помогает мне встать на ноги. Голова все еще кружится. Приношу свои извинения. Я и правда поступил безрассудно. Убедившись, что держусь на ногах, я смотрю на Виксуса, который в ужасе тарашится на меня. Ноги дрожат, и я вынужден ухватиться за поручень гравифлифта. Сердце заходится от действия наркотика. Идиот! Зачем полез в драку? Зачем приказал Триггу включить глушилку? Зеленые сопоставят данные и отправят серых проверить, что творится в процедурной, те найдут трупы, и тогда...

Мысли разбегаются, но я пытаюсь собраться, сосредоточиться.

– Виктра жива? – с трудом выдавливаю я.

Тригг немного отодвигает дуло, чтобы Виксус смог ответить, но золотой молчит.

– Ты знаешь, что сделал со мной Шакал? – спрашиваю я,

и Виксус, немного поупрямившись, кивает. – Знаешь! – Я захожусь хохотом, кажется, трещина во льду расползается, ширится, а кругом все дробится на тысячи осколков, и мне становится ясно, что надо попридержать язык. – И все равно нагло заставляешь меня повторять вопрос дважды?!

– Она жива!

– Жнец, они придут за нами! Поймут, что мы включили глушилку! – восклицает Холидей, поглядывая на крошечную камеру на потолке лифта. – Нельзя отступать от плана!

– Где она? – проворачивая в ране лезвие, спрашиваю я. – Где она?!

– Уровень двадцать третий, камера две тысячи сто восемьдесят семь! – шипя от боли, отвечает Виксус. – С твоей стороны будет мудро оставить меня в живых. Потом посадишь меня в ее камеру и сбежишь. Я покажу тебе правильный путь, Дэрроу!

Жилы на его шее напрягаются, они выступают под кожей, словно очертания змей под песком. В его теле нет ни грамма жира.

– С прикрытием из двух преторов тебе далеко не уйти! В этих горах стоит целая армия. Легионы в городе, на орбите! Тридцать ауреев со шрамом! В Южной Аттике – отряд скелетов! – сообщает он, показывая на крошечный птичий череп на лацкане мундира. – Помнишь их?

– Он нам не нужен! – резко перебивает Виксуса Тригг, кладя палец на спусковой крючок.

– Да что ты! – со смешком произносит Виксус, к которому возвращается уверенность, – видно, он понимает, насколько я слаб. – И что же ты будешь делать, когда встретишься с всадником-олимпийцем, оловянная башка? Постой-ка, вас же двое!

– Мы будем делать то же самое, что и ты, золотая кудряшка! – фыркает Холидей. – Уносить ноги и спасти свою школу!

– Едем на двадцать третий уровень! – приказываю я Триггу, тот жмет на кнопки гравифлта, перенаправляет его на другой маршрут, выводит на планшет карту и показывает Холидей.

– Камера две тысячи сто восемьдесят семь вот здесь. Кодовый замок. Видеонаблюдение.

– Слишком далеко от места эвакуации! – поджимает губы Холидей. – Если пойдем туда – все пропало!

– Виктра – мой друг, – говорю я, вспоминая, как считал ее мертвой, и удивляясь, что она все-таки выжила после нескольких выстрелов в спину, сделанных ее собственной сестрой. – Я не могу бросить ее здесь!

– У нас нет выбора! – пытается отговорить меня Холидей.

– Выбор есть всегда, – отвечаю я, хотя слабо верю в это.

– Посмотри на себя, парень! Ты же еле на ногах стоишь!

– Отстань от него, Холи! – перебивает ее Тригг.

– Эта золотая сучка не из наших! Не собираюсь я умирать за нее!

А вот Виктра была готова умереть за меня. Там, во тьме, я часто вспоминал ее. Детскую радость в глазах, когда я подарил ей флакон с петрикором в кабинете у Шакала. «Я не знала, Дэрроу, не знала!» – ее последние слова после предательства Рока. Вокруг нас была смерть, у Виктры в спине засели пули, а она думала только о том, чтобы я не посчитал ее предательницей.

– Я не могу бросить здесь друга, – упрямо повторяю я.

– Я пойду за тобой! – торжественно произносит Тригг. – Куда ты, туда и я, Жнец! К твоим услугам!

– Тригг, послушай, – шепчет Холидей, – Арес же говорил нам...

– Не Арес изменил весь мир, а он! – кивает на меня Тригг. – Мы идем за ним, куда бы он ни шел!

– А если пропустим окно?

– Сделаем новое! Взрывчатки у нас достаточно.

Холидей смотрит прямо перед собой остекленевшими глазами, ожесточенно жуя резинку. Мне знаком этот взгляд. Она видит в Тригге не ищейку, не наемного убийцу, а маленького мальчика, вместе с которым выросла.

– Ладно, я с вами, – неохотно соглашается она.

– А что делаем с патрицием? – спрашивает Тригг.

– Введет правильный код – останется в живых, попробует что-нибудь выкинуть – сразу стреляй! – отвечаю я.

Мы выходим из лифта на девятнадцатом уровне. Я снова

надеваю капюшон, Холидей ведет меня под руку, а Виксус идет впереди, как будто конвоирует нас в камеру. Тригг с пистолетом наготове не отстает от него ни на шаг. В коридорах ни души, лишь гулкое эхо наших шагов нарушает тишину. Из-за капюшона мне почти ничего не видно.

– Сюда, – говорит Виксус у одной из дверей.

– Код вводи, засранец! – приказывает ему Холидей.

Дверь с шипением открывается, и из камеры раздается оглушительный шум. Жуткий треск динамиков раздрает барабанные перепонки. В камере настоящий мороз, все покрашено в ослепительно-белый цвет. Лампы на потолке горят так ярко, что я даже глаз поднять не могу. Изможденная узница лежит в углу, свернувшись в позе эмбриона, спиной к нам. Вся спина испещрена следами от ожогов и отметинами от хлыстов после пыток. Спутанные светлые, почти белые волосы падают на лицо, защищая глаза от слепящего света. Я мог бы не узнать ее, если бы не два шрама от пулевых ранений ровно между лопатками.

– Виктра! – ору я, пытаюсь перекричать динамики, но она не слышит меня. – Виктра!

Тут шум стихает, сменяясь звуками мерного сердцебиения.

Ее мучают звуковыми, световыми и другими раздражителями, то есть пытка повторяет мою с точностью до наоборот. Виктра все-таки услышала мой голос и повернула голову в мою сторону. Золотистые глаза испуганно смотрят из-

под спутанных прядей. Я даже не уверен, узнает ли она меня. Раньше Виктра гордилась своим телом, а теперь в ужасе прикрывается, боясь показать свою уязвимость.

– Поднимай ее на ноги! – говорит Холидей, укладывая Вексуса ничком на пол. – Надо уходить!

– Она парализована! – кричит Тригг. – Смотри!

– Вот дерьмо! Придется нести!

Тригг бросается к Виктре, и я едва успеваю остановить его, уперевшись ладонью ему в грудь. Даже в таком состоянии Виктра способна руки ему поотрывать. Я слишком хорошо помню свой ужас, когда меня вытащили на свет из подвала, поэтому подхожу к ней медленно, осторожно. Страх постепенно отступает, и на его место приходит гнев на ее сестру, которая посмела так поступить с ней. Злюсь и на самого себя, потому что в произошедшем виноват я.

– Виктра, это я, Дэрроу! – говорю я, но она, похоже, меня не слышит. – Мы вытащим тебя отсюда! – продолжаю я, присев на корточки. – Сейчас мы поднимем тебя и...

И тут она, оттолкнувшись руками от пола, налетает на меня и истошно вопит:

– Сними личину!!! Сними личину!

Холидей бросается вперед, прижимает электрошокер к пояснице Виктры, по телу моей подруги проходят конвульсии, но одного разряда недостаточно.

– На землю! – кричит Холидей.

Виктра бьет ее ровно в центр нагрудной пластины доспе-

хов из дюропластика, серая пролетает несколько метров и врывается в стену. Тригг дважды стреляет узнице в бедро пулями с транквилизатором из многоцелевого карабина. Средство срабатывает быстро, но, прежде чем отключиться окончательно, она еще долго смотрит на меня из-под полуприкрытых век, лежа на полу и тяжело дыша.

– Холидей... – начинаю я, но та что-то бормочет и с трудом встает на ноги.

– Я – серая! Но эта эльфийка неплохо дерется, – довольно заявляет Холидей, разглядывая вмятину размером с кулак в середине нагрудной пластины. – Вообще-то, эти доспехи выдерживают залп из рельсотрона!

– А как ты хотела, она же Юлия! – бурчит Тригг. – Она молодец, следила за калориями, – говорит он, взваливая Виктру на плечо, и выходит вслед за Холидей в коридор.

По нетерпеливому знаку серой я следую за ними. Виксус остается лежать лицом в пол. Живой, как я ему и пообещал.

– Мы все равно найдем тебя, – бросает он, прежде чем я закрываю дверь, – и ты прекрасно это знаешь! Передай коротышке Севро, что мы придем за ним! Одного Барка мы уже убрали, теперь его очередь!

– Что ты сказал? – спрашиваю я, резко останавливаясь, возвращаюсь в камеру и вижу, как в его глазах загорается огонек страха.

Того же страха, который ощущала Лия много лет назад, когда я, спрятавшись в темноте, смотрел, как Антония и

Виксус пытками заставляли ее выдать меня. Он смеялся, глядя, как ее кровь капает на мох. Его крайне развеселила гибель моих друзей в саду. Я должен пощадить его, чтобы он мог убивать дальше. Зло живет за счет жалости.

Извиваясь, мое лезвие превращается в хлыст.

– Прошу тебя! – умоляет он.

Тонкие губы Виксуса дрожат, и я вижу в нем мальчика, которым он был когда-то. Зря он так... кто-то где-то до сих пор любит его, рассказывает о его детских шалостях, помнит, как он сладко спал в колыбели. Жаль, что того ребенка уже не воскресить, это не удастся ни ему, ни мне.

– Сжался, Дэрроу, ведь ты не убийца! Ты не такой, как Титус!

Звук сердцебиения из динамиков становится оглушительным. Силуэт Виксуса резко выделяется на ослепительно-белом фоне.

Он взывает к моему состраданию, но мое сострадание осталось во тьме.

Героям песен алых свойственны милосердие и благородство. Они щадят врагов, чтобы не замарать руки кровью, как и я оставил жизнь Шакалу. Пусть злодей пачкает руки, пусть в черном одеянии подкрадется во тьме сзади с ножом – вот тогда-то я развернусь и убью его без всякого чувства вины. Но сейчас мне не до песен – на войне как на войне.

– Дэрроу...

– Передай от меня привет Шакалу, – говорю я, перерезая

ему горло.

Виксус падает на землю, жизнь ритмичными толчками покидает его тело. Знаю, ему страшно, потому что на той стороне его никто не ждет. В горле у него клокочет, Виксус скулит перед смертью, а я не чувствую ровным счетом ничего.

Из-за грохота сердцебиения в динамиках я не сразу улавливаю, как в коридоре начинает истошно вить сирена.

5. План С

– Черт, – шипит Холидей, – я же говорила, что не успеем!

– Да все мы успеем! – успокаивает сестру Тригг.

Мы в лифте. Виктра лежит на полу. Тригг пытается надеть на нее черный дождевик, чтобы прикрыть наготу. Я сжимаю кулаки с такой силой, что костяшки белеют. Кровь Виксуса закапала гравировку, на которой дети играют в тоннелях. Кровь капает на моих родителей и окрашивает волосы Эо в красный цвет, прежде чем я успеваю вытереть клинок о тюремную робу. Я уже забыл, как легко лишить человека жизни.

– Живи для себя, умри в одиночестве, – шепчет Тригг. – Вечно кажется, что если у людей есть мозг, то им хватит ума не быть засранцами... Простите, сэр, – смущенно смотрит он на меня, смахивая упавшую на глаза прядь волос. – Ну в смысле, если он был вашим другом...

– Другом? – качаю головой я. – У Виксуса не было друзей.

Наклонившись, я убираю волосы с лица Виктры. Она мирно спит, прижавшись к стене. Скулы заострились от голода, губы сжаты в тонкую ниточку. В ее чертах даже сейчас есть какая-то трагическая красота. Что же они с ней сделали? Бедная, она всегда была такой сильной, иногда даже грубой, чтобы скрыть нежную душу. Надеюсь, от этой души хоть что-то осталось...

– Все в норме? – обращается ко мне Тригг. – Вы с ней встречались? – спрашивает он снова, так и не дождавшись ответа.

– Нет, – отзываюсь я, поглаживая отросшую вонючую бороду, – жаль, Данто не сбрил ее, да и подбородок ужасно чешется. – Далеко не в норме.

Во мне не осталось надежды. Не осталось любви.

По крайней мере, любовь и надежда исчезают, когда я думаю о том, что золотые сделали со мной и Виктрой.

Настало время ненависти.

Ненависти к себе. В кого я превратился? Ловлю на себе разочарованные взгляды Тригга. Он шел спасать Жнеца, а обнаружил жалкое подобие мужчины. Провожу пальцами по ребрам – какие же они хрупкие! Я слишком многое пообещал этим серым. Я вообще дал слишком много обещаний, особенно Виктре. Она осталась верна мне. А я? Я – просто очередной человек, который решил использовать ее.

– Знаете, что нам сейчас не помешало бы? – спрашивает Тригг.

– Справедливость?

– Холодное пиво!

У меня вырывается смех, слишком громкий, слишком пугающий.

– Черт, – шепчет Холидей. – Черт, черт, черт!

– Что? – спрашиваю я.

Мы застряли между двадцать четвертым и двадцать пя-

тым уровнями. Серая жмет на кнопки, но лифт вдруг резко дергается вверх.

– Они включили режим ручного управления! Нам не добраться до ангара! Они перенаправили нас на... – Холидей тяжело вздыхает, глядя мне в глаза, – на первый уровень! Черт, черт, черт! Встретят нас там с ищейками, а то и с черными... или золотыми... Они знают, что вы здесь, – добавляет она, помолчав.

Я пытаюсь подавить отчаяние. Живот скрутило в одну секунду. Я ни за что не вернусь туда! Лучше я убью Виктру и себя, но живыми они нас больше не получат!

– Ты можешь взломать систему? – спрашивает Тригг, заглядывая сестре через плечо.

– С какого перепугу? Где я, по-твоему, должна была этому научиться?

– Жаль, Эфраима нет с нами, он бы разобрался...

– Ну прости, что я не Эфраим!

– Может, попробуем вылезти?

– Хочешь, чтоб тебя по стене размазало?

– Значит, остается только одно, – произносит Тригг, залезая в карман. – План С!

– Ненавижу план С!

– Ну что я могу сказать? Смирись, детка! Готовься к приходу дикарей!

– Что такое план С? – тихо спрашиваю я.

– Эскалация, – бросает мне Тригг, нажимая на кнопки ин-

теркома, по экрану бегут строчки кода, устанавливается подключение к выделенной частоте. – «Эскорт» вызывает «Скелет ярости», прием! «Эскорт» вызывает...

– «Скелет ярости» на связи, прием! – доносится приглушенный голос. – Запрашиваю код доступа «Эхо»! Конец связи!

– Один, три, четыре, три, девять, два, восемь, три, – взглянув на планшет, произносит Тригг, – конец связи!

– Зеленый код, доступ разрешен.

– Запрашиваю вторичный вывод через пять минут. У нас принцесса плюс один на второй стадии.

На линии молчат, затем голос с заметным, несмотря на помехи, облегчением отвечает:

– Почему так поздно?

– Убийцы пунктуальностью не страдают.

– Будем через десять минут. Он должен остаться в живых любой ценой, – произносит голос, и связь пропадает.

– Чертовы любители! – бормочет Тригг.

– Десять минут! – повторяет Холидей.

– Ладно, и не в такой заварухе бывали...

– Это когда же? – скептически спрашивает она, но Тригг молчит. – Просто не надо было нам в этот чертов ангар ходить!

– Чем я могу помочь? – спрашиваю я, ощущая исходящую от них волну страха. – Что мне делать?

– Постарайся не умереть, – резко отвечает Холидей, сбра-

сывая с плеча рюкзак. – Иначе все напрасно!

– Потащишь свою подружку, – говорит Тригг, начиная снимать с себя всю экипировку, кроме доспехов.

Серый достает из рюкзака еще два старинных пистолета в придачу к гибридной газовой винтовке. Один пистолет протягивает мне, и я беру его дрожащей рукой. Не держал огнестрельного оружия с шестнадцати лет, когда проходил обучение у Сынов. Эти пистолеты крайне неэффективны, много весят, а отдача такая, что точность выстрела оставляет желать лучшего...

Холидей извлекает из своего рюкзака большой пластиковый контейнер. На мгновение пальцы замирают, касаясь замков, потом она открывает крышку, и я вижу металлический цилиндр с вращающимся шариком ртути в центре. Я ошарашенно смотрю на устройство. Если бы полиция Сообщества нашла у нее такую штуку, то ей бы век света белого не видать. Более противозаконную вещь даже представить невозможно. Бросаю взгляд на дисплей гравелифта – еще десять уровней! Холидей берет пульт дистанционного управления цилиндром. Остается восемь уровней.

Кто ждет нас внизу? Кассий? Айя? Шакал? Нет, они сейчас на корабле, готовятся к праздничному ужину и вряд ли поймут, что тревогу подняли из-за меня. А даже если поймут, то не смогут добраться сюда так быстро. Хотя нам и без них есть чего опасаться. Любой черный голыми руками порвет моих новых друзей, и Тригг это прекрасно понимает.

Прикрыв глаза, он касается груди в четырех точках – крепится. Холидей пристально смотрит на него, словно оцепенев.

– Такая у нас работа, – тихо говорит она мне. – Прошу, забудь о своей гордости и не высовывайся. Не мешай нам с Триггом делать свое дело!

– Держитесь поближе к нам, сэр, – вторит ей Тригг, хрустнув шейей и поцеловав безымянный палец на левой руке. – Яйца – к заднице, не стесняйтесь!

Остается три уровня.

Холидей берет газовую винтовку в правую руку и начинает жевать резинку с бешеной скоростью, большой палец левой руки лежит на кнопке пульта. Остается один уровень. Гравилифт замедляет ход. Мы напряженно смотрим на двойные двери. Я зажимаю ноги Виктры под мышками.

– Люблю тебя, малыш, – произносит Холидей.

– И я тебя, куколка, – бормочет Тригг напряженным, механическим голосом.

Я испытываю куда более сильный страх, чем в капсуле перед запуском Железного дождя. Мне страшно не только за себя, но и за Виктру и за этих ребят. Пусть они останутся живы! Пусть расскажут мне о юге тихоокеанского побережья. О том, как подшучивали в детстве над мамой. О том, где жили, о своем городе, стране, собаке, если она у них, конечно, была...

Гравилифт со скрипом останавливается. Загорается под-

светка, и толстые металлические двери, отделяющие нас от элитных частей армии Шакала, с шипением открываются. Две светящиеся гранаты влетают в кабину и прилипают к стенам. Раздается несколько гудков. Холидей нажимает на кнопку. Тишину шахты лифта пронзает оглушительный звук, и из округлого взрывного устройства у наших ног вырывается невидимый электромагнитный импульс. Гранаты перестают гудеть и со стуком падают на пол бесполезными кусками металла. Свет и в кабине гравелифта, и в коридоре гаснет. Высокотехнологичные импульсовики серых, тяжелые доспехи черных с их электронными сочленениями и шлемами, все аппараты фильтрации воздуха – все отключается за одну секунду, и мы оказываемся в дремучем Средневековье.

Но винтажное оружие Холидей и Тригга вполне себе работает. Они пробиваются от лифта в коридор, склонившись над пистолетами, словно злобные горгульи. Начинается настоящая бойня. Два профессиональных стрелка открывают огонь по отрядам беззащитных серых с близкого расстояния – промахнуться просто невозможно, а спрятаться в этих просторных помещениях некуда. Коридор озаряется вспышками. Газовые винтовки оглушительно грохочут. У меня стучат зубы. Остолбенев, я продолжаю стоять в лифте, но тут Холидей выводит меня из ступора, я прихожу в себя, бросаюсь за Триггом, волоча за собой Виктру.

Холидей бросает под ноги троим черным старинную гра-

нату. Бах! В потолке образуется огромная дыра. На пол сыплется штукатурка, вздымаются клубы пыли. Стулья и медные падают через дыру в потолке с верхнего этажа и разбиваются. У меня начинается гипервентиляция. Чья-то голова отлетает в сторону, отскакивая от стены, вниз на бешеной скорости, вращаясь, несется тело. Какая-то серая хочет укрыться в примыкающем коридоре, но Холидей всаживает пулю ей в позвоночник, и та падает, раскинув руки в стороны, словно ребенок, поскользнувшийся на катке. Повсюду царит хаос. Сбоку к нам приближается еще один черный.

Кое-как прицеливаюсь и стреляю из пистолета. Пули со стуком ударяются о доспехи, не причиняя черному вреда. Двухсоткилограммовый великан поднимает ионный топор – аккумулятор умер, но лезвие еще не потеряло остроты. Черный запекает гортанную боевую песнь, но тут из-под шлема-черепа во все стороны брызжут красные капли – пуля вошла прямо в прорези для глаз. Враг подается вперед, потом валится набок и падает, почти сшибая меня с ног. Тригг уже движется к следующей жертве, медленно и неторопливо посылая раскаленный металл в человеческие тела, словно плотник, забивающий гвозди в доску. В его движениях нет ни страсти, ни особой красоты – очевиден лишь результат дисциплины и физической подготовки.

– Жнец, шевелись, мать твою! – кричит Холидей и тащит меня по коридору прочь от этого хаоса.

Тригг следует за нами, успевая на ходу бросить гранату

под ноги золотому без доспехов, который умудрился увернуться от четырех выстрелов из винтовки. Бах! Плоть и кости превращаются в кровавое облако.

Брат и сестра на бегу перезаряжают оружие. Как только мы прорываемся через первый кордон, Тригг снова закидывает Виктру на плечо, а я просто пытаюсь не потерять сознание и устоять на ногах.

– Через пятьдесят шагов направо, дальше – вверх по лестнице! – командует Холидей.

В коридорах зловещая тишина. Ни сирен, ни огней, ни жужжания горячего воздуха у вентиляционных решеток. Только топот наших сапог, отдаленные крики, хруст суставов и тяжелое дыхание. Проходим мимо окна, и я вижу, как темные, безжизненные корабли падают с неба на землю и загораются при столкновении. Трамваи замерли на магнитных рельсах. Свет горит только на двух самых отдаленных горных пиках. Скоро прибудет подкрепление с работающей техникой, но они не поймут, что произошло и в чем причина сбоя. Системы видеонаблюдения и биометрические сканеры отключены, значит Кассий и Айя не смогут выследить нас. Возможно, это спасет нам жизнь.

Взбегаем по лестнице. Правую икру и щиколотку сводит судорогой, со стоном я чуть не падаю. Холидей тащит меня, закинув мою руку себе на шею. В конце длинной мраморной лестницы нас замечают трое серых. Оттолкнув меня в сторону, Холидей убирает двоих меткими выстрелами, но третий

открывает ответный огонь. Пули вгрызаются в мрамор.

– У них есть резервное газовое оружие! – кричит Холидей. – Надо уходить, скорей!

Еще два поворота направо, и нам попадаются несколько представителей низших цветов, которые смотрят на меня с открытым ртом. Проходим по мраморным коридорам с высоченными потолками и античными статуями, галереям, где Шакал хранит награбленные артефакты. Как-то раз он показал мне мраморную декларацию Хэнкока и заспиртованную голову последнего правителя американской империи.

– Сюда! – наконец кричит Холидей.

Мышцы горят. В боку пульсирует обжигающая боль. Подбегаем к служебному выходу в боковом коридоре и выскакиваем наружу. День холодный, ветер как будто хочет поглотить меня. Ледяные клыки холода рвут мой комбинезон. Вчетвером мы оказываемся на металлическом тротуаре у стены крепости Шакала. Справа от нас скалы уступают место современной постройке из стекла и металла, слева – бездна глубиной в тысячу метров. По горному склону гуляет метель, протяжно воет ветер. Мы быстро идем по тротуару, который вскоре огибает один из бастионов и упирается в соединяющий горный склон и заброшенную посадочную площадку мощеный мост. Он подобен костлявой руке, которой скелет держит бетонную тарелку, покрытую снегом.

– Четыре минуты! – орет Холидей, помогая мне перейти через мост к посадочной площадке.

Добравшись до нее, она бросает меня на землю, Тригг сажает рядом со мной Виктру. Бетонная поверхность покрыта тонкой ледяной коркой, скользкой, дымчато-серой. Вплотную к невысокому, примерно по пояс, бетонному ограждению круглой площадки – огромные сугробы, за ним – тысячеметровая бездна.

– У меня еще восемьдесят в обойме, шесть в стволе! – кричит Тригг сестре. – Дальше я не играю!

– У меня двенадцать, – говорит она, швыряя нам под ноги небольшой контейнер, он тут же разбивается, и нас окутывает облако зеленого дыма. – Надо удержать мост!

– Есть шесть мин!

– Ставь!

Тригг бежит обратно, на другой конец моста, где на склоне находится бронированный дверной блок, по размеру куда больший, чем технический выход, которым воспользовались мы. Снег слепит глаза, дрожа, я прислоняю Виктру к стене и прикрываю от ветра своим телом. Снежинки падают на ее черный плащ, порхают, словно частички пепла, парившие в воздухе, когда Кассий, Севро и я сожгли цитадель Минервы и украли их повара.

– Все будет хорошо, – говорю я, – мы выберемся!

Выглядываю из-за невысокой бетонной стены. Город внизу кажется на удивление умиротворенным. Шум и неурядицы прекратились из-за перебоя с энергоснабжением. Я замороженно наблюдаю за огромной снежинкой, которая танцует

на ветру, а потом опускается мне на палец.

Как я дошел до такого? Выросший в шахтах мальчишка стал поверженным воителем, который, дрожа от страха, смотрит на погруженный во тьму город и надеется, что все-таки сможет вернуться домой. Прикрыв глаза, я мечтаю о том, чтобы оказаться рядом с друзьями и семьей.

– Три минуты, – раздается за спиной голос Холидей. – Три минуты, – повторяет она и успокаивающе кладет мне на плечо руку в перчатке. – Всего три минуты, и мы выберемся отсюда! – произносит она, глядя на небо в поисках врагов.

Хотел бы я поверить ей, но тут снегопад прекращается.

6. Жертвы

Поднимаю глаза и вижу, как над семью пиками Аттики по воздуху проходит рябь и возникает радужное защитное поле, отрезающее нас от облаков и неба. Видимо, генератор поля оказался за пределами радиуса действия взрывного устройства. Теперь помощи ждать неоткуда.

– Тригг! Возвращайся! – кричит Холидей, наблюдая, как брат устанавливает на мосту последнюю мину.

Тишину зимнего утра разрывает пальба. По горам разносится резкое, леденящее эхо. Еще выстрелы, целая серия, один за другим. Рядом с Триггом то и дело взмывают вверх клубы снежной пыли. Он бегом бросается к нам, Холидей вскидывает на плечо винтовку, чтобы прикрыть его. Из последних сил я приподнимаюсь и пытаюсь сфокусировать взгляд, хотя глаза нещадно болят от яркого солнца. Пуля ударяет в стену рядом со мной, в лицо летит бетонная крошка. Дрожа от страха, я нагибаюсь. Люди Шакала нашли склад резервного оружия.

Снова выглядываю, прищурившись. Тригг застрял на полпути к нам, отстреливается от отряда серых, вооруженных газовыми винтовками. Вражеские ряды непрерывно пополняются новыми солдатами – бронированные двери на том конце моста открыты настежь. Тригг убирает двоих, еще двое подрываются на mine, превращаясь в облако дыма. Хо-

лидей снимает еще одного, и Тригг тут же устремляется к нам, но его успевают ранить в плечо. Он вкалывает себе в бедро анальгетик и тут же встает. Прямо передо мной в бетон влетает пуля, рикошетит в Холидей и с глухим звуком прошивает подмышку, не закрытую доспехами.

Серая падает. Из-за непрекращающегося огня с той стороны мне тоже приходится присесть на корточки рядом с ней. Она сплевывает кровь, дышит шумно, с хрипами.

– Пуля в легком, – тяжело дыша, говорит она и нащупывает шприц с обезболивающим в поясной сумке.

Если бы во время магнитно-импульсного взрыва в электронных цепях ее доспехов не произошло короткого замыкания, медикаменты впрыснулись бы в кровь автоматически. Придется открыть кейс, достать шприц и ввести дозу. Я помогаю Холидей, вытаскиваю один из микрошприцев и ввожу препарат в шею. Под действием наркотика зрачки серой тут же расширяются, дыхание замедляется. Рядом со мной с закрытыми глазами лежит Виктра.

Выстрелы стихают. Осторожно выглянув из-за стены, я вижу, что серые Шакала спрятались за бетонными ограждениями и пилонами метрах в шестидесяти от нас, на другой стороне моста. Тригг перезаряжает винтовку. Стоит абсолютная тишина, нарушаемая лишь свистом ветра. Тут что-то не так! Тишина пугает меня, я смотрю на небо и понимаю, что сейчас тут появится кто-то из золотых. Оказывается, я не утратил способности интуитивно понимать логику хода

битвы.

– Тригг! – оглушительно кричу я, так что меня всего начинает трясти. – Беги!

Холидей замечает выражение моего лица, с трудом поднимается, ахая от боли, а Тригг в это время выбегает из своего укрытия и, поскользываясь, бросается к нам по обледенелому мосту. Падает, снова встает на ноги, пошатываясь, бежит стремглав, объятый ужасом. Слишком поздно: двери крепости за его спиной открываются, мимо серых и черных, ожидающих своего часа в тени, проходит Айя Гримус, в черном официальном мундире. Широкими шагами она быстро настигает Тригга. Мне редко приходилось видеть более печальное зрелище.

Я стреляю из пистолета, Холидей разряжает обойму винтовки, но все впустую. Айя отступает в сторону, уворачивается, а потом, когда Тригг находится всего в десяти шагах от нас, пронзает его грудь лезвием. Он в шоке смотрит на влажно поблескивающий металл, беззвучно ахает, а потом пронзительно кричит, когда Айя одной рукой поднимает его вверх на острое клинка, словно мальчишка, проткнувший лягушку самодельным копьем.

– Тригг... – шепчет Холидей.

Спотыкаясь, я бросаюсь к Айе, хватаюсь за лезвие, но Холидей резко останавливает меня, толкает обратно за стену как раз в тот момент, когда пули стоящих поодаль серых начинают решетить бетон вокруг нас. Из раны в боку серой те-

чет кровь, горячая красная жидкость растапливает снег у ее ног.

– Не дури! – орет она, из последних сил принуждая меня сесть на землю. – Ему уже не помочь!

– Он же твой брат!

– Моя миссия – спасти не его, а тебя!

– Дэрроу! – кричит с моста Айя.

Холидей выглядывает из-за стены, смотрит на Айю и брата. Ее лицо спокойно, но залито мертвенной бледностью. Одна из двенадцати олимпийцев держит Тригга на конце поднятого вверх лезвия. Тот корчится от боли, постепенно съезжая по клинку вниз, ближе к рукояти.

– Патриций, хватит прятаться за спины других! Выходи!

– Не делай этого! – шепчет мне Холидей.

– Выходи, – повторяет Айя, а потом одним движением сбрасывает тело Тригга с клинка, и тот падает с моста. Пролетев две сотни метров, его тело разбивается о гранитный уступ.

Холидей издает жуткий сдавленный всхлип. Поднимает пустую винтовку, берет на мушку Айю и с десятков раз жмет на спусковой крючок. Та резко пригибается, но потом понимает, что у Холидей кончились патроны. Я едва успеваю сбить серую с ног, и предназначавшаяся ей снайперская пуля попадает в винтовку, выбивает ее у Холидей из рук и разносит на мелкие кусочки, заодно отрывая той палец. Охваченные нервной дрожью, мы сидим на бетоне. Виктра без чувств

лежит между нами, привалившись к стене.

– Мне так жаль, – выдавливаю я, но серая меня не слышит.

У Холидей руки дрожат еще сильнее, чем у меня. В глазах ни единой слезинки. Лицо бледное, как у трупа.

– Они прилетят, – говорит она после тягостной паузы, наблюдая за струйкой зеленого дыма, – обязательно прилетят!

Одежда ее насквозь пропитана кровью, красная струйка стекает из уголка рта и замерзает где-то посередине горла. Она достает из голенища сапога нож и пытается встать, но тело уже не слушается. Дыхание тяжелое, хриплое, с медным запахом.

– Обязательно прилетят! – повторяет она.

– Какой у нас план? – спрашиваю я, но у нее закрываются глаза. – Как они должны попасть сюда? – Я трясую ее за плечи.

– Слушай, – едва слышно произносит Холидей, кивая на край площадки.

– Дэрроу! – раздается голос присоединившегося к Айе Кассия. – Дэрроу из Ликоса, выходи! – громогласно заявляет он совершенно не к месту.

Он говорит напыщенно, высокопарно и холодно – ведь наше горе его не касается. Я вытираю слезы.

– Дэрроу, рано или поздно тебе придется сделать выбор и решить, кто ты на самом деле! Ты выйдешь сам, как подобает мужчине? Или нам придется вытаскивать тебя, словно крысу из норы?

Грудь разрывает от гнева, но я не собираюсь вставать.

Раньше обязательно поднялся бы, но тогда на мне были доспехи золотых, и я мечтал о том, как встану над убийцей Эо, сорву с себя маску – и его города будут охвачены огнем, а раса палачей падет. Но тех доспехов давно уже нет. Жнец не выдержал гнета сомнения и искушений тьмы. Я просто мальчишка, который дрожит от страха и прячется от врага, – во-первых, мне известна цена неудачи, во-вторых, я ужасно его боюсь.

Но я не дамся им живым! Не позволю им сделать из меня жертву, не позволю им снова забрать Виктру!

– Да пошел ты! – говорю я, хватаю Холидей за ворот, Виктру за руку и с горящими от усилий глазами, ослепленный сияющим в солнечных лучах снегом, со всей силы тащу их из укрытия на самый край посадочной площадки, где завывает ветер.

Мои враги молча наблюдают за мной.

Должно быть, я представляю собой жалкое зрелище: пошатывающаяся фигура в черном, запавшие глаза, лицо как у оголодавшего древнего демона, идиотская борода. В двадцати метрах позади меня, на мосту у самой площадки, возвышаются величественные фигуры двух всадников-олимпийцев в окружении пятидесяти серых и черных, которые вышли из дверей цитадели и выстроились у них за спиной. С серебристого лезвия Айи капает кровь. На самом деле оружие принадлежит не ей, а Лорну, она забрала его у мертвого учителя.

У меня жутко болят пальцы ног внутри пропитанных кровью тапочек.

Люди кажутся крошечными на фоне огромной крепости в горе, а их металлические винтовки просто смешны. Смотрю направо: в нескольких километрах от моста, на дальнем горном пике, вне радиуса действия взрывного устройства, собирается группа солдат и начинает двигаться в нашу сторону сквозь низкие облака. Их сопровождает штурмовик.

– Дэрроу! – кричит мне Кассий, и они с Айей спускаются с моста на посадочную площадку. – Тебе некуда бежать! – продолжает он, наблюдая за мной с непроницаемым выражением лица. – Защитное поле активировано! Небо заблокировано! Ни одному вашему кораблю сюда не пробиться, – говорит он, глядя на струйку зеленого дыма, поднимающуюся в зимний воздух из валяющейся на земле канистры. – Прими свою судьбу!

Между нами ветер с завываниями носит снег, сорванный со склона горы.

– Подопытный кролик? – спрашиваю я. – Думаешь, это все, чего я заслуживаю?

– Ты террорист! Если у тебя и были права, то теперь их больше нет!

– Права? – кричу я, наклонившись над Викторой и Холлидей. – Хочешь сказать, что у меня было право потянуть за ноги мою повешенную жену?! Право смотреть, как умирает мой отец?! – Я пытаюсь плюнуть, но во рту пересохло. – Кто

дал вам право забрать их у меня?

– Здесь нечего обсуждать! Ты террорист и должен предстать перед лицом закона!

– Тогда зачем все эти лицемерные разговоры, мать твою?

– Потому что честь – превыше всего! Честь – вот что останется после нас!

Так говорил отец Кассия. Но даже для Кассия сейчас эти слова значат не больше, чем для меня. Война лишила его всего. По взгляду аурея я вижу, насколько ему тяжело. Он изо всех сил пытается оставаться сыном своего отца. Если бы Беллона мог выбирать, то предпочел бы сидеть у походного костра вместе с нами в горах в училище. Он бы вернулся в те славные дни, когда жизнь казалась простой, а дружба – нерушимой. Однако тоска по былому не смоет кровь с наших рук.

Прислушиваюсь к завывающим стенаниям ветра в долине. Я дошел до самого края площадки. У меня за спиной только воздух. Воздух и изменчивые очертания погруженного во тьму города, что стоит двумя тысячами метров ниже.

– Он собирается прыгнуть, – тихо говорит Айя Кассию. – Нам нужно его тело.

– Дэрроу, не надо, – произносит Кассий, но по выражению его глаз я понимаю: он хочет, чтобы я прыгнул.

Тогда ему не пришлось бы везти пленника на Луну, где того изрежут на мелкие кусочки.

Мой выбор кажется ему благородным. Он как будто снова

накрывает меня своим плащом, и я ненавижу его за это.

– Думаешь, ты такой благородный? – зло бросаю я. – Думаешь, ты хороший? У тебя никого не осталось! Тебе не за что бороться! – кричу я, чувствуя, как гнев переполняет меня. – Ты остался совсем один, Кассий! А я – нет! Мне незнакомо одиночество! Я не был одинок, когда встретился с твоим братом на Пробе! Не был одинок, когда скрывался среди вас! И даже там, во тьме! Не один я и сейчас!

Крепко хватаюсь за потерявшую сознание Холидей, просовываю пальцы под крепления ее доспехов, потом изо всех сил сжимаю руку Виктры. Пятки уже висят в воздухе над бездной.

Всадники наклоняют голову, прислушиваясь, но все равно не понимают, что за странный рев поднимается из долины. Откуда детям золотой расы знать, что такой звук издают вгрызающиеся в скалу щупальца агрегата? Откуда им знать, что мои люди придут за мной не с небес, а из самого сердца нашей планеты?

– Прощай, Кассий! Скоро увидимся! – говорю я, отгаливываясь от края площадки и падаю назад, увлекая за собой Виктру и Холидей.

7. Шмели

Мы падаем. Стремительно несемся к расплавленному центру заснеженного города, смотрящему на нас, словно глаз великана. Внизу, среди ровных шеренг фабрик, дрожат и рушатся здания, стоящие на вздыбившейся земле. Лопнув, взлетают на воздух трубы. Из трещин в асфальте с шипением выбивается пар. Взрывы газа расходятся в воздухе, как круги по воде, стонущие улицы охвачены огнем, будто Марс решил потянуться, достать своим чревом до шестого этажа и в муках родить древнего левиафана. А потом, когда земля и город достигают пределов растяжения, наружу вырывается щупальце – гигантская металлическая рука с оплавленными пальцами. От пальцев исходит пар, они шевелятся в поисках добычи, а затем исчезают, когда сверло вновь погружается в недра Марса, утаскивая за собой половину квартала.

Мы падаем слишком быстро, прыгнули преждевременно. Земля с бешеной скоростью несется нам навстречу, и тут в воздухе раздается оглушительный сверхзвуковой взрыв. За ним еще один, и еще, и еще – целый хор голосов доносится из темного тоннеля, пробуренного агрегатом, и оттуда появляется настоящая маленькая армия. Сначала двое, потом двадцать, и вот уже пятьдесят человек в доспехах кроваво-красного цвета и гравиботах несутся к нам. Они повсюду – справа, слева. Импульсовики поливают огнем небо за на-

шими спинами. Волосы электризуются от озона. Перегретая амуниция светится голубоватым светом от соприкосновения с молекулами кислорода. Мини-пулеметы, закрепленные на плечах у наших спасителей, изрыгают смерть.

Из звена Сынов Ареса вперед вырывается человек в алых доспехах и шипастом шлеме, доставшемся ему от отца. Он бросается к нам и подхватывает Виктру за считанные секунды до столкновения с крышей небоскреба. Из динамиков его шлема доносится волчий вой. Арес собственной персоной! Мой лучший друг на свете не забыл меня! Он пришел вместе со своей армией террористов и мятежников, восставших против империи: упырями! Позади него по воздуху несется десяток закованных в металл мужчин и женщин в неизменных развевающихся плащах из волчьих шкур. Среди них я сразу замечаю великана в снежно-белых доспехах с синими отпечатками ладоней на груди и руках; на черном плаще метка – вертикальная красная полоса посередине. На долю секунды мне кажется, что сам Пакс восстал из мертвых и вернулся за мной, но когда колосс подхватывает нас с Холидей, я вижу знаки, нарисованные синей краской на отпечатках. Это глифы наречия южного полюса Марса! Рагнар Воларус, принц из замков валькирий! Бросив Холидей другому упырю, он закидывает меня на спину, и я обхватываю его за шею, цепляясь за отверстия в доспехах. Рагнар несется через охваченный огнем и дымом город к тоннелю и кричит: «Держись крепче, маленький брат!»

Рагнар резко уходит вниз. Слева от нас – Севро, не выпускающий из рук Виктру, повсюду упыри. Гравиботы визжат от ускорения, и мы погружаемся во тьму тоннеля, но враг преследует нас. Какофония приводит меня в ужас: завывания ветра, грохот камней под выстрелами импульсовиков, нескончаемая пальба. Я все время бьюсь подбородком о закованное в металл плечо Рагнара. Его гравиботы вибрируют от перегрузки, крепления доспехов впиваются мне в ребра, аккумулятор, находящийся чуть ниже поясницы, вдавливается в мой пах, когда Рагнар выписывает немислимые пируэты, на бешеной скорости рассекая кромешную тьму. Металлическая акула уносит меня все глубже и глубже в чрево гневного океана. Барабанные перепонки вот-вот лопнут, в ушах свистит ветер. Мне в лоб попал небольшой камень, и по лицу струится кровь, застилая глаза. Единственные источники света – свечение гравиботов и вспышки от оружейных залпов.

Правое плечо горит от боли. Разряд из импульсовика преследователей прошел буквально в паре сантиметров от меня. Кожа тут же задымилась и покрылась пузырями, рукав комбинезона загорелся и сразу потух от ветра. Очередной залп – снова мимо меня, но на этот раз удар пришелся точно по гравиботам одного из Сынов, летящего впереди, и его ноги в мгновение ока превратились в кусок расплавленного металла. Боец дергается, переворачивается в воздухе, ударяется о потолок и падает. Шлем слетает с его головы и, вращаясь,

летит в мою сторону.

Зажмуриваюсь так сильно, что перед глазами начинают плясать красные пятна. Вокруг все заволокло дымом. Запах горелой плоти. В горле першит. Обугленные и хрустящие жировые ткани. В груди разливается горячая боль. Кровь, вой, вопли, кто-то зовет маму. А это что за звук? Жужжание? Шмели?! Надо мной кто-то есть! Я вижу их в красном свете и открываю глаза. Кто-то кричит совсем рядом со мной. Короту прижимают кислородную маску. С металлического плеча свисает мокрый волчий плащ, шерсть щекочет мне шею. Ко мне прикасаются чьи-то руки. Мир дрожит и кренился.

– Правее! – доносится как будто из-под воды чей-то голос. – Держимся правее!

Меня окружают умирающие. По обгоревшим грудам металлолома ползают люди небольшого роста и, согнувшись в три погибели, работают пилами, чтобы освободить друзей из расплавившихся доспехов, спасти тех, кто умирает от ожогов под этой жесткой чешуей, но металл не так-то просто отодрать. Чувствую, как кто-то дотрагивается до меня, и вижу лежащего рядом парнишку в почерневших доспехах. Он смотрит на меня широко открытыми глазами. Несмотря на сажу и кровь, видно, что он очень юн: у него нежная кожа, даже мимических морщин еще нет. Мальчик дышит быстро, прерывисто и произносит мое имя.

А потом умирает.

8. Возвращение домой

Я снова один, далеко-далеко от всех этих ужасов. Бесплотен и чист, стою на дороге, от которой пахнет мхом и землей. Ноги касаются почвы, но я ее не чувствую. С обеих сторон простирается вересковая пустошь. Вдалеке небо освещается вспышками молний. На моих руках нет знаков, ладони скользят по каменной ограде, что высится по сторонам этой извилистой дороги. Когда я начал идти по ней? Где-то вдали поднимается дым от костра. Я иду вперед, потому что у меня нет выбора. Из-за холмов доносится чей-то голос:

О могила, покои супругов, заброшенный дом,
Каждый мой шаг отмечен тобою, каждый мой шаг.
Здесь мой народ, я к нему возвращаюсь, к нему я иду.
Всех, почти всех Персефона созвала в чертоги свои.
Что ж, я последним, по воле коварной судьбы, ухожу —
Позже других, не окончив земных своих дел.
Разве надежду смогу обрести за могильной чертой?
Там мне объятья откроет любимый отец.
Матушка, брат, я стремился к вам скорбной душой!
Помните, как омовение я совершал
Бедных усопших в тот гибельный час роковой...

Это голос моего дяди! Неужели я в Долине? А это – та самая дорога, по которой мы проходим перед смертью? Быть

того не может! В Долине нет места боли, а у меня ноет все тело. Ноги покалывает. И все же этот голос зовет меня за собой, ведет сквозь туман. Голос человека, научившего меня танцевать, когда умер мой отец, оберегавшего меня и отправившего меня к Аресу. Человека, который погиб в шахте и сейчас пребывает в Долине!

Я думал, что меня встретит Эо... или отец... но не Нэрол.

– Читай, читай, – шепотом произносит другой голос. – Доктор Вирани говорит, что он нас слышит! Ему просто нужно помочь вернуться!

Я продолжаю идти вперед, но одновременно чувствую, что лежу в постели. Ощущаю прохладный свежий воздух, наполняющий легкие. Мягкие чистые простыни. Мышцы ног сводит, как будто от множества пчелиных укусов. С каждым очередным укусом мир сновидения меркнет, и я снова оказываюсь в своем теле.

– Ну, раз уж нам приходится читать этому коротышке, так давай кого-нибудь из алых, а не эти фиолетовые сопли!

– Танцор говорит, что он очень любил эту книгу.

Открываю глаза. Кровать. Белые простыни. Капельницы. Прикасаюсь к крошечным электродам, по которым через мышцы ног проходит ток. Электростимуляция помогает справиться с атрофией. Палата находится в пещере. Повсюду медицинское оборудование, аппараты и террариумы.

Значит, я и правда слышал голос дядьки Нэрола, вот только он не в Долине, он жив! Седой и жилистый даже для ало-

го, он сидит рядом с моей постелью и, шурясь, смотрит в одну из старых книг Микки. Мозолистые руки бережно перелистывают тонкие страницы. Он облысел, предплечья и шея покрыты темным загаром. Такое впечатление, что его сшили из куска старой, потрескавшейся кожи. Сейчас ему должен быть сорок один год, но выглядит он старше. Как будто немного одичал. На поясе кобура с рельсотроном, на черной военной куртке вышит топор – чуть выше того места, где когда-то была нашивка со знаком Сообщества. Нашивку отпороли, перевернули так, чтобы алый цвет оказался наверху пирамиды, а золотой – в основании, и пришили обратно.

Он сражается на войне.

Рядом с ним сидит моя мать. Инсульт превратил ее в согбенное, дряхлое существо. Сколько раз я представлял себе, как над ней с клещами в руке стоит Шакал? Все это время она была в безопасности. Узловатые пальцы уже не так ловко, как раньше, управляют с иглой и ниткой, она штопает рваные носки. Старость и болезни делают свое дело, но тело обманчиво, внутри она по-прежнему сильна. Внутри она выше любого золотого, сильнее любого черного.

Смотрю, как мать сосредоточенно занимается своим делом. Впитываю ее ровное дыхание. Больше всего на свете мне хочется защитить ее, исцелить, дать то, чего у нее никогда не было. Я так ее люблю, что не знаю, как сказать об этом. Не знаю, что сделать, чтобы она почувствовала всю силу моей любви.

– Мама... – шепчу я.

Они смотрят на меня. Нэрол замирает на стуле. Мама накрывает его ладонь своей, медленно встает, осторожно подходит к кровати и тихо шепчет:

– Здравствуй, малыш!

Она склоняется надо мной, из глаз льется безграничная любовь. Моя ладонь больше ее головы, но я нежно прикасаюсь к маминому лицу, чтобы убедиться в ее реальности. Провожу кончиками пальцев по гусиным лапкам около глаз, по седым волосам у висков. В детстве я любил отца сильнее, чем маму. Иногда она била меня. Иногда плакала в одиночестве, но делала вид, что все в порядке. Сейчас же мне больше всего на свете хочется послушать, как она напевает себе под нос, стоя у плиты. Мечтаю о тихих домашних вечерах. Но как повернуть время вспять?

– Прости меня... – слышу я свой голос. – Мне так жаль...

Мама целует меня в лоб и прижимает мою голову к своей. От нее пахнет ржавчиной, по`том и маслом. Пахнет домом. Она говорит мне, что я ее сын, что мне не за что просить у нее прощения. Я в безопасности, меня любят. Здесь вся моя семья. Киран, Лианна, их дети. Им не терпится увидеть меня. Меня трясет от рыданий, я не в силах остановиться, из моего сердца извергается вся боль одиночества. Слезы – сокровенный язык, они выражают больше, нежели обычные слова. Мать еще раз целует меня в лоб, и я откидываюсь на подушки, совершенно обессиленный. Нэрол встает рядом с

ней и кладет ладонь мне на плечо.

– Нэрол...

– Привет, маленький засранец! – грубо говорит он. – Истинный сын своего отца, да, парень?

– Я думал, ты умер...

– Не-а, смерть меня пожевала, но не проглотила. Выплюнула мою окровавленную задницу и отпустила. Сказала, что ей нужны наемники, надо грохнуть кое-кого да еще родственничка одного спасти. – Он улыбается мне, и старый шрам на его губах соединяется с двумя новыми.

– Мы долго ждали, пока ты очнешься, – говорит мама. – Челнок привез тебя два дня назад.

В гортани все равно ощущается привкус дыма от горелой плоти.

– Где мы? – спрашиваю я.

– В Тиносе. В городе Ареса.

– Тинос, – шепчу я и быстро сажусь. – Севро... Рагнар...

– Да живы они, живы! – ворчит Нэрол, толкая меня обратно на подушки. – Смотри, трубки повыдергиваются, кожу новую повредишь! Доктор Вирани несколько часов тебя зашивала, ты же в кровавое месиво превратился. Скелеты должны были оказаться в радиусе действия взрывного устройства, но им удалось уйти. Там, в тоннелях, они порвали нас в клочья. Если бы не Рагнар, тебе бы несдобровать.

– Ты тоже был там?

– А как же! Кто, по-твоему, вел команду проходчиков в

Аттику? Там пролилась кровь Ликоса, Лямбды и Омикрона!

– А Виктра?

– Полегче, парень, – говорит он, кладя руку мне на грудь, чтобы я и не смел вставать. – Она под присмотром врачей. И та серая тоже. Они живы, скоро их подлатают.

– Нэрол, меня надо осмотреть! Скажи врачам, пусть проверят меня на датчики радиации! На имплантаты! Эти гады могли специально упустить меня, чтобы узнать местоположение Тиноса! Мне срочно нужен Севро!

– Эй, эй, полегче! – резко осаживает меня Нэрол. – Все уже проверили. Нашли два имплантата, но оба расплавились при взрыве. Хвоста не привел. Ареса сейчас нет, он с упырями оставил тут раненых и полетел заметать следы.

Плащей из волчьих шкур я насчитал около дюжины, значит ряды пополнились. Ведьма предала нас, а вот Крошку и Клоуна Виксус упомянул. Интересно, остался ли с нами Брюзга?

– Арес сложа руки не сидит, – говорит мать.

– Так некогда! Дел много, а Арес один, – встал на защиту Севро Нэрол. – Они ищут выживших, скоро вернутся. Если повезет, к утру уже будут здесь, – объясняет он, но мама награждает его таким взглядом, что он тут же умолкает.

Я обессиленно откидываюсь на подушки, утомленный разговором. Устал с непривычки от одного вида людей. Язык меня почти не слушается. Меня обуревают странные чувства. Сижу молча, тяжело дыша. Материнская любовь напол-

няет комнату, но все равно я продолжаю ощущать присутствие тьмы. Тьма подступает со всех сторон к моей семье. Сначала я думал, что потерял близких, теперь боюсь, что не смогу защитить их. У меня могущественные враги. Их слишком много, а я совсем слаб. Качаю головой, глажу мать по руке:

– Я думал, что уже никогда тебя не увижу...

– И все же ты здесь, – отвечает она неожиданно холодным тоном.

В этом вся мама: абсолютно сухие глаза, когда мужчины едва могут два слова связать от избытка чувств. Часто я думал о том, как же мне удалось выжить в училище. Уж точно не благодаря моему отцу, он был человеком мягким. Несгибаемый, железный хребет достался мне от матери. Крепко сжимаю ее руку, пытаюсь выразить свои мысли этим незатейливым жестом.

В дверь тихонько стучат. В палату заглядывает Танцор. Он красив какой-то дьявольской красотой, единственный из всех алых, кому годы идут на пользу. Я узнал его по звуку шагов: он, как всегда, прихрамывает. Мать и дядя почтительно кивают ему. Нэрол тут же отходит в сторону, пропуская Танцора к моей постели, а мать не двигается с места.

– Этот проходчик еще поживет, вот увидите, – берет меня за руку Танцор. – Ну и напугал же ты нас, парень!

– Чертовски рад видеть тебя, Танцор!

– И я тебя, дружище!

– Спасибо тебе. Спасибо, что позаботился о них, – киваю я на мать и дядю. – Спасибо, что помог Севро...

– А для чего же нужна семья? – отзывается он. – Как ты?

– Грудь болит. Ну и все остальное.

– А как ты хотел! – добродушно смеется он. – Вирани говорит, ты чуть не сдох от зелья, которое тебе вкатила Накамура. У тебя инфаркт случился.

– Танцор, откуда Шакал узнал обо мне? Где я совершил ошибку? Чем себя выдал? Я думал об этом каждый день...

– Ты все делал правильно, – отвечает Танцор. – Тебя сдала Гармони.

– Гармони?! – шепчу я. – Быть того не может... Она же ненавидит золотых! – произношу я и тут же понимаю, что просчитался.

Гармони беспощадна в своей ненависти. Я не взорвал бомбу, которую она дала мне, чтобы убить верховную правительницу и всех остальных на Луне, вот она и решила отомстить мне...

– Она решила, что мы предали наши идеи и продались золотым, – рассказывает Танцор, – что слишком часто идем на компромисс. Поэтому просто пошла к Шакалу и все ему рассказала.

– Значит, когда я приехал к нему с подарком, он уже обо всем знал...

– Да, – устало кивает Танцор. – Твой приезд лишь подтвердил, что Гармони говорит правду. Поэтому Шакал поз-

волил нам спасти ее и остальных. Мы отвезли ее на базу, но она сбежала за час до того, как туда прибыл убойный отряд Шакала.

– Фичнер погиб из-за нее! А ведь он объяснил ей, в чем смысл жизни... Понимаю, почему она заложила меня, но как она могла предать Ареса?!

– Она узнала, что он золотой, и выдала его Шакалу. Сообщила координаты базы.

Арес был ее героем, ее божеством. После того как дети Гармони умерли в шахтах, она сломалась, а он спас ее, научил бороться. Но Гармони узнала, что он из рода врагов, и помогла убить его. Мне больно думать о том, что причиной смерти Фичнера стало предательство.

Танцор молча смотрит на меня оценивающим взглядом. Он явно не ожидал увидеть такое. Мама и Нэрол наблюдают за ним так же пристально, как он за мной, понимая, о чем он думает.

– Я уже не тот, что прежде, – медленно говорю я.

– Нет, парень. Ты прошел через все круги ада. Дело не в этом.

– А в чем?

– Ты уверена? – спрашивает он у моей матери.

– Скажи ему, он должен знать, – отвечает она.

Нэрол согласно кивает, но в глазах Танцора – неуверенность.

Он оглядывается по сторонам, ищет, куда сесть. Нэрол тут

же приносит ему стул и ставит рядом с моей кроватью. Танцор благодарно кивает, а потом наклоняется ко мне, крепко переплетая пальцы рук в замок.

– Дэрроу, всю твою жизнь люди много чего скрывали от тебя. Поэтому отныне я хочу быть с тобой предельно откровенным. До недавнего времени мы считали тебя погибшим. Узнали, что это не так, всего пять дней назад.

– Так я и правда почти что умер.

– Нет, не в этом смысле. Девять месяцев назад мы просто перестали искать тебя, – произносит он, и мама крепко сжимает мою руку. – Через три месяца после того, как тебя взяли в плен, золотые казнили тебя за измену. Казнь транслировалась по голографической сети. Они выволокли на ступени цитадели Эгеи какого-то парня, похожего на тебя как две капли воды, и зачитали список твоих преступлений. Все до сих пор думают, что ты золотой. Мы пытались освободить тебя, но это была ловушка. Мы потеряли тысячи людей, – продолжает он, переводя взгляд то на мой рот, то на волосы. – Такие же глаза, шрамы, то же лицо, черт возьми! Мы ничего не могли сделать, стояли и смотрели, как Шакал отрубает тебе голову, а потом сносит твой обелиск на Марсовом поле.

Я в шоке смотрю на них, не в силах осознать, о чем они говорят.

– Мы оплакали тебя, малыш, – едва слышно произносит мать. – По тебе скорбели весь клан, весь город. Я лично воз-

главила погребальную процессию, и мы похоронили твои ботинки в глубоких тоннелях в недрах Тиноса.

– Он выглядел точь-в-точь как ты. – Нэрол, скрестив руки на груди, вздыхает, с болью вспоминая тот день. – Такая же походка. Одно лицо. Я думал, что снова увидел, как ты умираешь.

– Скорее всего, народу показали биомаску, а может, ваятели потрудились или были использованы какие-то новые цифровые технологии, – объясняет Танзор, – но это, в общем-то, уже не важно. Шакал убил аурея, а не алого. С их стороны было бы очень глупо рассказать всем, кто ты такой на самом деле, это сыграло бы нам на руку. Так что вместо тебя, чтобы другим неповадно было, казнили очередного золотого, возомнившего себя претендентом на трон.

Шакал говорил, что причинит боль тем, кого я люблю, и теперь я вижу, что ему это удалось. Моя мать выглядит совершенно разбитой. Все это время она скрывала тяжкое горе, а сейчас оно сквозит в ее взгляде. Мамино лицо искажается от чувства вины.

– Я потеряла надежду. Сдалась, – тихо говорит она надтреснутым голосом. – Я сдалась.

– Ты ни в чем не виновата, – утешаю ее я, – откуда тебе было знать?

– А вот Севро не сдался, – произносит она.

– Он ни на день не прекращал поисков, – объясняет Танзор. – Он будто сошел с ума, все повторял, что ты жив. У

него это не шло из головы. Дескать, он почувствовал бы, если бы ты умер. Я даже просил его отдать шлем кому-нибудь другому, потому что он бросил на твои поиски все силы.

– И маленький засранец таки нашел тебя! – восклицает Нэрол.

– О да, – продолжает Танзор, – нашел! Я ошибался. Мне надо было верить в тебя. Верить в него.

– Но как же вы отыскивали меня?

– Операцию спланировала Теодора.

– Она здесь?

– Работает в нашей разведке. У этой дамы повсюду уши. Кто-то из ее информаторов в клубе «Жемчужина» подслушал разговоры о том, что всадники-олимпийцы прибыли с Луны на Аттику, чтобы забрать какую-то загадочную посылку для верховной правительницы. Севро решил, что ты и есть эта посылка, поднял почти все наши резервы на атаку, рассекретил два ценных источника...

Он все говорит и говорит, а я смотрю на мать. Та отстраненно уставилась на потрескивающую под потолком лампу дневного света. Что мама сейчас чувствует? Каково матери глядеть на искалеченное врагами тело своего ребенка? Видеть, как ему больно, пересчитывать его шрамы, внимать безмолвным страданиям, пытаться прочесть мысли в опустошенном взгляде? Сколько матерей молились, чтобы снова увидеть своих сыновей и дочерей, но, когда те возвращались с поля битвы, понимали, что война забрала их, отравила их

душу и они уже никогда не будут прежними?

Девять месяцев мать оплакивала меня. Теперь она охвачена чувством вины из-за того, что сдалась. Ее терзает отчаяние – ведь война вот-вот поглотит меня, и материнские руки бессильны удержать сына. Я слишком часто пренебрегал желаниями других, чтобы добиться мнимой цели. Если жизнь дает мне второй, а может, последний шанс, то я должен все сделать правильно. По-другому.

– ...Но самая большая проблема даже не в материальных ресурсах – нам нужны люди...

– Танцор... Подожди, – перебиваю его я.

– Подождать? – недоуменно хмурится он, поглядывая на Нэрола. – А что не так?

– Все так. Но мы обсудим все эти дела завтра утром.

– Завтра утром?! Дэрроу, да у нас земля из-под ног уходит! Мы не контролируем другие отряды алых! Сынам не продержаться и года! Я должен ввести тебя в курс дела! Ты должен вернуться и...

– Танцор, я жив, – говорю я, стараясь не думать обо всех вопросах, которые мне хочется задать о войне, о моих друзьях, о том, как я чуть не умер, о Виргинии, – это все не срочно. – Ты хоть понимаешь, как мне повезло? Я снова вижу всех вас в этом мире, а не в загробном! Я не виделся с братом и сестрой шесть лет. Так что дебрифинг подождет денек. Завтра я снова уйду на войну, а сегодня вечером я хочу побыть со своей семьей.

Из-за двери доносятся детские голоса. Мне кажется, что я незваный гость, без приглашения явившийся в чужой сон. Гость, которому нет места в мире детства. Но у меня нет выбора: мать толкает вперед мое инвалидное кресло, и я оказываюсь в крошечной спальне. Повсюду металлические тазы, дети, запах шампуня, шум. Пятерых ребятишек, моих родных племянников, только что искупали, судя по влажным волосам и стоящим на полу маленьким сандалиям. Двоим – около девяти, еще двоим – лет по шесть. Девочка-ангелочек уткнулась головой в ногу старшему мальчику, но тот не обращает на нее внимания. В комнате есть и еще один ребенок. Девчушка, которой не спалось в ту ночь, когда я пришел к матери в Ликосе, одна из дочерей Кирана. Она наблюдает за остальными детьми, выглядывая из-за яркой книжки со сказками, и замечает меня первой.

– Пап! – кричит она, широко распахнув глаза. – Папа!

Киран играет в кости с Лианной. Обернувшись, он вскакивает и бросается ко мне, Лианна не поспевает за ним.

– Дэрроу! – восклицает он и останавливается прямо перед моим креслом.

Киран отрастил бороду, ему лет двадцать пять или около того. Плечи стали широкими, расправились. Глаза светятся добротой, которую я раньше принимал за глупость, а сейчас считаю безрассудной смелостью. Придя в себя, он подзывает к себе детей:

– Риган, Айро, детки, познакомьтесь с моим младшим братом! Это ваш дядя!

Дети смущенно выстраиваются в ряд. Из дальнего угла комнаты разносится детский смех, молодая мать встает с кровати, на которой кормила малыша.

– Эо? – шепчу я.

Эта женщина похожа на призрак из прошлого. Личико сердечком. Копна густых спутанных волос. В дождливые дни волосы вьются мелкими кудряшками, совсем как у Эо. Но глаза не такие большие, нос изящный, словно у эльфа. В ее взгляде больше нежности, чем огня. Она женщина, а не девочка, какой была моя жена. По моим подсчетам, ей сейчас должно быть лет двадцать.

Все странно смотрят на меня.

Думают, в себе я или нет.

Все, кроме сестры Эо, Дио, чье лицо расплывается в улыбке.

– Прости, Дио, – бормочу я, – ты так на нее похожа...

Она машет на меня руками, запрещает извиняться и сглаживает мою неловкость, говоря, что это лучший комплимент на свете.

– А кто у нас тут? – спрашиваю я, показывая на малышку, которую Дио держит на руках.

У девочки просто нереальные волосы. Рыжие густые локоны стянуты в хвост, который торчит вверх на макушке, будто маленькая антенна. Она с любопытством разглядывает

меня темно-красными глазами.

– Ты про эту пигалицу? – спрашивает Дио, подходя к моему креслу. – О, я мечтала познакомить вас с тех самых пор, как Дианна рассказала нам, что ты жив, – продолжает сестра Эо, глядя на моего брата с такой любовью, что я ощущаю укол ревности. – Это наша младшая. Хочешь ее подержать?

– Подержать? – переспрашиваю я. – Нет... Я не...

Девочка тянет ко мне пухлые ручонки, и Дио сажает ее мне на колени, прежде чем я успеваю сказать «нет». Малышка цепляется за мой свитер, урчит, вертится, пока не устраивается поудобнее. Она хлопает в ладоши и смеется. Это маленькое существо понятия не имеет, кто я такой и почему у меня на коже столько шрамов. Ей просто нравятся мои огромные руки и знаки золотых, поэтому она хватает меня за большой палец и пытается укусить его беззубыми деснами.

В ее мире нет места ужасам, среди которых я живу. Ребенок повсюду видит только любовь. У нее бледная нежная кожа. Она соткана из облаков, а я... я высечен из камня. У девчушки большие яркие материнские глаза, а губы тонкие, как у Кирана. И гримаски отцовские. В другой жизни она могла бы быть нашей с Эо дочерью. Моя жена рассмеялась бы мне в лицо, если бы узнала, что в результате родителями станут мой брат и ее сестра. Наша с Эо любовь была подобна урагану, а ураганы быстро проносятся мимо. Надеюсь, у Дио и Кирана все сложится по-другому.

Повсюду уже давно погасили свет, чтобы сэкономить энергию генераторов, а я все еще сижу с дядей и братом за столом в дальнем углу комнаты. Киран рассказывает мне о своей новой работе – оранжевые учат его обслуживать истребители и челноки. Дио уже давно легла спать, оставив мне малышку, которая крепко спит у меня на руках, время от времени ерзая туда-сюда, когда сны уносят ее в неведомые мне миры.

– Здесь не так уж и плохо, – говорит Киран. – Лучше, чем внизу. У нас есть еда. Душ с водой! Говорят, мы находимся под озером. Охрененно крутая штука этот душ! Дети просто обожают купаться! – рассказывает он, глядя на спящих в полумраке ребятшек: они лежат по двое в кровати и тихонько ворочаются во сне. – Но вот знаешь, что тяжело? Мы не знаем, какое будущее ждет их! Побывают ли они когда-нибудь в шахте? В ткацкой? Другое мне даже в голову не приходило. Я надеялся передать им ремесло, показать цель в жизни. Понимаешь? – спрашивает он, и я киваю. – Хотелось, чтобы мальчики стали проходчиками. Как ты, как папа. А теперь... – Он растерянно пожимает плечами.

– Зато теперь у нас открыты глаза! – возражает дядька Нэрол. – Невозможно жить как прежде, зная, что о тебя вытирают ноги!

– О да, – отзывается Киран, – умереть до тридцати, чтобы эти ребята могли жить до ста лет! Это охрененно неправильно! Я просто хочу, чтобы моим детям жилось лучше, брат.

Он внимательно смотрит на меня, и я вспоминаю, как мама спрашивала, что будет со всеми нами после восстания. Какой мир мы хотим построить? О том же спросила и Мустанг. Эо об этом не задумывалась.

– Они достойны лучшего! И Ареса я люблю, как и все остальные, ведь я обязан ему не только своей жизнью, но и жизнью моих детей, однако... – Он качает головой, собирается сказать что-то еще, но умолкает под тяжелым взглядом Нэрола.

– Продолжай! – подбадриваю его я.

– Но я не уверен, что Арес знает, чем все обернется. Поэтому я очень рад, что ты вернулся, братишка. Знаю, у тебя есть план. Ты сможешь спасти нас! – говорит он с искренней верой и преданностью.

– Конечно есть, – отвечаю я, потому что именно это он хочет услышать.

Брат с довольным видом наполняет свою кружку, а дядя ловит мой взгляд, и я понимаю: он видит меня насквозь и знает, что я солгал. Мы оба ощущаем присутствие тьмы.

9. Город Ареса

Рано утром я пью кофе и ем зерновую кашу. Мама принесла завтрак из пищеблока. Мне еще тяжело находиться среди толпы. Киран и Лианна уже ушли на работу, поэтому я остался с Дио и матерью, а дети собираются в школу. Что ж, хороший знак. Когда люди перестают учить своих детей, это означает: они сдались. Допиваю кофе, и мама тут же подливает мне добавки.

– Ты взяла целый кофейник? – спрашиваю я.

– Повар настоял. Пытался мне два впихнуть.

– Почти как настоящий, – говорю я, делая очередной глоток.

– А он и есть настоящий, – улыбается Дио. – Один пират присылает нам контрабандные товары. Этот кофе с Земли, кажется с Ямаки, – морщит лоб она, и я не поправляю ее.

– Эгей! – доносится из коридора чей-то крик, и мама подскакивает от неожиданности. – Жнец! Жнец! Выходи, повеселимся!

В коридоре – шум, громкий топот сапог.

– Помнишь, Дианна велела обязательно стучаться! – гремит другой раскатистый голос.

– Какой ты зануда! Ну ладно, – произносит первый голос, и в дверь вежливо стучат. – Сюрприз-сюрприз! К вам тут дядя Севро и в меру дружелюбный великан!

– Элла, будь добра, – кивает мать одной из племяшек, которые хлопают в ладоши и прыгают от восторга.

Элла несется к двери, чтобы впустить Севро. Он ураганом влетает в комнату и подхватывает девочку на руки, а та визжит от радости. На нем нательный, пропитанный потом комбинезон из черной ткани, который солдаты надевают под импульсные доспехи, под мышками – темные круги. Севро видит меня, в глазах загораются огоньки. Мой друг швыряет Эллу на кровать и бросается ко мне с распростертыми объятиями. Он раздражается чумовым хохотом, ястребиное лицо расплывается в кривой ухмылке. На голове у него грязный, мокрый от пота ирокез.

– Севро, полегче! – пытается осадить его мама.

– Жнец!

Он кидается ко мне, с лету разворачивает мое кресло так резко, что у меня щелкают зубы, и почти что поднимает меня на руки. Он стал сильнее, чем прежде, весь пропах табаком, топливом для двигателей и потом. Прижавшись ко мне, словно собака, радующаяся приходу хозяина, он то ли смеется, то ли плачет и сбивчиво бормочет:

– Я знал, что ты жив! Знал, и все тут! Этим эльфийским сучкам меня не провести! Ах ты, засранец хренов! – восклицает он, отстраняется и смотрит на меня с широкой улыбкой рикши.

– Следи за языком! – резко перебивает его мать.

– Севро, ребра! – морщусь я от боли.

– О черт, прости, братишка! – извиняется он, опускает меня обратно в кресло и встает на колени, чтобы мы могли смотреть друг другу в глаза. – Как-то раз я сказал одну умную фразу и теперь намерен ее повторить. Есть две вещи на свете, которые ничем не убьешь, – это грибок у меня между ног и Жнец с чертова Марса! Ха-ха!

– Севро!

– Ну прости, Дианна, прости!

– Севро! От тебя жутко воняет! – отстраняюсь я.

– Так я не мылся пять дней! – гордо заявляет он и хватается за свою промежность. – Тут просто настоящий Севро-суп, парень! А ты... – Он упирает руки в бедра. – Ты выглядишь... э-э-э... просто жуть, – откашлявшись, произносит Севро, заметив многозначительный взгляд моей мамы.

Комнату накрывает тень, так как вошедший загоразживает висящую рядом с дверью лампочку. Дети с радостными воплями сгрудились вокруг Рагнара и не дают ему и шага сделать.

– Здравствуй, Жнец! – говорит он, перекрикивая детский гомон.

Я с улыбкой смотрю на Рагнара. Его лицо, как всегда, бесстрастное, покрыто татуировками. Бледная, задубевшая от арктического ветра его родины кожа напоминает шкуру носорога. Белая борода заплетена в четыре косички, голова побрита налысо, оставлен лишь хвост на макушке, перевязанный красными ленточками. Дети спрашивают, принес ли он

им подарки.

– Севро, твои глаза! – наклоняюсь вперед я.

– Нравится? – Он придвигается вплотную.

С ухмыляющегося угловатого лица на меня смотрят уже не грязно-золотые, а красные, точно земля Марса, зрачки. Чтобы я разглядел их получше, Севро оттягивает веки. Да, это не контактные линзы, а правый глаз – не биопротез.

– Охрененно! Ваятели потрудились?

– Лучшие из лучших! Тебе нравится?

– Да они просто офигенно потрясающие! Сидят как влитые!

– Рад, что ты так думаешь, – нервно стискивает руки он. –

Потому что это твои.

– Что?! – бледнею я.

– Это твои.

– Что – мои?!

– Глаза твои, дурень!

– Мои глаза?!

– Тебя что, дружелюбный великан головой о землю шмякнул, пока спасал? Микки сохранил твои глаза в криобоксе в своей мастерской в Йорктоне – жутковатое, кстати, местечко, – а мы туда зашли, чтобы припасов набрать для повстанцев в Тиносе. Ну я и решил, что раз зрение тебе больше не нужно, то... – Он смущенно пожимает плечами. – Короче, спросил у Микки, не сможет ли он со мной поработать. Хотел, чтобы ты все видел даже после смерти. Чтобы мы стали

еще ближе. В общем, я приобрел то, что постоянно напоминает о тебе. Это же нормально, да?

– Я ему говорил, что это очень странно, – рокочет Рагнар, не замечая, как одна из девчушек карабкается по его ноге.

– Хочешь, верну? – вдруг заволновавшись, спрашивает Севро. – Могу отдать!

– Да нет! Просто я забыл, насколько ты ненормальный!

– А, вот оно что! – смеется он и хлопает меня по плечу. – Ладно, а то я уж было решил, что дело серьезное. В общем, могу оставить себе, да?

– Кто первый встал, того и тапки, – пожимаю плечами я.

– Дианна из Ликоса, позволишь ли ты нам забрать твоего сына для обсуждения военных дел? – спрашивает Рагнар у моей матери. – Ему многое предстоит сделать. И немало нового узнать.

– Только если пообещаешь мне вернуть его целым и невредимым. Кофе с собой возьмите. А еще вот носки в прачечную занеси! – провозглашает она, вручая Рагнару пакет с заштопанными носками.

– Как прикажешь.

– А как же подарки? – расстраивается одна из моих племянниц. – Ты что, ничего нам не принес?..

– У меня есть для вас один подарочек, – перебивает ее Севро.

– Нет, Севро, только не это! – в один голос вопят мама и Дио.

– А что такого? Это же просто конфетка! – возмущается он, доставая пакет.

– ...Ну и тут Рагнар спотыкается о Крошку и выпадает из корабля, – с трудом сдерживая хохот, рассказывает Севро. – Как дурак!

Севро быстро катит мое инвалидное кресло по каменному коридору, а сам на ходу жует конфету. Потом резко ускоряет шаг и бежит вприпрыжку, пока мы наконец не врезаемся в стену. Морщусь от боли.

– Короче, Рагнар падает прямо в море! А там такая движуха! Волны высотой с флагман! В общем, ныряю я за ним – надо же выручать парня! И тут появляется это огромное... Я, твою мать, даже не знаю, как его обозвать... Чудовище просто, ваятели постарались, не иначе, думаю я...

– Демон, – раздается из-за спины Севро голос Рагнара, которого я сразу не заметил. – Это был морской демон третьего уровня Хела, низшего мира.

– Точно! – восклицает Севро, заворачивает за угол и снова въезжает моим креслом в стену так, что я прикусываю язык, а стоящие там пилоты, из Сынов, бросаются врассыпную, но еще долго смотрят мне вслед. – Ну так вот, значит, этот морской демон, – продолжает он, поглядывая на Рагнара, – судя по всему, решил, что великан – лакомый кусочек, и заглотил его, как только тот ударился о воду. Я, значит, смотрю на это и помираю со смеху вместе с Брюзгой, потому что правда

оборжаться можно! А Брюзга такие шуточки обожает, ты же знаешь! Но тут чудище ныряет, я – следом и давай за ним гоняться, причем из импульсовика палю прямо под водой, и вдруг этот демон, – Севро снова косится на Рагнара, – опускается на дно Термического моря, мать его за ногу! Давление там – будьте нате! У меня доспехи на ладан дышат! И вот я уже решил, что пора помирать, как вдруг Рагнар берет ножик и вылезает из этой гадины! А теперь угадай, с какого конца! – наклоняется он ко мне. – Ну давай, угадывай!

– Севро, он что, вылез прямо из ануса морского демона? – спрашиваю я.

– Точно! – трясется от хохота Севро. – Прямо из задницы! Вылетел, как кусок дерьма!

Кресло резко останавливается, Севро умолкает, слышится звук пинка, и меня везут дальше. Оглядываясь, вижу, что теперь кресло с совершенно невинным видом катит Рагнар. Севро сзади не видать. Я хмурюсь, думаю, куда же он подевался, и тут мой друг вылетает из бокового коридора и орет:

– Ах ты, тролль недорезанный! Я – генерал террористов! Перестань швыряться мной куда попало! Я из-за тебя конфету выронил! – сетует Севро, глядя себе под ноги. – Поймай-ка! Где она? Мать твою, Рагнар! Где мой арахисовый батончик? Знаешь, сколько человек мне пришлось убить, чтобы разжиться им? Шесть! Шесть, мать твою!

Рагнар беззвучно жует что-то, и возможно, мне показалось, но, по-моему, он улыбнулся!

– Рагнар, ты что, стал зубы чистить? Улыбка просто супер!

– Спасибо, – говорит он не очень четко, поскольку трудно сохранять хорошую дикцию, если жуешь батончик с арахисовым маслом. – Чародей забрал у меня старые зубы. Они сильно болели. Эти – новые. Разве они не прекрасны?

– Чародей Микки? – уточняю я.

– Он самый. А еще до отъезда из Тиноса он успел показать мне буквы, – гордо заявляет Рагнар.

В доказательство своих слов он начинает вслух читать все знаки и надписи в коридоре, и так продолжается десять минут, пока мы наконец не приближаемся к ангарам. Северо плетется позади, продолжая сокрушаться насчет утраченной конфеты. Ангар по меркам Сообщества тесноват, но на самом деле здесь потолки под тридцать метров, а ширина – все шестьдесят. Помещение выдолблено лазерными сверлами. Пол каменный, покрыт черным налетом от топлива. Несколько потрепанных челноков, а рядом с ними – три новехоньких, блестящих штурмовика. Алые под руководством двух оранжевых обслуживают корабли, но, увидев меня, открывают рот и застывают на месте. Рагнар толкает кресло мимо. Я чувствую себя здесь совсем чужим.

Пестрая компания вояк шагает прочь от потрепанного в боях челнока. Одни солдаты не успели снять доспехи и плащи из волчьих шкур, другие щеголяют в нательных комбинезонах или разделись до пояса.

– Босс! – кричит Крошка, поддерживая Клоуна под ло-

коть.

Она так и осталась пышечкой, широко улыбается и тащит Клоуна за собой. Его густые волосы слиплись от пота, он навалился на плечо подруги всем телом. Их лица сияют от радости, и, когда они подходят ближе, я понимаю, что мои друзья совсем не изменились. Крошка отталкивает Клоуна и бросается мне на шею. Клоун же отвешивает мне шуточный поклон и провозглашает:

– Упыри смену сдали, примас! Прошу простить за то, что заварили такую кашу!

– Вяпались по самое не могу! – объясняет Крошка, не давая мне рта раскрыть.

– Не то слово, – кивает Клоун. – Ты изменился, Жнец, – испытующе смотрит на меня он, подбоченившись. – Как бы это сказать... Постройнел! Новая стрижка? Нет, погоди, дай угадаю! Это все борода!

– Как мило, что ты заметил! – отзываюсь я. – И еще спасибо, что ты остался с нами, несмотря... Несмотря ни на что.

– Несмотря на то, что ты нагло врал нам целых пять лет?

– Да-да, я как раз об этом.

– Ну... – протяжно произносит Клоун, делает вид, что сейчас бросится на меня.

– Конечно, мы остались, Жнец! – ласково говорит Крошка, пихая Клоуна в плечо. – Мы же одна семья...

– Но у нас есть кое-какие требования... – грозит мне пальцем Клоун, – если ты хочешь и впредь пользоваться наши-

ми услугами в неограниченном объеме. Но об этом чуть позже! Боюсь, моя задница нашпигована пулями, поэтому прошу нас извинить! Крошка, к хирургам!

– Пока, босс! – машет мне на прощание Крошка. – Рада, что ты не сдох!

– Ужин для упырей в восемь! – кричит им вслед Севро. – И не опаздывайте! Пули в заднице – не отмазка, Клоун!

– Слушаюсь, сэр!

– Ах, негодники! – с улыбкой поворачивается ко мне Севро. – И бровью ведь не повели, когда я сказал им, что ты ржавый! Сразу же полетели вместе со мной забирать твоих родных. Хотя было очень странно объяснять им, что к чему... ну сам понимаешь.

Проходим мимо корабля, из которого вышли Крошка и Клоун. На погрузочном трапе работают два молодых парня – дряят полы щетками. Красно-коричневая вода стекает на пол ангара, но не по водостоку, а узким ручейком льется вниз с края.

– Кому-то отцы оставляют корабли или фамильные поместья, а мне засранец Арес подкинул этот людской муравейник с беспокойным мужичьем!

– Твою ж мать! – ахаю я, наконец понимая, где очутился.

За ангаром простирается целый лес сталактитов, каменные образования влажно поблескивают в лучах подземной зари. Не только от воды, стекающей по их серой шероховатой поверхности, но и от огней бараков, доков и сенсорной мат-

рицы, защищающей главный бастион Ареса. Грузовые корабли снуют между многочисленными доками.

– Мы внутри сталактита! – восхищенно смеюсь я, но потом замечаю ужасную картину.

В сотне метров под нашим сталактитом расплодился бесформенным пятном лагерь беженцев. Когда-то здесь, на Марсе, в скалах выдолбили подземный город с глубокими улицами-каньонами. Он занимает все пространство громадной пещеры, к дальним ее стенам в нескольких километрах отсюда лепятся дома, напоминающие ячейки гигантских сот, мостовые выложены плитами песчаника. А над всем этим – новый город, без крыш... Лагерь беженцев похож на странный океан грязных тел, тряпья, волос. Люди спят на кровлях, в проходах, на лестницах, ведущих с одного уровня на другой. Я вижу самодельные металлические знаки Гаммы, Омикрона, Ипсилона... Всех двенадцати кланов, на которые золотые делят мой народ.

– Сколько их там? – потрясенно спрашиваю я.

– Да хрен его знает, как минимум двадцать шахт. Ликос – капля в море по сравнению с теми, которые находятся рядом с крупными хранилищами гелия-три.

– Всего четыреста шестьдесят пять тысяч. Если верить журналам прибытия, – говорит Рагнар.

– Полмиллиона? – шепчу я.

– А кажется, что намного больше, правда?

– Да, – соглашаюсь я. – Как они сюда попали?

– Больше им идти было некуда. Эти бедняги – из шахт, которые зачистил Шакал. Этот ублюдок закачивает аклис-девяль в вентиляцию при малейшем подозрении, что там есть Сыны. Тихий, незаметный геноцид!

– Протокол ликвидации, – передернувшись, киваю я. – Крайняя мера, принятая Бюро стандартов для скомпрометированных шахт. Как вам удастся держать все в тайне? Глушите весь эфир?

– Ну да. К тому же мы глубоко забрались. Папаша изменил топографические карты во всех информационных базах Сообщества. Золотые думают, что запасы гелия-три в этой долине истощились более трех сотен лет назад, пока что фокус срабатывает.

– Откуда берете провиант?

– Ниоткуда. В смысле, мы пытаемся его достать, но уже месяц, как в Тиносе появились крысы. Люди спят вповалку. Мы уже начали переводить беженцев в сталактиты. Но там, внизу, свирепствует зараза. Лекарств не хватает. Я не могу рисковать жизнью Сынов, без них мы будем беззащитны. Станем больной коровой, которой одна дорога – на бойню!

– А люди взбунтовались, – сообщает Рагнар.

– Взбунтовались?

– Да, чуть не забыл рассказать. Нам пришлось урезать пайки вдвое, а они и так были небольшими. Неблагодарным засранцам это пришлось не по нраву.

– Многие лишились жизни прежде, чем я спустился к

ним.

– Щит Тиноса, – кивает Севро. – Его они любят больше меня, это уж точно! Его никто не обвиняет в том, что пайки маленькие! Но я более популярен, чем Танзор, потому что у меня есть клевый шлем, а он занимается всякой ерундой, в которой я ни хрена не понимаю. Идиоты! Парень хребта своего ради них не жалеет, а они считают его занудным скрягой!

– Мы как будто откатились лет на тысячу назад, – безнадежно вздыхаю я.

– Ну вроде того, разве что генераторы у нас есть. Тут под скалой течет река, так что у нас все в порядке с водой, канализацией, и иногда есть электричество. Только вот народ устраивает всякие непотребства: убийства, изнасилования, кражи. Клан Гамма приходится держать отдельно от остальных. На прошлой неделе кто-то из Омикрона вздернул мальчика из Гаммы и вырезал у него на груди знаки золотых, а знаки алых уничтожил. Говорят, мелкий был лоялистом, сторонником ауреев. Вашу мать, да ему четырнадцать лет было! – ругается Севро, и меня начинает тошнить.

– Мы не отключаем уличное освещение. Даже на ночь.

– Ага, попробуй отключи! Там, внизу, тут же начнется настоящий хаос. – Севро устало смотрит на город.

Мой друг воин, он умеет сражаться, а здесь идет совсем другая битва. Бросаю взгляд на лагерь, пытаюсь найти нужные слова. Такое ощущение, что я узник, всю жизнь делавший подкоп и в результате прорывший ход в другую камеру.

А потом во вторую, третью... Эти люди не живут, а просто пытаются оттянуть неизбежный конец.

– Эо такого не хотела, – наконец роняю я.

– Ну что тут скажешь, – пожимает плечами Севро. – Мечтать легко, другое дело воевать, – говорит он, прикусив губу. – Ты виделся с Кассием?

– Один раз, под конец. А что?

– Это он помогает переправлять сюда беженцев, – поворачивается ко мне Севро, и в его глазах появляется блеск.

10. Война

– Сообщество раздрает война... – рассказывает Танцор. Он стоит рядом со мной в штабе Сынов Ареса.

Зал расположен под выдолбленным в скале куполом и освещается голубоватым сиянием ламп на потолке и мерцанием компьютерных терминалов вокруг голографического дисплея, на котором синим цветом показано Термическое море Марса. Возле этого устройства и держит речь Танцор. На совете присутствуют Рагнар, несколько старших Сынов, чьи лица мне незнакомы, и Теодора, которая приветствует меня галантным поцелуем в губы, как это принято в высшем обществе на Луне. Она умудряется выглядеть элегантно даже в широких рабочих брюках и, похоже, имеет среди присутствующих большой авторитет. Ее, как и упырей, не пригласили в сады Августуса на пир в честь моего триумфа – сочли ее мелкой сошкой, слава Зевсу! Как только все закрылось, Севро послал Крошку в цитадель за Теодорой, и с тех пор моя бывшая служанка на стороне Сынов, помогает Танцору руководить отделами пропаганды и разведки.

– Поднято восстание не только против золотых здесь и в других наших ячейках по всей системе – случился раскол среди самих ауреев! После убийства Аркоса, Августуса и всех их верных соратников Рок и Шакал разыграли все как по нотам и заблокировали флот на орбите. Они боялись, что

Виргиния или Телеманусы захватят корабли золотых, убитых в саду. Впрочем, Мустанг так и сделала: ей удалось не только отбить отцовские суда, но и вывести флотилию Аркоса, находившуюся под командованием трех его племянниц. Битва состоялась у Деймоса. Флот Рока уступал силам Виргинии по численности, тем не менее ему удалось обратить ее в бегство.

– Значит, она жива, – говорю я, понимая, что все они внимательно следят за моей реакцией на эту информацию.

– Да, – пристально глядя на меня, произносит Севро, – жива, насколько нам известно.

Рагнар открывает рот и хочет что-то сказать, но Севро перебивает его:

– Танцор, покажи ему Юпитер!

Изучаю взглядом Рагнара, пока Танцор взмахом руки управляет дисплеем. На экране возникает огромный газовый шар – Юпитер. Его окружает пояс из шестидесяти трех спутников размером с астероиды и четырех великих лун Юпитера – Европы, Ио, Ганимеда и Каллисто.

– Бойня, устроенная Шакалом и верховной правительницей, на поверку оказалась еще более масштабной операцией: кроме тридцати погибших в саду, пали более трехсот членов Сообщества по всей Солнечной системе, в основном от руки всадников-олимпийцев или преторов. Операцию по уничтожению всех ключевых врагов верховной правительницы на Марсе, Луне и в других местах предложил и спланировал

Шакал. Все прошло четко, без сбоев. Однако они совершили одну очень большую ошибку, убив в саду Ревуса Раа и его девятилетнюю внучку.

– Лорд-губернатора Ио! – поражаюсь я. – Хотели поставить на место губернаторов Газовых Гигантов?

– Да, но это вышло им боком. Через неделю после триумфа губернаторские отпрыски, которых верховная правительница держала в заложниках на Луне, чтобы быть уверенной в лояльности их родителей, сбежали. Через два дня наследники Раа украли весь «Классис Сатурнус». Кордованы с Ганимеда помогли им, и восьмой гарнизон флота очутился в доках на Каллисто. Раа провозгласили независимость Ио от лун Юпитера, вступили в альянс с Виргинией Августус и наследниками Аркоса и объявили войну верховной правительнице.

– Второе восстание одной из лун! Через шестьдесят лет после того, как сожгли Рею, – улыбаясь, киваю я, представляя себе, что Мустанг стала главой целой планетарной системы.

Пусть она ушла от меня, пусть мое сердце обрывается в пустоту всякий раз, когда я думаю о ней, но новости все равно хорошие. Теперь у верховной правительницы стало на одного могущественного врага больше.

– Уран и Сатурн присоединились к ней? Про Нептун я даже не спрашиваю.

– К ней присоединились все.

– Все? Тогда у нас есть надежда...

– Ага, мы тоже так думали, – бормочет Севро.

– Губернаторы Газовых Гигантов просчитались, – объясняет Танзор. – Они ожидали, что верховная правительница будет так занята беспорядками на Марсе и неповиновением низших цветов в центре, что сможет послать достаточно крупный флот за шестьсот миллионов километров и разбить повстанцев не раньше чем через три года.

– И они чертовски ошиблись, – бубнит себе под нос Севро. – Идиоты! Их взяли тепленькими!

– Сколько времени ей понадобилось, чтобы отправить туда флот? – спрашиваю я. – Шесть месяцев?

– Шестьдесят три дня!

– Не может быть! Одна доставка топлива заняла бы... – начинаю я, но осекаюсь, вспомнив, как быстро Повелитель Праха прибыл на помощь дому Беллона, после того как мы захватили Марс, хотя туда несколько недель лету. Наверное, генерал сразу отправился на окраину и все это время висел у Виргинии на хвосте.

– Ты лучше, чем кто-либо другой, знаешь, насколько эффективен флот Сообщества. Это настоящая машина смерти! – говорит Танзор. – Логистика и операционная система продуманы идеально. Если бы у гарнизонов окраины было время подготовиться к бою, то верховная правительница могла бы там основательно завязнуть, и она прекрасно это понимала. Поэтому вся армада Меча направилась прямо на

орбиту Юпитера и стоит там уже почти десять месяцев.

– Рок подложил им свинью: полетел туда раньше остального флота и угнал лунокол – тот самый, который в прошлом году пытался увести старина Нерон.

– Не пытался, а увел.

– Знаю, знаю. Назвал его «Колосс» и сделал своим флагманом, вот пижон! А корабль-то зверюга! «Пакс» по сравнению с ним просто катерок!

На голографическом дисплее появляется изображение флота Рока, приближающегося к Юпитеру, где их встречает лунокол. На ускоренной перематке перед моими глазами мелькают дни, недели и месяцы войны.

– Масштабы просто гигантские! – продолжает Севро. – Тысячи грузовых кораблей, сотни боевых! Каждый флот в два раза больше, чем коалиция, которую ты собрал против Беллона.

Он говорит что-то еще, но я не могу отвести взгляда от кадров на экране, думая о том, что без меня жизнь просто шла своим чередом.

– Октавия наверняка не стала посылать туда Повелителя Праха, – отстраненно говорю я. – Даже если бы он смог пройти пояс астероидов, дальше ему не прорваться. Окраина никогда не сдастся ему. Кто командует флотом? Айя?

– А вот и нет! – криво ухмыляется Севро. – Долбаный засранец Рок Фабий!

– Рок командует всем флотом?! – удивляюсь я.

– Неслабо, да? После осады Марса и битвы при Деймосе центр считает его просто подарком богов! Истинный железный золотой из древних сказаний! Никто и не заикается о том, что он прошляпил твое появление, или о том, как его дразнили в училище. Он мастерски умеет делать три вещи. Ныть, наносить удары исподтишка и уничтожать флот противника!

– Они называют его «поэт Деймоса», – говорит Рагнар. – В бою он непобедим. Даже Мустанг и титаны бессильны против него. Он очень опасный противник.

– Космические битвы – не ее конек, – соглашаюсь я.

Мустанг умеет сражаться, но на самом деле она прежде всего талантливый политик, который знает, как объединить людей. А вот тактические маневры всегда были преимуществом Рока.

Как полководец, я внутренне рыдаю оттого, что так долго был не у дел. Подумать только, пропустить такое шоу, как второе восстание Газовых Гигантов! Шестьдесят семь лун, вооруженных до зубов, четыре из них обитаемые, с населением более ста миллионов! Космические битвы! Орбитальные бомбардировки! Маневрирование между астероидами, атаки армий в техскафандрах! Вот уж где я мог бы отличиться! Но, рассуждая чисто по-человечески, прихожу к выводу: если бы меня в свое время не бросили в темницу, в этой комнате могло бы оказаться гораздо меньше людей, чем сейчас.

Внезапно я понимаю, что слишком ушел в себя, и усилием

воли возвращаюсь к разговору:

– У нас совсем нет времени, правда?

– Да, – кивает Танцор. – На прошлой неделе Рок захватил Каллисто. Пока держатся только Ганимед и Ио. Если губернаторы Газовых Гигантов капитулируют, то весь флот и легионы вернутся сюда и поспешат на помощь Шакалу. Мы станем единственной мишенью объединенных военных сил Сообщества, и они просто-напросто уничтожат нас!

– А что творится на Марсе? Как идет наша война? Черт возьми, теперь уже и не поймешь, какая война наша...

– На Марсе полный бардак, – отвечает Севро. – Открытые военные действия начались около восьми месяцев назад. Сыны пока держатся. Где Орион – неизвестно, по нашим данным – скорее всего, погибла. «Пакс» и все твои корабли пропали. К тому же у нас на севере стихийно возникают отряды партизан, не симпатизирующих Сынам. Устраивают резню среди гражданских, а потом их зачищают легионы воздушных сил правительницы. Так, что у нас еще... Массовые забастовки и беспорядки в десятках городов. Тюремные переполнены политзаключенными, поэтому их переводят в концентрационные лагеря, где узников совершенно точно подвергают массовому уничтожению.

Танцор выводит на экран несколько размытых изображений: большие тюрьмы в пустынях и лесах. Потом более крупные планы представителей низших цветов, которых выводят из транспортных кораблей под дулом охранников, строят ря-

дами и загоняют в какие-то бетонные конструкции. На экране возникают заваленные мусором и кусками железа улицы. Люди в масках с алыми повязками на рукавах стреляют на фоне дымящихся обломков трамвая. Среди них приземляется золотой, и картинка исчезает.

– Мы сражаемся с ними как можем, – продолжает Севро. – Несколько раз удалось повернуть настоящую жесть! Увели у них с десятков кораблей, два разрушителя. Сровняли с землей термический командный центр...

– Который они уже почти отстроили заново, – встревает Танцор.

– Значит, уничтожим его снова! – резко отзывается Севро.

– Уничтожим? Да мы даже город не способны защитить!..

– Эти алые – не воины, – перебивает обоих Рагнар. – Они умеют управлять кораблями, стрелять и закладывать взрывчатку, сражаться с серыми, но при виде золотого бросаются врассыпную.

После его слов воцаряется мертвая тишина. Сыны Ареса и правда партизаны. Им хорошо удаются саботаж, шпионаж и прочие дела такого рода. Но у меня не выходят из головы слова Лорна: «Как овца может убить льва? Только утопив его в собственной крови!»

– Смерть любого гражданского на Марсе сваливают на нас, – вступает в разговор Теодора. – Если при бомбардировке оружейного завода погибают два человека, говорят, что мы убили тысячу. На любой забастовке или демонстра-

ции есть внедренные агенты Сообщества, которые под видом демонстрантов начинают стрелять в серых или становятся смертниками. Эти кадры в секунду облетают все каналы массовой информации. Потом камеры отключаются, и серые начинают ходить по домам и уничтожать всех сочувствующих восстанию – и средние, и низшие цвета без разбора. Главное для них – держать недовольных под контролем. Севро прав, на севере беспорядки уже перешли в открытое восстание.

– Еще появилась группировка под названием «Алый легион». Эти жестоко убивают всех представителей высших цветов, – мрачно добавляет Танзор. – К их руководству присоединилась наша старая подруга Гармони.

– Вполне в ее духе.

– Она настроила Алый легион против нас. Теперь они не подчиняются нашим приказам, поэтому мы перестали снабжать их оружием. Мы не имеем права так опускаться и совсем отвергать требования морали!

– «Человек управляет миром с помощью голоса и насилия», – шепчу я.

– Это сказал Аркос? – спрашивает Теодора.

– Да, – киваю я, – как же мне сейчас его не хватает...

– Не думаю, что он встал бы на нашу сторону.

– К сожалению, приходится признать, что без насилия твой голос никто не услышит, – признает розовая, кладя ногу на ногу. – Главное оружие любого восстания – его дух! Дух перемен! То крошечное зернышко, которое заставляет

человека обрести надежду, а затем расцветает пышным цветом! Но у нас отняли способность заронить идею в людские души, более того – нас лишили самой идеи. У нас ее украли! Шакал не просто вырезает нашим людям языки – он лишил нас дара речи!

Теодору все слушают очень внимательно. Не для того, чтобы поднять ее на смех, как это сделали бы золотые, а потому, что ее авторитет не меньше, чем у Танцора.

– Бред какой-то... – качаю головой я. – Что послужило поводом к открытой войне? Шакал не предал гласности убийство Фичнера. Провернул это втихаря, как и зачистку Сынов. Что же явилось катализатором? К тому же ты говоришь, что он лишил нас дара речи, но ведь у Фичнера была коммуникационная сеть, благодаря которой можно было смотреть прямые трансляции на шахтах, да и вообще повсюду! Так народ увидел в эфире смерть Эо, и Фичнер сделал ее казнь символом восстания. Шакал смог уничтожить эту сеть? – спрашиваю я, вглядываясь в нахмуренные лица товарищей. – погодите, вы чего-то недоговариваете!

– Вы что, до сих пор ему не сказали?! – поражается Северо. – А какого хрена вы тут балду пинали, пока я ваши задницы спасал?

– Дэрроу сказал, что хочет провести вечер с семьей, – резко обрывает его Танцор. – Большая часть нашей цифровой сети, – начинает он, поворачиваясь ко мне, – была уничтожена во время зачисток Шакала, спустя месяц после того,

как он убил Ареса и взял в плен тебя. Севро успел предупредить нас о нападении на нашу базу в Эгее. Мы залегли на дно, скопировали все материалы, спрятали оборудование, но потеряли там множество людей. Тысячи Сынов, обученных операторов! Потом три месяца мы искали тебя. Угнали транспортный корабль, следовавший на Луну, но тебя там не было. Мы прошерстили все тюрьмы, угрожали, давали взятки... Но ты как сквозь землю провалился. А потом Шакал казнил тебя на лестнице цитадели в Эгее.

– Это все я и так знаю.

– Но ты не знаешь, что сделал Севро.

– И что ты натворил? – спрашиваю я у своего друга.

– Я сделал то, что должен был! – резко отвечает он, забирая у Танцора пульт управления дисплеем.

Юпитер исчезает с экрана, а вместо него появляюсь я... Худой и бледный шестнадцатилетний мальчишка, совершенно голый, лежит на столе, а над ним склоняется Микки с циркулярной пилой. Холодок пробегает по моей спине, и я вдруг соображаю, что она – вовсе не моя, а позаимствована у кого-то другого. Я целиком принадлежу этим людям. Этой революции. Когда я понимаю, что сделал Севро, то чувствую себя... использованным.

– Ты слил это видео в сеть...

– Да, черт возьми, и не жалею! – сердито отзывается Севро.

Они не сводят с меня глаз, и теперь мне ясно, почему на

крышах лагеря беженцев в Тиносе нарисовано мое лезвие. Они все знают, что когда-то я был алым! Знают, что их соплеменник завоевал Марс, призвал Железный дождь!

Эту войну развязал я.

– Работу ваятеля над тобой увидели в каждой шахте! Я слил видео на все голографические сайты! Забил каждый миллиметр информационного пространства этого долбаного Сообщества! Золотые думали, что могут запросто скинуть тебя со счетов! Будь я проклят, если бы допустил такое! – В запале он с размаху хлопает ладонью по столу. – Будь я проклят, если бы позволил тебе исчезнуть в недрах машины смерти и остаться номером без лица, как моя мать! Всем алым на Марсе известно твое имя, Жнец! Во всем цифровом мире не осталось ни одного человека, который не знает, что алому удалось стать золотым принцем и завоевать Марс. Я сделал тебя легендой! А теперь ты восстал из мертвых – и ты не просто мученик. Ты хренов мессия, которого алые ждали всю жизнь!

11. Мой народ

Сажу на краю ангара, свесив ноги, и смотрю на бурлящий жизнью город. Гул тысяч приглушенных голосов доносится до меня, подобно шелесту сухих листьев, которые гоняет по земле ветер. Беженцы знают, что я жив. Стены и крыши испещрены изображениями лезвий-хлыстов. Молчаливый крик отчаяния потерянного народа... Шесть лет, целых шесть лет я мечтал о том, чтобы вернуться к ним, а сейчас смотрю вниз на их мучения, вспоминаю слова Кирана и чувствую, что могу потонуть в их надеждах.

Они слишком многого от меня ожидают.

Они не понимают, что нам не победить в этой войне. Даже Арес знал, что алым никогда не сравняться с золотыми, так как же я смогу повести их за собой? А главное – куда?

Мне страшно. И не только потому, что я не могу дать людям то, чего они хотят, а потому, что, рассказав им правду, Севро сжег все мосты. Теперь для нас нет дороги назад.

Что же это означает для моей семьи? Для моих друзей и для всех этих людей? Эти вопросы и рассказ о том, как Севро использовал видео моих операций, привели меня в такой шок, что я молча выбежал из зала, словно капризный ребенок.

Сзади подходит Рагнар и садится возле меня. Свешивает вниз ноги в комично огромных сапогах. Мимо пролетает

челнок, и ленточки в бороде черного развеваются от дуновения воздуха. Великан молчит, ему так привычнее, а я чувствую себя в безопасности, когда он рядом. Потому что знаю: он со мной. Раньше столь же благотворно воздействовало на меня присутствие Севро, но он изменился. Шлем Ареса – слишком тяжелая ноша.

– В детстве мы с мальчишками всегда спорили, кто из нас самый храбрый, – заговариваю я. – Тайком убегали из дому ночью, спускались в глубокие тоннели и балансировали на самом краю спиной к тьме. Если вести себя тихо, можно было услышать шипение гадюк, но ты никогда не знал, близко они или далеко. Большинство мальчишек не выдерживали и убегали через минуту, ну максимум через пять. Я всегда мог простоять дольше всех. Пока Эо не узнала о нашей игре, – качаю головой я. – Теперь вряд ли и минуту бы вытерпел.

– Потому что нынче тебе есть что терять и ты знаешь об этом.

В черных глазах Рагнара затаились тени. Его судьба была очень непростой. Ему почти сорок. Он вырос в мире льда и магии, потом его продали богам в откуп за жизнь его народа. Пробыл рабом больше лет, чем я прожил на этом свете, но знает ли он о жизни больше моего?

– Ты все еще скучаешь по дому? По сестре? – спрашиваю я.

– Скучаю. Я скучаю по раннему снегу на исходе лета... Снег налипал на сапоги Сефи, когда я нес ее на плечах по-

смотреть на Нидхёгга, проламывающего весенний лед.

В древнескандинавских верованиях Нидхёггом звали дракона, который жил под мировым деревом и целыми днями грыз корни Иггдрасиля. Множество черных племен верит, что весной он поднимается со дна глубокого моря, чтобы разбить лед и проложить путь для кораблей. В его честь они топят преступников в праздничный день Остара – первый день весеннего света, дабы великий змей попировал вволю.

– Я послал друзей в Страну льдов и на Шпили, попросил рассказать их все, что сам узнал от тебя. Пусть моему народу станет известно, что их боги – фальшивка. Мои соплеменники влачат рабскую жизнь, но скоро мы освободим их, и тогда они услышат песнь Эо.

Песнь Эо... Сейчас она кажется мне такой слабенькой и простоватой.

– Я больше не чувствую ее, Рагнар, – тихо произношу я, глядя на оранжевых и алых, суесящихся вокруг штурмовика и украдкой поглядывающих на нас. – Знаю, они думают, что я – связующее звено между ними и Эо, но я потерял ее во тьме. Раньше я думал, что она наблюдает за мной, говорил с ней, а сейчас... Сейчас она стала чужой, – грустно опускаю голову я. – Я так перед ними виноват, Рагнар! Если бы меня не обуяла гордыня, то я прочел бы знаки судьбы и Фичнер с Лорном остались бы в живых.

– Думаешь, тебе известны пути судьбы? – смеется над моим высокомерием Рагнар. – Откуда ты знаешь, что случилось

бы, если бы они не погибли?

– Я знаю, что не смогу стать тем, кто нужен людям.

– А как ты узнаешь, кто им нужен, – хмурится Рагнар, – если ты боишься их? Если даже смотреть на них не можешь? – спрашивает он, но я не знаю, что ответить. – Пойдем со мной! – Он резко встает и протягивает мне руку.

В здании госпиталя когда-то находилась столовая. Теперь все помещение заставлено каталками и койками, повсюду слышатся кашель и перешептывания. Алые, розовые и желтые медсестры в желтой униформе снуют между пациентами. В дальнем углу зала – ожоговое отделение, отделенное пластиковой ширмой. За ширмой кричит женщина, отбиваясь от медбрата, который пытается сделать ей укол. За ширму вбегают еще двое санитаров, чтобы удержать ее.

Меня охватывает стерильная печаль этого места. На полу – ни запекшейся крови, ни красных потеков... А причина страданий этих людей – мой побег с Аттики. Даже имея в своем распоряжении такого гениального ваятеля, как Микки, мы не сумеем помочь всем пострадавшим. Раненые смотрят в каменный потолок, мучаясь мыслями о будущем. Здесь царит дух потерянности и сомнения. Это результат травмы, но не физической. Вся боль – от сломанной жизни и утраченных надежд.

Мне хочется уйти отсюда, но Рагнар подвозит мое кресло к краю больничной койки. Лежащий на ней молодой чело-

век сразу заметил меня. Короткие волосы, пухлое лицо, выступающая нижняя челюсть. Глядит на меня с интересом и недоверием.

– Как оно? – спрашиваю я, припоминая сленг проходчиков.

– Танцую, пока танцуется, сечешь? – пожимает плечами он.

– Секу, – киваю я, протягивая ему руку. – Дэрроу... из Ликоса.

– Мы в курсе, – отзывается он и пытается пожать мне руку, но у него такая маленькая ладонь, что это физически невозможно, и он смеется над возникшей заминкой. – Ванно с Кароса.

– Ночная или дневная?

– Дневная, ясное дело! Я что, похож на опухшего ночного?

– Ну теперь разве разберешь...

– И то правда. Я из Омикрона. Третий бурильщик, вторая линия.

– Так вот через чьи завалы мне приходилось пробираться!

– Ох уж эти проходчики! – ухмыляется Ванно. – Вечно ищут что-то под ногами! – машет он рукой и заразительно смеется. – Надо уже научить вас смотреть вперед! Больно было? – Он глядит на мои руки.

Сначала мне кажется, что он спрашивает о пытках Шакала. Потом понимаю, что Ванно заинтересовали знаки на

моих руках. Вообще-то, я пытался спрятать их под длинными рукавами свитера, но теперь, наоборот, закатываю рукава повыше.

– Да уж, охренть можно. – Ванно осторожно дотрагивается до знаков пальцем.

Оглядываюсь вокруг и внезапно осознаю, что смотрит на меня не только Ванно, а все, кто находится в госпитале. Даже в дальнем конце зала, в ожоговом отделении, алые привстают на койках, чтобы получше меня разглядеть. Они не замечают моего страха – видят только то, что хотят видеть. Поворачиваюсь к Рагнару, но он оживленно разговаривает с одной из раненых. Холидей! Серая кивает мне. Ее лицо хранит скорбное выражение после смерти брата. На тумбочке рядом с койкой лежит его пистолет, у стены стоит винтовка. Во время спасательной операции Сынам удалось забрать его тело, так что теперь его можно будет похоронить по-человечески.

– Было ли больно? – переспрашиваю я. – Ну ты представь себе, Ванно, что падаешь внутрь агрегата. Медленно, сантиметр за сантиметром. Сначала с тебя снимают кожу, потом лишают плоти, потом – костей. И все, делов-то!

Ванно присвистывает и смотрит вниз, туда, где у него когда-то были ноги. Смотрит устало, чуть ли не со скукой, а потом произносит:

– А я не успел ничего почувствовать. Биоскафандр резко изменил гидравлику, и одна просто отвалилась. – Он кивает

Рагнару и со свистом вдыхает через стиснутые зубы. – Ну ладно, хоть «хозяйство» при мне осталось...

– Спроси его, Ванно, ну давай! – подзуживает мужчина с соседней койки.

– Да отвали ты, – вздыхает Ванно. – Слушай, парни тут интересуются... А тебе его оставили как было?

– Кого – его?

– Ну его. – Он многозначительно смотрит мне в пах. – Или... понимаешь... увеличили согласно пропорциям?

– Ты правда хочешь это знать?

– Только не подумай, ничего личного! Но я уже ставку сделал...

– Что ж, – с серьезным лицом подаюсь вперед я, Ванно и его товарищи по несчастью следуют моему примеру, – если ты и правда хочешь это знать, пойди да спроси у своей мамы!

Ванно пристально смотрит на меня, а потом просто взрывается хохотом. Другие раненые тоже смеются и начинают пересказывать мои слова тем, кто лежит слишком далеко и не расслышал. Всего несколько секунд – и удушающая стерильность сменяется весельем и сальными шуточками, шепот вдруг кажется неуместным. Настроение совсем другое, я чувствую прилив сил. Какие чудеса может сотворить одна удачная шутка! Мне больше не хочется убежать прочь, скрыться от изучающих взглядов. Я еду на кресле между коек все дальше от Рагнара, перекидываюсь с каждым из ране-

ных парой-тройкой фраз, благодарю их, спрашиваю, откуда они родом и пытаюсь запомнить имена. Хвала Юпитеру, память у меня отменная! Забудешь имя, и человек простит тебя. Вспомнишь имя в нужный момент, и он станет защищать тебя до последнего вздоха.

Большинство обращается ко мне «сэр» или «Жнец». Ответить бы, что для них я – просто Дэрроу! Однако между вождем и подчиненными должна быть дистанция. Субординация необходима. Да, я смеюсь вместе с ними, да, они помогают исцелить мою израненную душу, но они мне не друзья. До поры до времени мы не можем позволить себе такой роскоши. Сейчас все они – мои солдаты. И я нужен им так же, как они мне. Я Жнец! Хорошо, что Рагнар напомнил мне об этом. Великан одаряет меня широкой улыбкой, ему радостно видеть, что я снова улыбаюсь и смеюсь вместе с солдатами. Я никогда не был в полной мере ни бойцом, ни балагуром, ни одиноким островом посреди бушующего моря. Во мне нет той цельности, что была у Лорна. Я лишь играл роль, а на самом деле всегда сильно зависел от окружающих, без них моя душа будто раскалывалась на части. Ощущаю, как во мне нарастает сила, которой я так давно лишился. Дело не в том, что алые любят меня, – они в меня верят! Мои солдаты в училище видели перед собой маску, фальшивую личину. Я носил ее на службе у Августуса, и вот она сорвана! Возможно, Ликос уже не вернуть, возможно, Сыны на грани истребления и мне не суждено услышать зов Эо, увидеть

Виргинию. Но по капле, по слезинке возрождается моя душа, и наконец-то я понимаю, что вернулся домой!

Вместе с Рагнаром возвращаюсь в командный штаб. Севро и Танзор склонились над картой. Теодора сидит в углу и строчит деловые письма. Когда я вхожу, они все как по команде поворачиваются и изумленно смотрят на мое улыбающееся лицо, а потом замечают, что я стою на ногах, пусть и с помощью Рагнара. Коляску я оставил в госпитале и попросил его отвести меня обратно в штаб, откуда сбежал всего час назад. Я будто заново родился. Вероятно, я уже не тот, кем был до погружения во тьму, но это, наверное, к лучшему. Теперь во мне появилось смирение.

– Прошу прощения за свое поведение, – говорю друзьям, – просто все навалилось разом... Я знаю, вы сделали все возможное и даже больше. Учитывая обстоятельства, никто не справился бы лучше вас. Вы спасли меня. Спасли мою семью... – добавляю я и выдерживаю паузу, чтобы подчеркнуть значимость своих слов. – Знаю, вы ожидали другого. Думали, что во мне кипит адская ненависть... Но все изменилось. Я уже не тот. – Отмахиваюсь от Севро, который пытается перебить меня. – Я верю в вас. Верю в ваши планы и готов принять посильное участие. Однако в таком виде, – поднимаю вверх иссохшие руки, – я мало на что способен. Мне нужна ваша помощь по трем пунктам.

– Хватит уже комедию ломать, принцесса! – ржет Севро. –

Чего желает ваше высочество?

– Во-первых, отправьте посланца к Виргинии. Вы считаете ее предательницей, но пусть знает, что я жив. Возможно, это что-то изменит и она решит помочь нам.

– У нее был шанс, – фыркает Севро, – и она его упустила! Она же чуть не грохнула вас с Рагни!

– И все же она не стала убивать нас, – говорит Рагнар. – Если есть хоть малейший шанс, что она поможет нам, стоит рискнуть. Я лично отправлюсь к ней, чтобы она не сомневалась в наших намерениях!

– Хрена лысого ты отправишься! – прикрикивает на него Севро. – Да за твою голову объявлена самая большая награда во всей системе. Золотые перекрыли все нелегальные воздушные перевозки. А в космопорту ты и двух минут не протянешь, даже в маске!

– Пошлем моего агента, – предлагает Теодора. – Я даже знаю кого. Девочка отлично работает и подозрений вызовет килограммов на сто меньше, чем наш принц ледяных шпилей! К тому же она уже в портовом городе.

– Эви? – спрашивает Танцор.

– Именно, – бросает взгляд в мою сторону Теодора. – Эви сделала все, чтобы искупить грехи прошлого, даже те, за которые не обязана быть в ответе. Она очень нам помогает. Танцор, я договорюсь о переброске и прикрытии, если ты не против.

– Он не против, – быстро отвечает Севро, но Теодора все

равно дожидается одобрительного кивка Танцора.

– Спасибо, – благодарю их я. – Во-вторых, Микки нужен мне здесь, в Тиносе.

– Зачем? – спрашивает Танцор.

– Надо, чтобы он снова сделал из меня орудие убийства.

– Ну вот, другой разговор! – хрипло гогочет Севро. – Да уж, тебе пора мяса на кости нарастить! Хватит уже людей пугать, аноректик ты недоделанный!

– Микки за тысячи световых скачков отсюда, на Варосе, – качает головой Танцор. – Работает над важным проектом. А тебе нужны калории, а не вягель! В твоем состоянии это может быть опасно!

– Да Жнец сдюжит! Привезем Микки со всем барахлом к четвергу! – вступается за меня Севро. – Вирани все равно постоянно с ним на связи, консультируется по поводу твоего лечения. Микки от радости умрет, когда увидит тебя!

– Ну и какая же твоя последняя просьба? – спрашивает Танцор, глядя на Севро с плохо скрываемым раздражением.

– Боюсь, она вам не понравится, – со вздохом произношу я.

12. Юлия

Виктру я нахожу в изолированной комнате. У двери на карауле стоят несколько Сынов. Она лежит на медицинской каталке и смотрит на голографическом дисплее новости Сообщества – там бодро рассказывают про героическое уничтожение Легионом ячейки террористов, которая подорвала дамбу и затопила низины реки Мистос. Наводнение заставило двоих бурых фермеров покинуть свои дома. Серые раздают гуманитарную помощь из военных грузовиков. Алые, конечно, и правда могли подорвать эту дамбу. С другой стороны, это мог сделать и Шакал. Сейчас никто не знает наверняка.

Бело-золотистые волосы Виктры убраны в тугий хвост. И руки, и даже парализованные ноги прикованы к кровати. В этих местах золотым не доверяют. Она не поворачивает головы в мою сторону, всматриваясь в дисплей, на котором в профиль показывают Рока Фабия, поэта Деймоса, – нового героя последних сплетен. Ведущий копается в его прошлом, берет интервью у матери-сенатора, учителей начальной школы, мелькают детские фотографии Рока на фоне фамильного загородного имения.

– Мир природы всегда привлекал Рока сильнее, чем города, – говорит его мать, улыбаясь в камеру. – Он восхищался идеальным порядком, царящим в природе. Иерархией, воз-

никающей естественным образом. Думаю, именно поэтому он всей своей пылкой душой был предан Сообществу даже в то время, когда...

– Я бы пушку ей в рот засунула, лишь бы заткнуть, – бормочет Виктра, выключая звук.

– Думаю, за последний месяц она чаще произносила его имя, чем за все его детские годы, – отзываюсь я.

– Ну она же политик! Такие никогда не упустят шанса покрасоваться за счет популярных родственников!

– «О, как стервятники слетаются к великим мира сего, чтоб на останках жертв попировать», – вспоминаю я слова Рока об Августусе.

Виктра смотрит на меня горящим, воинственным взглядом. Огонь безумия, пылавший в ее глазах, угас, но не полностью.

– Это можно было бы сказать и о тебе, – резко бросает она.

– Справедливо, – соглашаюсь я.

– Ты – лидер этой маленькой шайки террористов?

– Мог бы стать, но упустил свой шанс. Ими руководит Севро.

– Правда? – удивляется она, откидываясь на подушки.

– А что такого?

– Да нет, ничего. Логично, кстати. Он всегда был человеком дела, а не слов. Когда я увидела его в первый раз, он как раз пытался надрать задницу Тактусу.

– Думаю, я должен тебе все объяснить. – Я подхожу к ней

ближе.

– О мать твою! А может, обойдемся как-нибудь без этой тягомотины?

– Тягомотины?

– Ну всех этих извинений, – тяжело вздыхает она, – упреков и так далее. Всей этой суеты, которую люди разводят просто потому, что неловко себя чувствуют. Ничего ты мне не должен.

– И что ты мне скажешь в таком случае?

– Жизнь в Сообществе – своего рода договор, согласно которому мой народ угнетает твой маленький народец. Мы живем за счет вашего труда, притворяемся, что вас просто не существует, ну и вы решаете нам за это навешать. Получается у вас так себе. Лично я считаю, что вы имеете на это право. Тут нет ни хорошего, ни плохого – это справедливо, только и всего. Я бы первой устроила овацию мыши, которой удалось бы убить орла, а как ты думал? Вот и все. Сейчас алые наконец-то начали драться по-настоящему, поэтому жаловаться золотым по этому поводу – абсурд и лицемерие. – Виктра замечает удивление на моем лице и резко смеется. – Что такое, дорогой? Думал, я закачу истерику, надую губки и стану нести всякую чушь про честь и предательство, как эти ходячие трупы Кассий и Рок?

– Ну, если честно, я...

– Просто я не такая эмоциональная, как ты. Я все-таки из рода Юлиев. В моих жилах струится ледяная кровь, – произ-

носит она, не давая мне вставить ни слова. – И будь добр, не проси меня стать другой, потому что тебе хочется получить мое одобрение. Ни тебе, ни мне не стоит опускаться до этого.

– Ты никогда не была такой бесчувственной, какой притворяешься, – все же говорю я.

– Я жила на этом свете задолго до того, как в моей жизни появился ты. Что ты обо мне знаешь? Я дочь своей матери.

– Ты гораздо больше...

– Как скажешь, дорогой.

Она ведет себя естественно, не пытается манипулировать. Мустанг всегда играет тонко, улавливает малейшие изменения настроения, а Виктра рубит сплеча. Перед триумфом она позволила себе смягчиться, опустила забрало, но теперь все надо начинать сначала. Она держится так же отчужденно, как и в нашу первую встречу. Чем дольше мы говорим, тем больше седых волос в золотистой копне бросается мне в глаза. У Виктры впалые щеки. Правая рука судорожно комкает простыни.

– Я понимаю, почему ты лгал мне, Дэрроу, и уважаю твое решение, но никак не могу понять одного: почему ты решил спасти меня в Аттике? Жалость? Тактический ход?

– Потому что ты моя подруга.

– Ой, ну перестань...

– Я бы лучше умер, пытаясь вытащить тебя из тюрьмы, чем позволил бы тебе сгнить там. Тригг, кстати, и правда погиб за тебя.

– Тригг?

– Один из серых, с которыми я пришел к тебе в камеру.

Вторая – его сестра.

– А я не просила меня спасти! – грубо бросает она, пытаясь убедить себя в том, что невиновна в смерти Тригга, и отводит глаза. – Знаешь, Антония думала, что мы с тобой любовники, показала мне работу ваятелей. Дразнила меня, думала, что я испытаю отвращение, когда узнаю, кто ты на самом деле. Когда увижу, каким ты был, и пойму, что все это время ты мне лгал.

– И ей это удалось?

– Какая мне разница, кем ты был? – криво усмехается Виктра. – Я сужу о людях по их делам и по правдивости их слов. Если бы ты рассказал мне правду, то ничего бы не изменилось. Я бы не пожалела ни о едином своем поступке. Я бы защищала тебя, как и раньше, – говорит она с такой болью во взгляде, что я верю ей. – Почему ты молчал?

– Потому что боялся.

– Но Виргинии ты сказал, спорим?

– Да, это так.

– Почему? Почему ей, а не мне? Мне кажется, я заслужила то, чтобы знать правду.

– Не знаю.

– Не знаешь? Так я тебе скажу! Потому что ты лжец! Тогда, в коридоре, ты сказал, что не считаешь меня плохой, но в глубине души ты именно так и думаешь! Ты никогда не

доверял мне!

– Да, не доверял, – соглашаюсь я. – И жестоко ошибался. За эту ошибку многие мои друзья заплатили жизнью. Наедине с этим чувством вины я провел девять месяцев в каменном мешке, – говорю я и по взгляду Виктры понимаю: она не знает, что делал со мной Шакал. – Но сейчас жизнь дает мне второй шанс, и я не могу упустить его! Я желаю загладить свою вину перед тобой! Я обязан тебе жизнью и хочу поступить справедливо. А еще прошу тебя присоединиться к нам.

– К вам? – рассмеявшись, спрашивает она. – К Сынам Ареса?!

– Да.

– Ты серьезно? – снова смеется она, но я знаю, что это просто механизм психологической защиты. – Нет, дорогой, я не самоубийца!

– Виктра! Мира, каким ты его помнишь, больше нет. Его украли у тебя твоя сестра. Твоя мать и ее друзья стерты с лица земли. Твой дом ополчился против тебя, ты стала изгоем среди собственного народа. Вот в чем главная проблема Сообщества: оно пожирает само себя! Настраивает вас друг против друга! На самом деле тебе просто некуда идти...

– А ты умеешь поднять девушке настроение!

– Я хочу дать тебе семью, в которой никто никогда не ударит тебя ножом в спину! Дать жизнь, наполненную смыслом! Я знаю, что ты хороший человек, и можешь сколько угодно смеяться надо мной, но я в тебя верю! Однако все мои жела-

ния, мои мечты – это все не важно. Главное – чего хочешь ты сама...

– Чего я хочу? – внимательно смотрит она на меня.

– Если желаешь уйти отсюда – пожалуйста. Хочешь остаться в этой постели – на здоровье. Только скажи, и я все устрою. Я многим тебе обязан и помню об этом.

– Мне плевать на ваше восстание, – немного подумав, роняет она. – Плевать на твою умершую жену, на обретение семьи или смысла жизни. Я мечтаю снова научиться засыпать без уймы лекарств, Дэрроу! И видеть сны! Хочу забыть дыру в виске матери, ее пустые глаза и судорожно сжавшиеся пальцы! Хочу забыть смех Адриуса! А потом сполна отплатить Антонии и Адриусу за радушный прием! Я буду стоять над ними и этим засранцем Роком и смотреть, как они рыдают и просят поскорее убить их, а потом прикажу выколоть им глаза и залить в глазницы расплавленное золото! Пусть орут и корчатся от боли, мочатся под себя и умоляют простить их за то, что им пришла в голову мысль посадить Виктру Юлию в чертову клетку! Я жажду мести! – хищно улыбаясь, завершает она.

– Мечь не сможет заполнить пустоту в душе, – возражаю я.

– А у меня не осталось души!

Я знаю, что это неправда. Душа у нее есть, уверен. Но мне лучше, чем кому-либо другому, известно, что раны лечит только время. Мне себя-то с трудом удалось подлатать,

а ведь вся моя семья невредима и рядом со мной.

– Если ты этого хочешь, то так тому и быть. Через три дня сюда приедет ваятель, превративший меня в золотого. Он снова сделает нас такими, как раньше. Вылечит твой позвоночник, будешь ходить.

– И ты доверяешь мне, – прищурившись, спрашивает она, – несмотря на то что тебе дорого обошлось доверие?

Беру магнитный ключ, который дали мне Сыны, охраняющие палату, и вставляю его в наручники. Снимаю блокировку со всех браслетов, освобождаю ноги и руки.

– Ты глупее, чем я думала, – произносит Виктра.

– Может, ты и не веришь в победу нашего восстания, но я видел, как изменился Тактус перед тем, как Лорн лишил его будущего. Рагнар сбросил с себя оковы и стремится к своей цели. Севро превращается из мальчишки в мужчину. Ощущаю перемены и в себе самом. Я искренне верю, что мы можем выбирать, кем станем в этой жизни, ничто не предопределено. Ты научила меня преданности – больше, чем Мустанг, больше, чем Рок, и поэтому я верю в тебя, Виктра! Верю, как в никого другого! – искренне говорю я и протягиваю ей руку. – Стань членом моей семьи, и я никогда не предаю тебя! Никогда не обману! Я буду твоим братом до конца жизни!

Ошеломленная тем, с какой страстью я говорю, снежная королева удивленно смотрит на меня. Стены, которые она возвела вокруг себя, рушатся. В иной жизни мы могли бы

быть вместе. Возможно, между нами разгорелся бы огонь любви, как это случилось у меня с Виргинией, с Эо. Возможно, но уже не в этой жизни.

Виктра не смягчается. Не начинает рыдать. В ней продолжает бушевать ярость. Ее сердце окутано холодной ненавистью, его остудили предательство, разочарование и потери, но на долю секунды Виктра словно освобождается из ледяного плена и уверенно берет мою руку в свою. У меня появляется надежда.

– Добро пожаловать к Сынам Ареса!

Часть II. Ярость

*Происходит эскалация дерьма.
Северо Барка*

13. Упыри

– Как же, наверное, бесит, когда от тебя что-то скрывают! – бормочет Виктра, помогая мне надеть веса на штангу.

Я собираюсь делать жим лежа. Между каменных стен спортивного зала гулко бьется эхо. В зале ничего лишнего, только самое необходимое. Металлические штанги и гантели. Резиновые шины. Скакалки. Месяцы моего пота.

– Разве они не знают, кто ты такая? – спрашиваю я, садясь.

– Ой, да перестань! Это же ты создал упырей! Разве они тебя не послушаются? – спрашивает Виктра, спихивая меня со скамьи, ложится спиной на мягкую поверхность и берется за штангу.

Я снимаю несколько дисков, но она награждает меня таким сердитым взглядом, что я тут же надеваю их обратно.

– Вообще-то, не обязаны, – отвечаю я.

– Да ладно! Слушай, я, вообще-то, серьезно: что надо сделать девушке, чтобы получить волчью шкуру? – спрашивает она, рывком поднимает штангу и начинает делать жим за

жимом, выталкивая вверх больше трехсот килограммов. – На позапрошлой миссии я продырявила башку легату. Легату! Видела я твоих упырей! Дети, если не считать Рагнара! – тяжело дыша, продолжает она. – Им нужны ребята по-серьезнее, если они и правда надеются одолеть скелетов Адриуса! Или преторов верховной правительницы, – добавляет она, стиснув зубы, выполняет упражнение последний раз и без моей помощи кладет штангу на упоры.

Виктра встает перед зеркалом и показывает на свое отражение. Мощное тело, четкие очертания, ничего лишнего. Расправив плечи, она делает несколько шагов, покачивая бедрами, и обиженно заявляет:

– Я – идеальный с физической точки зрения представитель моей расы, как ни крути! Севро – круглый дурак, если не собирается воспользоваться этим!

– Ну не знаю, – закатываю глаза я. – Может, его смущает твоя неуверенность в себе?

– И ты меня тоже бесишь! – фыркает Виктра, бросая в меня полотенце. – Юпитером клянусь, если он еще раз скажет хоть слово насчет моей «неплодовитости», я ему голову ложкой отрежу! – возмущается она, а я изо всех сил пытаюсь не рассмеяться. – И ты туда же?!

– Ну что ты, госпожа! – предупредительно поднимаю я руки, а Виктра инстинктивно следит за моими жестами.

– Что дальше? Приседания?

После того как над нами поколдовал Микки, обветшалый

спортзал стал нам с Викторой вторым домом. Через несколько недель реабилитации под строгим надзором ваятеля нервная система Виктры восстановилась, и она заново научилась ходить, а потом мы вдвоем под руководством доктора Вирани стали делать все, чтобы набрать вес. Из дальнего угла зала за нами всегда восторженно наблюдали алые и зеленые. Прошло уже два месяца, но публику до сих пор поражает, сколько могут поднять два химически и генетически усовершенствованных аурея.

Пару недель назад наша репутация пошатнулась. Не сказав ни слова, в зал вошел Рагнар и молча принялся навешивать диски на штангу. Когда места больше не осталось, засранец предложил нам сделать то же самое. Виктра не смогла оторвать штангу от земли, я кое-как дотянул до колен. А потом мы еще час слушали пылкие дифирамбы сотни идиотов, которые Рагнару прохода не давали. Впоследствии я узнал, что дядька Нэрол принимал ставки, на сколько килограммов Рагнар меня переплюнет. Родной дядя поставил против меня! Но на самом деле, что бы там ни говорили остальные, это хороший знак! Народ смекнул, что и золотого можно победить.

С помощью Микки и доктора Вирани мы с Викторой постепенно, продвигаясь вперед маленькими шажками, обрели контроль над собственным телом и умение здраво рассуждать. Нашей первой миссией стала вылазка за провиантом вместе с Холидей и дюжиной телохранителей. Им поручи-

ли обеспечить не столько охрану груза, сколько мою личную неприкосновенность. Упырей среди них не было.

– Хочешь попасть в элитный отряд, Жнец, придется потрудиться! Ты уж не подведи нас. – Севро похлопал меня по щеке. – И Юлия пусть покажет, чего она сто`ит, – добавил он, попытался потреть по щеке и Виктру, но та звонко шлепнула его по ладони, и он отдернул руку.

Десять экспедиций за провиантом, две саботажные миссии и три убийства – только после этого Севро наконец убедился, что Холидей, Виктра и я готовы приступить к службе в отряде класса Б, бойцов которого называют гадюками. Возглавляет сие подразделение дядька Нэрол, который стал для местных алых практически культовой личностью, героем. Рагнара они вообще считают чуть ли не богом, а вот мой дядя для них – самый обычный грубоватый старик, который слишком много пьет и курит, но при этом необычайно хорош в военных делах. Его гадюки – разношерстная команда крутых парней, спецы по саботажу и кражам. Около половины гадюк в прошлом проходчики, остальные – выходцы из других низших цветов. Я выполнил вместе с ними три миссии, подрывал армейские бараки и коммуникационные узлы врага, но никак не мог избавиться от ощущения, что мы подобны змее, пожирающей собственный хвост. Каждый взрыв искажается средствами массовой информации Сообщества. С каждым нашим ударом – очередным булавочным уколом – из Эгеи в шахты и рабочие поселки Марса посылают новые

легионы.

Вижу себя не охотником, а дичью.

Хуже того – чувствую себя террористом. Такое со мной второй раз, с тех пор как я отправился на церемонию на Луне с бомбой на груди. Танцор и Теодора уже давно вынуждают Севро искать союзников. Пытаются преодолеть пропасть между Сынами и остальными группировками. Наконец Севро согласился, хоть и неохотно. Поэтому на этой неделе меня и остальных гадюк послали через тоннели на северный континент, Арабия Терра, где в портовом городе Исмения засел Алый легион. Танцор надеялся, что я, в отличие от Севро, смогу договориться с ними и вывести их из-под контроля Гармони, но вместо союзников мы нашли лишь массовое захоронение. Серый, лежащий в руинах город разбомбили прямо с орбиты. У меня до сих пор стоит перед глазами бледная развороченная масса тел у побережья. По трупам боком пробираются крабы, поедая мертвечину, а одинокая струйка дыма все вьется и вьется, поднимаясь к звездам, словно древнее беззвучное эхо войны. Эта картинка преследует меня, а вот Виктра, похоже, уже выкинула ее из головы и полностью сосредоточилась на тренировке. Точнее, не выкинула, а задвинула в огромную камеру в дальнем уголке сознания, где у нее хранится под замком все зло, которое ей довелось увидеть, вся ее боль. Жаль, что я не похож на свою подругу. Притупились бы страх и острота переживаний, так нет же, не выходит из головы та струйка дыма, и первое, о

чем я думаю: дальше будет еще хуже. Будто это дурное предзнаменование, будто Вселенная показывает нам, как выглядит конец света, к которому мы несемся на всех парах.

Уже поздно, зеркала в зале запотели, мы заканчиваем тренировку и идем в душ, мирно беседуя через пластиковую перегородку.

– Ну это уже прогресс, – улыбаюсь я. – По крайней мере, она с тобой разговаривает.

– Нет! Твоя мама всегда будет меня ненавидеть! И я ничего не могу с этим сделать!

– Попробуй быть с ней повежливее...

– Я всегда вежлива, – обижается Виктра, выключает душ и выходит из кабинки.

Закрыв глаза, намыливаю голову и жду, что Виктра скажет дальше. Она молчит, поэтому я смываю пену и делаю шаг вперед. Понимаю, что произошло нечто непредвиденное, еще до того, как замечаю обнаженную Виктру на полу. Руки и ноги у нее связаны, на голову накинута мешок. Чувствую за спиной какое-то движение, оборачиваюсь и успеваю увидеть через пар душевой полдюжины фигур в плащах. Затем кто-то с нечеловеческой силой бьет меня, обхватывает сзади и зажимает мне руки. Он дышит мне в затылок, и я застываю от ужаса. Шакал нашел нас! Он здесь! Но как это возможно?!

– Золотые! – кричу я. – Золотые!

Я весь мокрый после душа, пол скользкий. Пользуясь

этим, выкручиваюсь из хватки противника словно угорь и врезаю ему локтем в лицо. Раздается стон. Пытаюсь вывернуться еще раз, но спотыкаюсь. Падаю на бетонный пол, разбиваю колено, тут же вскакиваю. Еще двое, тоже в плащах, нападают на меня слева. Подныриваю и бью одного плечом под колени. Он перелетает через меня – прямиком в пластиковую перегородку душа. Второго беру за горло, блокирую удар и швыряю врага в потолок. Третий кидается сбоку, хватает меня за ногу, чтобы вывести из равновесия. Я высоко прыгаю, разворачиваюсь в воздухе движением из краваты, смещаю центр тяжести противника и приземляюсь, зажав его голову между бедрами. Остается слегка сжать ноги, и я сломаю ему шею, но тут появляются еще две пары рук, бьют меня в лицо, кто-то цепляется за ноги. Фигуры в плащах дрожат в тумане. Я ору, отбиваюсь, плюю, но их слишком много, держат крепко, бьют под колени, чтобы я не дергал ногами, и пережимают нервные волокна на плечах, отчего руки словно наливаются свинцом. Потом мне на голову набрасывают мешок, запястья связывают за спиной. Тяжело дыша, я лежу, охваченный ужасом, не в силах пошевелиться.

– На колени их! – рычит искаженный динамиками голос. – На колени их, на хрен!

На хрен?! Сразу сообразив, кто это, я позволяю им поставить меня на колени. С головы снимают мешок. Свет в душевой погашен, на полу стоит несколько десятков свечей, на стенах танцуют тени. Слева от меня разъяренно сверкает

глазами Виктра. Из разбитого носа течет кровь. Справа появляется Холидей – она в одежде, но тоже связана, ее тащат две фигуры в черном. Серую заставляют встать на колени, и она широко улыбается.

Вокруг нас в заполненной паром душевой маячат десять демонов – лица выкрашены черной краской, глаза горят из-под волчьих шкур, свисающих с головы почти до колен. Двое стоят, прислонившись к стене, морщась от боли после моих попыток отбиться. Рядом с Севро возвышается Рагнар, в медвежьей шкуре. Упыри готовы принять в свои ряды новичков и ради этого вырядились на славу.

– Поздравляю, маленькие засранцы! – рычит Севро, снимая синтезатор голоса, выходит из тени и встает перед нами. – До меня дошли слухи, что вы невероятно коварные, жестокие и совершенно испорченные существа, обладающие выдающимся талантом в искусстве убийства, мастера хаоса и войны! Если я ошибаюсь, поправьте меня!

– Севро, ты нас до смерти напугал! – хмурится Виктра. – Какого черта?

– Не смей профанировать священный момент, – с издевкой произносит Рагнар.

– Ты мне нос сломал! – плюет одному из упырей под ноги Виктра.

– Вообще-то, это я, – подмигивает ей Севро, – а Соня только помог, – кивает он стройному упырю с алыми знаками на руках.

– Ах ты, карлик недоделанный!

– Ты вертелась как уж на сковородке, дорогая, – говорит Крошка, но я не могу обнаружить, где она стоит; голос отражается от стен.

– И если ты не заткнешься, то нам придется защекотать тебя до смерти, – вторит зловещим тоном Клоун. – Так что потише...

Виктра качает головой, но умолкает. Я пытаюсь не расхохотаться, чтобы не испортить торжественный момент. Севро продолжает свою речь, расхаживая взад-вперед:

– За вами наблюдали, и теперь вы призваны! Если вы примете наше приглашение присоединиться к братству, то должны будете присягнуть на верность вашим новым братьям и сестрам! Вы обязуетесь никогда не лгать нам и не предавать нас! Ваши любимые и родные теперь для вас на втором месте, на первом – мы! Если вы не согласны и такой договор не устраивает вас, то скажите об этом сейчас и можете уйти!

Он ждет, но мы молчим. Виктра не говорит ни слова.

– Хорошо! Теперь, согласно уставу, обратимся к нашему священному писанию, – продолжает он, доставая черную книжечку с загнутыми страницами и головой белого воющего волка на обложке. – Вас необходимо очистить от данных ранее клятв и проверить, чего вы стоите. – Он воздевает руки. – Добро пожаловать в чистилище!

Упыри вскидывают голову и воют как сумасшедшие.

Дальше начинается полный хаос калейдоскопических картинок. Где-то звучит музыка. Мы продолжаем стоять на коленях со связанными руками. К нам бросаются упыри, подносят к нашим губам бутылки, и мы судорожно глотаем, а бойцы раздражаются какими-то странными песнопениями, причем Севро уверенно запекает. Рагнар издает удовлетворенный рев, видя, что я осушил бутылку до дна. Меня чуть не выворачивает – спиртное обжигает пищевод и желудок. Где-то за спиной кашляет Виктра. Холидей выпивает свою порцию мелкими быстрыми глотками, и упыри раздражаются одобрительными возгласами. Мы с Холидей слегка покачиваемся, а наши мучители, заливаясь соловьями, окружают Виктру. Она давится, судорожно сглатывает, льет алкоголь на себя.

– Это все, на что ты способна, дочь Солнца? – ревет Рагнар. – Пей!

Виктре наконец удается одолеть бутылку, она откашливается и грязно ругается, а вот Рагнар довольно рычит:

– Принести змей и тараканов!

Упыри выводят странные рулады, словно жрецы древнего культа, и тут Крошка вытаскивает вперед большое ведро. Нас подталкивают к нему, и мы встаем вокруг. В мерцающем свете свечей видно, что там внутри кишит что-то живое: жирные блестящие тараканы с крыльями и мохнатыми лапками ползают вокруг гадюки. Я в ужасе отшатываюсь, а вот Холидей, недолго думая, засовывает руку в корзину, хватая

змею и колотит ее об пол, пока та не издыхает.

– Какого черта... – Виктра в шоке смотрит на серую.

– Ведро или ящик! – произносит Севро.

– А это еще как понимать?

– Ведро или ящик! Ведро или ящик! – скандируют упыри, и тут Холидей впивается зубами в мертвую змею и начинает рвать ее мясо.

– Да! – ликует Рагнар. – У нее душа истинного упыря! Да!

Я так опьянел, что все плывет перед глазами. Лезу в ведро, содрогаясь от отвращения: по моей руке ползут тараканы. Хватаю одного и засовываю в рот. Тварь еще шевелится, но я заставляю себя раскусить ее и прожевать. Еле сдерживаюсь, чтобы не заплакать. Виктра смотрит на меня, зажав рот рукой. Проглотив таракана, я хватаю подругу за руку и заставляю сунуть ее в эту омерзительную клоаку. Внезапно Виктра дергается, я не сразу соображаю, в чем дело, и ее рвет прямо на меня. От запаха блевотины меня тоже начинает тошнить. Холидей дожевывает змею, а Рагнар продолжает восхищенно кричать, какая она молодец.

Опустошив ведро, мы превращаемся в жалкую массу пьяной плоти, покрытой тараканами и содержимым наших желудков. Севро встает перед нами, раскачивается взад-вперед и что-то там вещает. Или это я раскачиваюсь? Он и правда что-то говорит или мне кажется? Кто-то трясет меня за плечо. Я что, уснул?

– Это наше священное писание, – объявляет мой малень-

кий друг. – Вам предстоит изучить его, и скоро вы будете знать все наизусть. Однако сегодня достаточно запомнить первое правило упырей!

– Никогда не сдаваться! – гордо произносит Рагнар.

– Никогда не сдаваться! – эхом отзываются остальные.

К нам подходит Клоун. У него в руках три плаща. Как и волчьи шкуры времен училища, они меняют вид в зависимости от обстановки и в мерцании свечей кажутся почти черными. Один плащ Клоун протягивает Виктре. Упыри развязывают ее, она пытается встать, но не может. Крошка хочет помочь ей, но Виктра даже не смотрит на нее. Снова поднимается, но вдруг падает на одно колено. Тогда Севро опускается на колени рядом с золотой и протягивает ей руку. Виктра взглядывает на него сквозь спутанные пряди мокрых от пота волос, смеется, понимая, что он имеет в виду, опирается на его руку, выпрямляется и более или менее уверенно делает шаг навстречу Клоуну. Севро берет плащ и набрасывает его на обнаженные плечи Виктры. Некоторое время они смотрят друг другу в глаза, а потом отходят в сторону, уступая место Холидей, которая получает свою волчью шкуру из рук Крошки. Мне надеть плащ помогает Рагнар.

– Братья и сестры! Добро пожаловать в отряд упырей!

Все присутствующие как по команде запрокидывают голову и издают оглушительный вой. Я присоединяюсь к ним и, к своему удивлению, обнаруживаю, что у Виктры неплохо получается! Она без тени стеснения задирает голову в тем-

ноте и воет вместе со всеми! Тут вдруг зажигается свет, вой затихает, мы растерянно озираемся по сторонам. В душевую входят Танцор и дядька Нэрол.

– Это что за хрень такая? – спрашивает Нэрол, глядя на раздавленных тараканов, останки змеи и пустые бутылки.

Упыри таращат глаза на весь этот бардак и смущенно переглядываются.

– Мы исполняли тайный оккультный ритуал, – заявляет Севро, – а вы нам помешали, рядовой!

– Да, – немного обиженно кивает Нэрол, – простите, сэр!

– Одна из розовых украдала планшет скелета из Эгеи, – поворачивается к Севро Танцор, которого совершенно не тронуло наше шоу. – Мы установили его личность.

– Да ладно! И что, я был прав? – спрашивает Севро.

– Что? О ком вы говорите? – У меня спяну заплетается язык.

– Тайнственным партнером Шакала оказался Квиксильвер! – объясняет Танцор. – Ты был прав, Севро. Наши агенты говорят, что он находится в центральном офисе корпорации на Фобосе, но долго там не задержится. Через два дня он отправится на Луну, и уж там нам его не достать.

– Значит, начинаем операцию «Черный рынок»? – уточняет Севро.

– Начинаем, – неохотно соглашается Танцор.

– Тысяча чертей, наконец-то! – потрясает кулаком в воздухе Севро. – Слышали, ребята? Моемся, трезвеем, переку-

сываем – и за работу! Надо похитить серебряного и обру-
шить экономику! – Криво улыбаясь, он смотрит на меня. –
Жаркий денек намечается, ох жаркий!

14. Кровавая луна

«Фобос» в переводе означает «страх». Согласно мифу, Фобос был потомком Афродиты и Ареса, дитя любви и войны, – подходящее название для самого большого спутника Марса.

Продолговатая луна, сформировавшаяся задолго до появления человека, когда метеорит ударился в папашу Марса и завис на орбите, напоминает выкинутый в космос труп, холодный и всеми покинутый миллиарды лет назад. Сейчас Фобос кишмя кишит паразитами, заставляющими бежать кровь по венам империи золотых. Крошечные пузатые грузовые корабли роем взлетают с поверхности Марса, а потом заходят в два огромных серых дока, вращающиеся на орбите спутника. Там они сгружают марсианские богатства на километровые космотрейлеры, которые затем перевозят эти сокровища по торговым путям Юлиев-Агосов на окраину или, чаще, в центр, где голодная Луна ожидает очередного кормления.

Голые скалы Фобоса изрезаны человеком и искалечены металлом. В самом широком месте радиус луны всего двенадцать километров, она будто взята в клещи двумя огромными судостроительными верфями, расположенными перпендикулярно по отношению друг к другу. Доки, построенные из темного металла, с белыми глифами и мерцающими сиг-

нальными красными огнями, вместе с трамваями и грузовыми судами скользят по магнитным рельсам. Под доками и вокруг них высятся остроконечные башни гудящего Улья – города, силуэт которого сформирован не неоклассическими идеалами золотых, а грубыми требованиями экономики, не принимающей в расчет законы притяжения. Архитектура шести веков пронизывает Фобос – самую большую подушечку для иголок, когда-либо созданную человеком. Разрыв в доходах между обитателями Игл – верхних этажей башен – и Ямы, что под скалистой поверхностью, просто огромен.

– Да, отсюда Фобос кажется гораздо больше, чем с мостика флагмана, – цедит сквозь зубы Виктра. – Как же утомительно оказаться лишенной всех прав, положенных тебе по рождению!

Я понимаю боль, которую чувствует Виктра. В последний раз я видел Фобос перед Железным дождем. Тогда за моей спиной была целая армада, рядом со мной сражались Мустанг и Шакал, под моим началом находились тысячи аурев. Наша огневая мощь могла заставить эту планету содрогнуться. Теперь же я скрываюсь на борту ветхого грузового трейлера, которому так много лет, что на нем нет даже генератора искусственной гравитации. Со мной только Виктра, команда из трех Сынов Ареса да небольшой отряд упырей в грузовом отсеке. К тому же на этот раз я не отдаю приказы, а выполняю. Время от времени касаюсь языком суицид-капсулы, которую мне имплантировали вместо одного из корен-

ных зубов после посвящения в упыри. Такие есть у каждого члена отряда. Никто из нас не хочет достаться врагу живым, говорит Севро. Соглашаюсь с ним, но ощущение все равно странноватое.

После моего побега Шакал немедленно объявил мораторий на все полеты с орбиты Марса. Он подозревал, что Сыны совершат отчаянную попытку вывезти меня с планеты, но, к счастью, Севро не дурак, иначе я бы уже давно оказался в лапах Шакала. Однако даже лорд-губернатор Марса не способен надолго посадить на цепь коммерсантов, так что мораторий вскоре был снят. Все же рынок серьезно пошатнулся. Каждую минуту отсутствия поставок гелия-3 кредиторы теряли миллиарды, и Севро не скрывал своего удовольствия.

– Какова доля Квиксильвера на рынке? – спрашиваю я.

Виктра подлетает ко мне, паря в невесомости. Обесцвеченные волосы стоят вокруг головы, словно белая корона, на глазах – черные контактные линзы. Черным легче перемещаться в трущобах Улья, поэтому Виктре понадобился камуфляж. Да и высокий рост вряд ли позволил бы ей сойти за представителя другого цвета.

– Сложно сказать, – качает головой она. – Состояние Квиксильвера не так-то легко оценить. Он работает через огромное количество подставных корпораций и нелегальных банковских счетов... Сомневаюсь, что размеры его портфолио известны даже самой верховной правительнице.

– А с кем он связан? Если слухи о том, что все золотые у

него на крючке, правда, то...

– Это правда, – пожимает плечами Виктра, и это легкое движение отбрасывает ее назад. – У него везде свои люди. Моя мать говорила: он из тех, кто слишком богат для того, чтобы пасть от руки убийцы.

– Он богаче твоей матери? Богаче, чем ты?

– Чем я была, – поправляет меня она, покачав головой. – Нет, он не такой дурак. Хотя... Вполне возможно.

Отыскиваю взглядом портрет Квиксильвера, выгравированный на самой высокой башне Фобоса – трехкилометровой двойной спирали из стали и стекла с серебряным полумесяцем сверху. Интересно, много ли ауреев смотрят на нее и завидуют? Скольких еще золотых этот тип должен закабалить или подкупить, чтобы те защитили его от себе подобных? Возможно, всего лишь одного. Будучи тайным союзником Шакала, Квиксильвер обеспечил ему успех. Не раскрывая своей личности, он помог Адриусу получить контроль над средствами массовой информации и телекоммуникациями. Долгое время я думал, что этим партнером была Виктра или ее мать, но после триумфа они оказались вне подозрений. Судя по всему, самый могущественный союзник Шакала жив-живехонек. По крайней мере, пока.

– Тридцать миллионов человек, – шепчу я, – невероятно!

– Ты ведь против плана Севро, да? – пристально смотрит на меня Виктра.

Ковыряю розовую жвачку, прилепленную к ржавой балке.

Похищение Квиксильвера, конечно, даст нам доступ к разведанным и огромным оружейным заводам, но меня больше беспокоят экономические игры, в которые ввязался Севро.

– Севро смог сохранить Сынов, а мне это не удалось, поэтому я делаю, как он говорит.

– Ммм, – скептически щурится она. – А ты все никак не поймешь, что наглость – второе счастье...

– Ну, засранцы, – кричит Севро в интерком, – если вы закончили обозревать достопримечательности, сношаться или заниматься еще хрен знает чем, то пора выдвигаться!

Через полчаса мы с Викторой и остальные упыри, скрючившись, сидим в одном из контейнеров с гелием-3, перевозимых в заднем отсеке нашего корабля. Даже внутри контейнера мы ощущаем вибрацию в тот момент, когда магнитные крепления соединяются с ребристой поверхностью доков. Под корпусом судна сейчас парят оранжевые в техкомбинезонах, готовясь принять невесомые грузовые контейнеры. Вскоре они по магнитным рельсам покатятся в космотрейлеры, затем будут доставлены на Юпитер. В этих контейнерах содержится все, что нужно флоту Рока для победы над Виргинией и губернаторами Газовых Гигантов.

Перед транспортировкой груз должны проверить медные и серые инспекторы. Наши синие дадут им взятку, и вместо пятидесяти контейнеров инспекторы насчитают сорок девять. Потом один из оранжевых, подкупленный нашим чело-

веком из Улья, потеряет контейнер, в котором мы находимся, – к такой уловке часто прибегают контрабандисты при перевозке запрещенных наркотиков и не облагаемых налогом товаров. Оранжевый поместит контейнер на один из нижних уровней, где хранятся запчасти, там нас встретит контактное лицо Сынов Ареса и сопроводит на явочную квартиру. По крайней мере, таков план, а пока мы просто ждем.

Гравитация снова действует – значит мы уже в ангаре. Контейнер стучается о пол, мы пытаемся удержать равновесие, цепляясь за бочки с гелием-3. За металлическими стенками раздаются приглушенные голоса. Трейлер-погрузчик пищит, отсоединяясь от контейнера, и возвращается в импульсное поле. Тишина настораживает. Сжимаю кожаную рукоять лезвия внутри рукава куртки, делаю шаг вперед в сторону двери. За мной следует Виктра.

– Ждем связного! – хватает меня за плечо Севро.

– Мы его даже не знаем, – возражаю я.

– Танцор за него поручился! Ждем, я сказал! – щелкает пальцами Севро, приказывая мне вернуться на место.

Заметив, что остальные прислушиваются к нашему разговору, я коротко киваю и умолкаю. Через десять минут с палубы доносится звук шагов. Замок на контейнере со щелчком открывается, дверцы распахиваются, и перед нами предстает приятный молодой алый с козлиной бородкой. Он гоняет во рту зубочистку. Парень на полголовы ниже Севро. Он внимательно сканирует взглядом каждого из нас и при

виде Рагнара пораженно вскидывает брови. Еще больше его удивляет рукоятка импульсовика за поясом у Севро, и все-таки он продолжает спокойно стоять на месте. С внутренним стержнем у парня порядок.

– Что никогда не умрет? – ревет Севро, имитируя акцент черных.

– Грибок под мошонкой Ареса, – с улыбкой отвечает алый, оглядываясь через плечо. – Не против поторопиться, великий и ужасный? Надо спешить, я этот док у парней из синдиката позаимствовал, вот только они не совсем в курсе. Так что, если не хотите разбираться с профессиональными гадами, надо сворачивать треп и двигать. – Он хлопает в ладоши. – Ноги в руки!

Нашего связного зовут Ролло. Жилистый и ироничный, со сверкающими умными глазами, охотник до женского пола, хотя в разговоре примерно два раза в минуту упоминает жену – «самую красивую женщину, когда-либо ступавшую по марсианской земле». Они не виделись восемь лет. Все это время он работал в Улье сварщиком на космических башнях. Теоретически он не совсем раб, как алые в шахтах, работает с товарищами по контракту, но на самом деле это та же кабала: четырнадцатичасовой рабочий день, шестидневка, все время находишься в пространстве между башнями-мегалитами, пронизывающими Улей, варишь металл и молишься о том, чтобы не получить травму на работе.

Случись что – не сможешь зарабатывать, не заработаешь – не поешь.

Севро и Виктра идут в середине нашей группы под предводительством Ролло, и я случайно слышу их разговор.

– Что-то он возомнил о себе, – шепчет Севро.

– Зато борода у него что надо, – отзывается Виктра.

– Синие называют это место Ульем, – рассказывает Ролло по пути к изрисованному граффити трамваю, которому уже не поможет никакой ремонт.

Здесь пахнет жиром, ржавчиной и мочой. Бездомные бродяги спят на полу металлических коридоров. Ролло не глядя перешагивает через тела, завернутые в одеяла и прочую ветошь, но руки с потертой пластиковой рукоятки импульсовика не убирает.

– Для синих это и правда улей. Тут их дом, дети ходят здесь в школу. Живут в небольших свободолюбивых коммунах, на самом деле – практически сектах, где их учат летать и синхронизироваться с компьютерами. Но я вам скажу вот что: это место – настоящая мясорубка. Сюда попадают люди. Потом вырастают башни. А потом отсюда вываливается мясо, – кивает он себе под ноги.

Лежащие на полу бродяги не подают признаков жизни. Лишь небольшие струйки пара поднимаются из-под грязного тряпья, словно из трещин на залитой лавой долине. Я дрожу от холода под тонкой серой курткой, поправляю на плече сумку с оружием. На этом уровне жуткий мороз: наверное,

изоляция старая. Крошка выдувает облачко пара из ноздрей, толкая перед собой тележку с опасным грузом и печально глядя по сторонам. Виктре эмпатия незнакома: она спокойно идет вперед, время от времени отпихивая носком ботинка кого-нибудь из бродяг, неудачно расположившихся на ее пути. Один из них недовольно шипит, поднимает глаза, потом выше, еще выше и наконец видит раздраженное лицо убийцы ростом два двадцать. Несчастный тут же откатывается в сторону, тяжело дыша сквозь зубы. Рагнар и Ролло холода, похоже, вообще не замечают.

Сыны Ареса ожидают нас на старой платформе и в трамвае. В основном – алые, но оранжевых тоже хватает, среди них один зеленый и один синий. Я вижу пеструю коллекцию импульсовиков. Сыны напряженно вглядываются в другие коридоры, ведущие на платформу, потом замечают нас и тут же спрашивают, кто мы такие. Искренне радуюсь, что на мне черные контактные линзы и протезы.

– Думаете, будут неприятности? – спрашивает Севро, разглядывая оружие в руках Сынов.

– Последние пару месяцев к нам с рейдами стали наведываться серые. Не просто дурни из местного участка, а реально крутые ублюдки, легионеры. Тут бывали парни из Тринадцатого, Десятого и Пятого. Месяцок выдался так себе. – Старший группы понижает голос. – Они нас прилично потрепали. Захватили наш штаб в Яме, да еще парней из синдиката на нас натравили. Основной корпус Сынов помогает

алым повстанцам на станции, а наши оперативники пока что и бровью не повели. Не хотели рисковать, понимаешь? Арес сказал, у тебя очень важное дело?

– Арес мудр, – презрительно отвечает Севро.

– А еще любит ломать комедию, – добавляет Виктра.

Рагнар останавливается в дверях трамвая и разглядывает антитеррористический плакат, приклеенный к бетонной колонне в зоне ожидания пассажиров. Надпись на плакате гласит: «Увидишь – не молчи!» На нем изображен бледный алый со злобными темно-красными глазами, в типичной поношенной шахтерской форме, который сидит на корточках около двери с табличкой «Вход воспрещен». Остальную часть плаката не вижу: она закрыта граффити повстанцев. И тут я понимаю, что Рагнар смотрит не на постер, а на человека, съжившегося на земле у колонны. Капюшон откинут, левая нога – допотопный механический протез. Жесткая коричневая повязка закрывает половину лица. Раздается шипение, словно выходит сжатый воздух. Мужчина запрокидывает голову, прислоняясь к бетону, и обнажает в улыбке абсолютно черные зубы. На пол со стуком падает пластиковый картридж с местным опиумом – нюхательной смолой.

– Почему вы не помогаете этим людям? – спрашивает Рагнар.

– А как им помочь? – отвечает вопросом на вопрос Ролло, но потом видит искреннее сочувствие на лице Рагнара и немного теряется. – Брат, мы сами-то едва концы с концами

сводим, зачем нам делиться с этими... отбросами.

– Но он – алый... Они – ваша семья, – не унимается Рагнар, и Ролло хмурится, так как черный говорит правду.

– Не стоит его жалеть, Рагнар, – холодно произносит Виктра. – Он нюхает дрянь, которую толкает на улицах синдикат. Такие, как он, перережут тебе горло среди бела дня – и глазом не моргнут. От них осталась только пустая оболочка.

– Что?! – резко восклицаю я, поворачиваясь к ней.

Виктра не ожидала от меня такой реакции, но сдаваться не намерена и с вызовом повторяет:

– Пустая оболочка, дорогой! Человек должен иметь достоинство, а такие, как он, давно его утратили! Вытравили из себя, причем добровольно, а не потому, что им велели золотые. Хотя, конечно, гораздо проще обвинять нас во всех смертных грехах. С какой радости я должна жалеть подобных ему?

– С такой! Не всем повезло родиться в хорошей семье! – резко отвечаю я, и Виктра умолкает.

– Дама права насчет «перерезать горло». Большинство из них – гастарбайтеры вроде меня. Если не считать жены, у меня в Новых Фивах еще три женщины, которым я посылаю деньги, вернуться домой я не могу, пока не отработаю по контракту, мне четыре года осталось, а эти бедняги уже потеряли всякую надежду на возвращение.

– Четыре года? – с сомнением в голосе спрашивает Виктра. – Ты же здесь уже целых восемь лет!

– А за транзит кто будет расплачиваться? – качает головой он, и Виктра озадаченно смотрит на него. – Компания не оплачивает переезд. Надо было внимательнее читать то, что написано под звездочкой мелким шрифтом. Конечно, я сам решил приехать сюда, и они, – продолжает Ролло, показывая на бродяг, – тоже сделали свой выбор. Только разве это выбор? Либо продолжать работать, либо умереть с голоду, тут и так все ясно, – пожимает плечами он. – Этим бедолагам просто не повезло на работе. Кто-то лишился ноги, кто-то руки. Компания не оплачивает протезы, по крайней мере такие, которыми можно пользоваться...

– А ваятели? – говорю я.

– Ваятели? – фыркает он. – Охренеть! Ты много знаешь людей, которые могут позволить себе такую операцию?

Ловлю себя на том, что я и не думал о стоимости подобных услуг. Понимаю, насколько я далек от тех людей, за чью свободу якобы сражаюсь. Вот передо мной алый, один из моих сородичей, а я даже не в курсе, что они обычно едят.

– Как называется компания, на которую ты работаешь? – спрашивает Виктра.

– В смысле? Корпорация Юлиев, конечно!

Трамвай отъезжает от станции. За окном из грязного дюростекла мелькают дебри металлических джунглей. Рядом со мной сидит Виктра, она явно чувствует себя неловко, я же погрузился в воспоминания. Память уносит меня далеко от

моих друзей. Раньше я уже бывал в Улье вместе с лорд-губернатором Августусом и Виргинией. Августус привез своих копейщиков на встречу с министрами экономики Сообщества, чтобы обсудить вопросы модернизации инфраструктуры этого спутника. После совещания мы с Виргинией сбежали в знаменитый аквариум Фобоса, который я снял целиком по баснословной цене. Ужин и вино нам подавали прямо перед бассейном с касатками. Мустанг всегда больше любила настоящих животных, а не фантазмагорические творения ваятелей.

Я променял вина пятидесятилетней выдержки и розовых служанок на страшный мир ржавчины, костей и жестоких повстанцев. Променял сон, в котором живут золотые, на реальность! Сегодня я всем нутром ощущаю безмолвный крик цивилизации, о которую вытирают ноги уже сотни лет.

Наш путь лежит через окраины Ямы, через центр этой луны, через трущобы, где в условиях отсутствия гравитации металлические клетки заменяют собой квартиры. Пойти туда означает оказаться в гуще уличной войны, которую синдикат ведет с Сынами Ареса. Если же мы поднимемся на уровень выше, где живут средние цвета, то рискуем столкнуться с морпехами Сообщества, к тому же там хорошо развита система безопасности, и нас обязательно засекут камеры наблюдения или голографические сканеры.

Вот почему мы продираемся к цели трудным путем, через захолустные уровни технического обслуживания, между

Ямой и Иглами, где работают алые и оранжевые, обеспечивающие функционирование всего спутника. Наш трамвай, которым управляет сочувствующий Сынам алый, несется мимо остановок, и лица ожидающих рабочих сливаются в мутный туман. Глаза у них разных оттенков, а вот лица сплошь и рядом серые. Не цвета стали, а скорее цвета пепла в давно догоревшем костре. Пепельные лица. Пепельная одежда. Пепельная жизнь.

Наша вагонетка въезжает в очередной тоннель. Вокруг – буйство красок. С потрескавшихся, полуразрушенных серых стен кровавыми потоками изливается ярость, накопившаяся за много лет. Граффити, ругательства на пятнадцати диалектах, изображения расчлененных всевозможными изощренными способами золотых. Справа от грубого наброска, на котором Жнец обезглавливает Октавию Луну своим серпом, я вижу цифровую фигуру огненногривой Эо в петле. Поперек виселицы написано: «Разбейте цепи!» Лицо Эо – единственный сияющий луч надежды среди всей этой ненависти. В горле встает ком.

Через полчаса наш трамвай со скрежетом останавливается в заброшенной промзоне, на транспортном узле, куда раньше по утрам прибывали из своих ячеек тысячи рабочих, направлявшихся на очередную смену. Теперь здесь тихо, как на кладбище. Металлические полы завалены мусором, на голографических экранах до сих пор передают новостные программы Сообщества. На столике в личном кафе стоит ды-

мящаяся чашка – значит Сыны расчистили нам путь считанные минуты назад. У них и правда большое влияние.

Мы уйдем, и жизнь снова потечет своим чередом. А что будет после того, как мы заложим бомбы, которые привезли с собой? Мы разрушим производство – и что дальше? Все эти мужчины и женщины, на благо которых мы трудимся, превратятся в жалкое подобие людей, вроде тех бродяг? Если смысл их существования – работа, что с ними станет, когда мы лишим их этого смысла? Я говорил о своих колебаниях Севро, но он летит к цели, словно выпущенная из лука стрела. Настоящий фанатик, каким был когда-то и я. В открытую выражать несогласие я не могу, это было бы предательством по отношению к старому другу. Он всегда слепо доверял мне, а я сомневаюсь в нем. Значит ли это, что я предаю нашу дружбу?

Проходим мимо нескольких гравелифтов, также принадлежащих корпорации Юлиев. Они служат для того, чтобы спускать в гараж контейнеры с отходами. Замечаю, как Виктра стирает пыль с герба своей семьи, украшающего одну из дверей. Пронзенное копьем солнце истерлось и поблекло. Несколько десятков алых и оранжевых рабочих делают вид, что не замечают наш небольшой отряд, и мы входим в один из грузовых отсеков. Внутри, у основания двух огромных контейнеров, нас ожидает небольшая армия Сынов Ареса. Их более шести сотен.

Они – не солдаты. Не такие, как мы. Большинство из них

– мужчины, но есть и женщины, в основном молодые алые и оранжевые, которые были вынуждены уехать сюда на заработки, чтобы прокормить оставшиеся на Марсе семьи. Оружие у всех допотопное. Одни стоят, другие сидят и беседуют, но тут же вскакивают, увидев наш отряд: двенадцать черных убийц, приближающихся по металлическому полу с тяжелыми сумками в руках и везущих две загадочные тележки. Чем бы эти люди ни занимались, куда бы ни отправились потом, их жизни навечно будут омрачены тем, что случится сегодня. Если бы мне позволили обратиться к ним с речью, то я предупредил бы их о бремени, которое вскоре ляжет на их плечи, о зле, которому они вот-вот откроют двери. Рассказал бы, что куда приятнее слушать рассказы о славных военных победах, чем видеть весь этот ужас своими глазами, а впоследствии каждое утро просыпаться и вспоминать, как убивал, как терял друзей.

И все-таки я молчу. Теперь мое место рядом с Рагнармом и Викторой, за спиной у Севро. Он выплевывает жвачку и решительно выходит вперед, подмигивая мне и пихая меня локтем в бок. Он стоит перед армией. Перед своей армией. Для черного Севро маловат ростом, зато тело испещрено шрамами и татуировками, поэтому он внушает ужас этому сборищу мусорщиков и сварщиков. Высоко подняв голову, он обводит их пылающим взглядом закрытых черными линзами глаз. Вытатуированный волк на его бледной коже выглядит особенно жутко в резком промышленном освещении.

– Привет, технари! – рокочет он низким злобным голосом. – Вам, наверное, интересно, почему Арес прислал в эту дыру отряд реальных парней? – спрашивает он, и Сыны нервно переглядываются. – Мы пришли не разговоры разговаривать! Мы пришли не затем, чтобы вдохновлять вас или произносить длинные речи, как этот засранец Жнец! – заявляет Севро и щелкает пальцами.

Крошка с Клоуном выкатывают вперед тележки и открывают крышки. Петли скрипят. Под крышками – шахтерская взрывчатка.

– Мы пришли взорвать эту хрень ко всем чертям! Вопросы есть? – хрипло спрашивает Севро, разводя руками.

15. Охота

Парю в невесомости вместе с остальными упырями позади мусоросборника. Здесь темно. Прибор ночного видения показывает мусор, который вращается вокруг нас в зеленоватой тени: шкурки бананов, упаковки от игрушек, кофейная гуща. В интеркоме давится и кашляет Виктра: ей в лицо прилетают обрывки туалетной бумаги. На ней, как и на мне, маска. На угольно-черной поверхности едва заметно проступают черты орущего демона. Фичнеру удалось украсть эти маски для Сынов с оружейных арсеналов на Луне более года назад. Благодаря им мы можем видеть практически весь спектр цветов, исказить звуки речи, отслеживать координаты товарищей и бесшумно общаться между собой. Все мои друзья одеты в черное. Механизированных доспехов у нас нет, лишь тонкие скафандры-скарабеи, защищающие от ножей и пуль. Также нет ни гравитотов, ни импульсных доспехов – все это замедлило бы наши перемещения, производило бы ненужный шум, и нас наверняка засекли бы сканеры. Кислородных баллонов хватит минут на сорок. Помогаю Рагнару закрепить снаряжение и смотрю на планшет. Отсчет ведут двое алых, обслуживающих старый мусоросборник. Услышав «десять», Севро произносит:

– Хвосты поджать, плащи надеть!

Активирую плащ-невидимку, и все вокруг начинает по-

драгивать – плащ искажает зрение, как будто смотришь на отражение, колеблющееся в грязной воде. Копчиком чувствую жар, исходящий от аккумулятора. Плащ хорош для коротких вылазок, батареи небольшого объема он сжигает за считанные минуты, а потом требуется время, чтобы плащ остыл и перезарядился. Вовремя успеваю схватить за руки Севро и Виктру. Остальные тоже объединяются в тройки. Кажется, так страшно мне не становилось даже перед началом Железного дождя. Был ли я тогда храбрее? Или просто наивнее?

– Держись, ребята! Сейчас будет мясорубка, – говорит Севро. – Взлетаем по обратному отсчету! Три... два... один!

Люк мусоросборника медленно открывается, и мы оказываемся в янтарном свете голографического экрана на расположенном неподалеку небоскребе. От порыва ветра все вертится перед глазами, мусоросборник извергает тонны отходов. Мы – словно семена сорняков, выброшенные на город. Вращаясь, мы летим сквозь калейдоскопический мир башен и рекламных постеров. По магистралям снуют сотни кораблей, сияют и переливаются размытые контуры, а мы совершаем виток за витком, выполняя сальто-мортале, чтобы не засветиться на сканерах.

В интеркоме раздается ворчание синего регулировщика движения, который недоволен неожиданным выбросом мусора. Вскоре на линию выходит медный сотрудник корпорации и угрожает уволить непрофессиональных водителей. Я

улыбаюсь, но не из-за подслушанных разговоров, а потому, что по полицейским линиям все тихо. Там обсуждаются текущие дела, очередные разборки, которые синдикат устроил в Улье, жуткое убийство в музее древнего искусства, ограбление информационного центра неподалеку от банковского кластера, но нас в этой суматохе никто не заметил.

Постепенно замедляем вращение, используя реактивные микродвигатели, встроенные в шлемы. Выбросы сжатого воздуха переводят нас в режим дрейфа. В вакууме нет звуков. Мы у цели! Вместе с мусором мы вот-вот влетим в стену стальной башни, припарковаться нужно аккуратно. Виктра ругается, мы приближаемся слишком быстро, у меня дрожат пальцы. Только бы не отскочить, только бы не отскочить!

– Отпускаем! – командует Севро.

Я разжимаю пальцы, выпуская руки друзей. Втроем мы влетаем в стальную стену. Мусор вокруг нас ударяется о металл, отлетает, вращаясь во всех направлениях. Севро и Виктра зацепляются за стену магнитными сторонами перчаток, а вот мне в бедро попадает обломок, отскочивший от стали, и меняет мою траекторию. Меня переворачивает на бок, размахивая руками, пытаюсь за что-то ухватиться, но вращение лишь ускоряется. Задеваю стену ногами и тут же отскакиваю, кляня себя за неловкость.

– Севро! – кричу я.

– Виктра, зацепи его!

Кто-то удерживает меня за ногу, и вращение останавлива-

ется. Опустив взгляд, замечаю полупрозрачный подрагивающий силуэт. Виктра осторожно притягивает мое невесомое тело к стене, и мне удается приложить магниты к стальной поверхности. Перед глазами пляшут цветные пятна. Вокруг возвышается город. Он ужасает своей мертвой тишиной, отсутствием цвета, бесчеловечным металлическим ландшафтом. Город больше похож на древний артефакт, на останки инопланетной цивилизации, чем на место, пригодное для жизни.

– Спокойно, Дэрроу, спокойно, – раздается в моем шлеме хриплый голос Виктры. – У тебя гипервентиляция. Дыши вместе со мной! Вдох... Выдох... Вдох...

Заставляю свои легкие расширяться и сокращаться в заданном темпе, и вскоре пятна блекнут и исчезают. Открываю глаза и вижу стальную стену в сантиметрах от своего лица.

– Ну что, наложил в скафандр-то? – спрашивает Севро.

– Я в норме, – отзываюсь я. – Разве что заржавел немного.

– О, да мы, кажется, шутим!

В тридцати метрах ниже нас к стене подлетают Рагнар и остальные упыри. Крошка машет мне рукой:

– Нам еще триста метров остается! Полезли, эльфы!

В окнах башен Квиксильвера, уходящих вверх двойной спиралью, мерцает свет. Здесь около двух сотен уровней офисных помещений. Едва различимые силуэты движутся в компьютерных терминалах. Настраиваю оптику на приближение, чтобы получше рассмотреть сидящих в креслах бро-

керов и снующих туда-сюда ассистентов, оживленно жестикулирующих аналитиков, не отрывающих взглядов от трейдинговых табло, через которые осуществляется связь с рынками на Луне. Здесь работают только серебряные. Они напоминают мне деловитых пчел, гудящих в улье.

– Вот сейчас мне не хватает наших парней, – произносит Виктра, и я не сразу понимаю, что она говорит не о серебряных.

В последний раз мы с ней применяли такой тактический ход вместе с Тактусом и Роком, когда проникли на флагман Карнуса, пока он заправлялся на астероидной базе во время игры в войнушку в Академии. Мы пробили корпус его корабля, собирались похитить Карнуса и вывести его команду из игры, но сами попались в ловушку. Я едва избежал верной гибели благодаря помощи друзей, и единственное, что я заработал на этом гамбите, – перелом руки.

За пять минут мы успеваем добраться от места высадки до верха башни, увенчанного большим полумесяцем. Перемещаемся мы не с помощью рук или ног, поэтому подъем нельзя назвать восхождением в полном смысле слова. Магниты в перчатках позволяют нам скользить по стальной поверхности, будто у нас вместо ладоней – колеса. Самое сложное в нашем подъеме или спуске – не знаю, как лучше сказать, учитывая, что дело происходит в невесомости, – пройти последний отрезок пути, изгиб полумесяца. Приходится цепляться за узкую металлическую балку, поддерживающую

стеклянный потолок, словно тонкий черенок листа. Под нами, за стеклом, находится знаменитый музей Квиксильвера. В небе над нашей головой, как раз над вершиной башни, висит Марс.

Родная планета кажется больше самого космоса. Она превосходит размерами все на свете. Обиталище миллиардов душ, спроектированные океаны, горы, пригодные для земледелия обширные территории, которым может позавидовать Земля. Разве догадаешься, что скелет планеты пронизывают тоннели протяженностью в миллионы километров, а под городами Марса, сияющими бесчисленными огнями, бьется невидимый пульс, поднимается волна народного недовольства? Отсюда планета выглядит мирной, а война кажется чем-то далеким и совершенно невероятным. Интересно, как бы об этом сказал поэт? Какие слова написал бы Рок? Наверное, что-нибудь о затишьи перед бурей или о биении сердца в марсианских недрах. Внезапно все озаряется яркой вспышкой. Вздвогнув от неожиданности, я смотрю, как обжигающе-белый свет превращается в дьявольское неоновое свечение, а из темных глубин планеты появляется облако в форме гриба.

– Видели? – кричу я в интерком, отчаянно моргая от слепящей вспышки, хотя взрыв произошел в тысячах километров отсюда.

В динамиках раздаются треск, оханье, ругательства.

– Черт! – шепчет Севро. – Новые Фивы?

– Нет, – отзывается Крошка, – севернее! Авентинский полуостров! Наверное, Киприон. По последним разведанным, туда двигался Алый легион!

Еще одна вспышка! Всемером замираем на венчающем башню полумесяце, наблюдая, как второй ядерный гриб вырастает буквально в двух шагах от первого.

– Твою мать!!! Это наши или нет? Севро!

– Да не знаю я! – грубо отзывается он.

– Как это – не знаешь? – поражается Виктра.

Мне хочется заорать: «Да как ты можешь не знать?» Но тут я все понимаю, вспоминая слова Танцора, сказанные несколько недель назад, после того как упыри завалили очередное задание. «Севро не ведет эту войну. Он просто подливает масла в огонь». Должно быть, тогда я не осознавал, насколько далеко зашла эта война, как мы близки к хаосу.

Неужели я ошибся, слепо доверившись Севро? Смотрю на ничего не выражающую маску. Поверхность доспехов впитывает красочные огни города, ничего не отражая, словно бездна, поглощающая свет. Неторопливо отвернувшись от взрывов, Севро продолжает карабкаться наверх. Уже наверняка выкинул все из головы и сосредоточился на задаче.

– В новостях идет сюжет, – сообщает Крошка. – Быстро они это делают. Говорят, Алый легион применил ядерное оружие против сил золотых в окрестностях Киприона. По крайней мере, легенда такова.

– Чертово вранье! – резко перебивает ее Клоун. – В оче-

редной раз разводят!

– Но откуда у Алого легиона ядерная бомба? – удивляется Виктра. – Гармони уже давно бы рванула парочку, если бы у нее такое имелось. Спорим, что все наоборот? Наверняка это золотые применили ядерное оружие против Алого легиона!

– Нам на это сейчас насрать! Заткнитесь! – грубо перебивает нас Севро. – Делаем то, зачем пришли! Экипируемся!

Мы молча подчиняемся и вскоре оказываемся у входа на полумесяце, венчающем двойную спираль башни. Дальнейшие действия отрететированы на многочасовых тренировках. Я достаю из рюкзака на спине Виктры пузырек с кислотой. Севро запускает нанокамеру размером с ноготок. Крошечная камера парит над стеклом, сканируя помещение с целью обнаружения живых объектов. Никого нет, – конечно, сейчас же три часа ночи. Севро вытаскивает импульсный генератор и ждет, пока Крошка закончит обработку данных на планшете.

– Ну как, Крошка? – нетерпеливо спрашивает он.

– Коды сработали... Я в системе... остается найти нужную зону... Ага, вот! Лазерная решетка дезактивирована... Термокамеры заморожены. Датчики сердцебиения... Отключены. Поздравляю, народ! Теперь мы и правда призраки! Если, конечно, никто не нажмет кнопку тревоги пальцем.

Севро активирует импульсный генератор, и над нами расцветает бледный радужный пузырь-купол. Он не даст разгерметизировать помещение музея, когда мы войдем, иначе нас

сразу засекут. Я открываю контейнер с кислотой, помещаю в центр стеклянного круга небольшую присоску и вокруг рисую пеной квадрат два на два. Кислота с шипением пузырится, растворяя стекло, и вскоре там образуется отверстие. Внутри нашего импульсного поля дует едва заметный ветерок, стеклянная панель поднимается в воздух, Виктра тут же подхватывает ее, чтобы та не улетела в космос.

– Рагни идет первым! – командует Севро.

До пола музея отсюда около ста метров. Рагнар закрепляет десантную лебедку на краю стекла и пристегивает карабин своего снаряжения к магнитной проволоке. Выхватив лезвие, он снова активирует плащ-невидимку и пролетает в отверстие. Мне, все еще парящему в невесомости, неприятно наблюдать, как практически невидимая фигура быстро скользит вниз под действием искусственной гравитации. Рагнар похож на демона, сотканного из марева, что подрагивает над пустыней в летний день.

– Чисто! – сообщает Рагнар, и Севро следует за ним.

– Смотри лоб вместо цепей не разбей, – подмигивает Виктра, проталкивая меня в отверстие.

Проплываю вперед, потом гравитация захватывает меня, и я начинаю все быстрее и быстрее скользить вниз по проволоке. Желудок конвульсивно сжимается от внезапно обретенного веса, и меня чуть не выворачивает. Приземляюсь довольно жестко, чуть не вывихнув лодыжку, тут же выхватываю бластер с глушителем и оглядываюсь по сторонам.

За мной следуют остальные упыри. Пригнувшись, мы стоим вплотную друг к другу в огромном, отделанном серым мрамором коридоре. Длину его даже представить себе невозможно, так как он тянется вдоль всего полумесяца, рога которого уходят ввысь, исчезая из зоны видимости. Гравитация на разных уровнях неодинакова, и у меня начинает жутко кружиться голова. Вокруг – металлический антиквариат, старые ракеты эпохи первопроходцев. Рядом с Рагнармом замечаю корпус серого зонда с маркировочным знаком компании «Луна» – практически копией герба дома Октавии Луны.

– Так вот каково быть толстяком! – ворчит Севро, пытаюсь подпрыгнуть. – Отвратное ощущение!

– Квиксильвер родом с Земли, – произносит Виктра, – когда ведет переговоры с выходцами из мест с низкой гравитацией, обычно еще прибавляет!

Сила притяжения здесь втрое выше, чем та, к которой я привык на Марсе, и в восемь раз больше, чем на Ио или Европе, но, занимаясь восстановлением моего тела, Микки настроил симуляторы на уровень, в два раза превышающий земную гравитацию. Конечно, неприятно ощущать, что вешишь под четыреста килограммов, зато какая мышечная масса!

Мы снимаем со спин кислородные баллоны и ставим их в отсек двигателя старого космического челнока, на котором нарисован флаг доисторической империи под названием

ем Америка. При нас остаются только маленькие рюкзаки, скафандры-скарабеи, шлемы в виде голов демонов и оружие. Севро достает набросанную Виктрой по памяти карту башни и спрашивает у Крошки, удалось ли ей засечь местоположение Квиксильвера.

– Нет. Странно! На двух верхних уровнях отключены все камеры! И биометрические сканеры тоже! Не смогу запеленговать его, как мы рассчитывали...

– Отключены? – переспрашиваю я.

– Может, устроил оргию или решил подрочить, чтоб охрана не подглядывала, – пожимает плечами Севро. – В любом случае он что-то скрывает, значит туда нам и дорога!

– Мы не можем бродить тут вслепую и искать его, – говорю я, переключившись на выделенную линию с Севро, чтобы нас больше никто не слышал. – Если нас поймают в зале без козыря...

– Никто бродить и не собирается, – бросает мне Севро и переключается на общую линию. – Надеваем плащи, дамочки! Лезвия и бластеры с глушителями. Импульсные перчатки – только если станет совсем жарко! – командует он, исчезая в воздухе. – Упыри, за мной!

Из музея Севро ведет нас в хитросплетения фантастических коридоров. Полы из черного мрамора, стеклянные стены. Потолки высотой десять метров представляют собой импульсные поля, через которые видны аквариумы с яркими коралловыми рифами, тянущими к нам свои пористые шу-

пальца. Полутораметровой длины земноводные русалки с гуманоидными лицами, серой кожей и черепом в форме короны плавают по своему королевству пронзительно-голубого и ярко-оранжевого цветов. Проплывая мимо, они злобно смотрят на нас птичьими глазками.

Стены сделаны из стекол-хамелеонов, переливающихся всеми цветами радуги: то пульсирующим малиновым, то серебристым кобальтовым. Кажется, будто мы попали в мир сновидений. В лабиринте есть множество небольших альковов. Миниатюрные картинные галереи демонстрируют работы современных пуантилистов, использующих голографию, и претенциозные полотна мастеров двадцать первого века, а не сдержанный неоклассический романтизм, который в большом почете у благородных ауреев. Подзарядив аккумуляторы плащей-невидимок, мы сворачиваем в галерею, где стоит нелепая собака из металлических фиолетовых шаров.

– Черт побери, – вздыхает Виктра, – да у чувака вкус как у настоящего модного тусовщика, начитавшегося бульварных журналов...

– А это что? – наклонив голову, смотрит на собаку Рагнар.

– Говорят, искусство такое, – ехидно отзывается Виктра.

Снисходительный тон Виктры интригует меня, как и само это здание. Экспозиции, интерьер, русалки – все здесь производит именно такое впечатление, какое ауреи и ожидают от серебряного нувориша. Квиксильвер должен был досконально изучить психологию золотых, раз те позволили ему

так неприлично разбогатеть. Не удивлюсь, если весь этот китч и экстравагантность – лишь умный ход для отвода глаз. Очевидная, вполне ожидаемая маска, заглянуть под которую никому и в голову не придет? О Квиксильвере ходит много слухов, но ясно одно: он не дурак. Скорее всего, этот безвкусный, сюрреалистичный мир не для него, а для гостей.

И тут я ощущаю подвох. Мы входим в неосвященный внутренний дворик. Полы из необработанного песчаника, из которого растет розовый жасмин, а в углу – двойные двери, ведущие в роскошные покои Квиксильвера. Мы дезактивируем плащи, чтобы лучше видеть. Лезвия на изготовку, клинки парят в паре-тройке сантиметров над песчаником.

Это не дом, а театральная сцена. Сцена, созданная для манипулирования персонажами. Во всем чувствуется зловещий, холодный расчет, и мне это не нравится. Снова перехожу на частоту Севро:

– Тут что-то не так! Где все слуги? Где охрана?

– Может, он любит уединение...

– Да это ловушка!

– Ловушка? Это ты так думаешь или чутье подсказывает?

– Чутье.

На секунду он умолкает, как будто говорит еще с кем-то по другой линии. А может быть, со всеми разом.

– Что предлагаешь?

– Отступить. Оценить ситуацию и решить...

– Отступить?! – резко перебивает меня он. – Да они же

только что сбросили атомную бомбу на наш народ! Серебряный нам нужен! – кричит в интерком Севро, совершенно не слушая того, что я пытаюсь ему сказать. – Твою мать, да мне пришлось провести тринадцать спецопераций только для того, чтобы добыть всю нужную информацию по этому серебряному засранцу! Если отступим сейчас – прощелкаем все! Они узнают, что мы тут побывали, и второго шанса не будет! А без Квиксильвера нам на Шакала не выйти! Доверься мне, Жнец! Ты со мной или как?

Прикусываю губу, чтобы не послать его, и отключаюсь. Даже не знаю, на кого я злюсь: на него или на себя. Шакал лишил меня той искры, которая давала мне ощущение собственной уникальности. Теперь мое мнение кажется другим несерьезным, я стал слишком податлив. В глубине души я знаю, что под обтягивающим мое тело скафандром-скарабеем, под демонической маской скрывается маленький голый мальчик, который плачет и жутко боится оставаться один в темноте.

Внезапно комната озаряется фиолетовым светом – мимо стеклянных стен за нашей спиной медленно проплывает круизный корабль. Мы быстро выстраиваемся справа и слева от дверей в покои Квиксильвера, готовясь к атаке. Сквозь инфракрасную оптику я разглядываю появившееся судно. На палубах мерцают огни, несколько сотен эльфов танцуют под лунную музыку, дергаются в ритмах ночного клуба «Эттрия» – вот так на далекой Луне выражают агрессию. Ведут

себя так, будто нашей войны для них вообще не существует, будто мы не вышли на улицы, чтобы сломать их привычный распорядок жизни. Они пьют шампанское, привезенное с Земли, на них одежда, сшитая на Венере, они пляшут на палубе корабля, топливо которого добывается на Марсе. Смеются, потребляют, трахаются – без всяких последствий, словно стая саранчи, думаю я, и гнев, пылающий в Севро, кажется мне праведным.

В их реальности не существует страдания, не существует войны. Война – лишь слово из пяти букв, которое время от времени мелькает в их новостных лентах. Просто поток неприятных картинок, которые они стараются пропустить. Оружие, взрывы, атакующие корабли, несправедливая иерархия – всего этого золотые просто не видят. Сообщество защищает этих дураков от истинной агонии, от настоящего страдания, на которое способен только человек, но скоро они все узнают.

Лежа на смертном одре, они вспомнят эту ночь. Тех, с кем проводили ее. То, как впервые осознали значение страшного слова из пяти букв. Развлекательный круиз в стиле жуткого декаданса покажется им последним вздохом эры золотых.

До чего же этот последний вздох жалок...

– Конечно я с тобой, – говорю я, крепко сжимая рукоять лезвия.

Рагнар внимательно смотрит на нас, хоть и не слышит, о чем мы говорим. Виктра ждет сигнала, чтобы вышибить

дверь. Огни удаляются, корабль исчезает в недрах города. Удивительно, но мысль о том, что вот-вот произойдет, не приносит мне никакого удовлетворения. Золотой эре сейчас придет конец, однако я далек от злорадства. Я не хочу представлять, как во всех городах империи погаснет свет, как замедлят свое движение корабли, как блеск золотых померкнет, а прогнившая система наконец рухнет. Как бы мне хотелось услышать, что думает по поводу нашего плана Мустанг... Раньше я скучал по ее губам, по ее запаху, а теперь больше всего мне не хватает общности наших мыслей. Когда мы были вместе, я не чувствовал такого одиночества. Думаю, она подвергла бы нас остракизму за то, что мы уделяем куда больше внимания миру, который желаем разрушить, чем миру, который пытаемся построить.

Откуда этот бред? Со мной мои друзья, мы готовимся нанести золотым удар, сбывается моя мечта! Однако в душе нет покоя, будто за мной наблюдают. Что бы ни говорил Севро, тут что-то не так! Не в здании, а во всем его плане! Как бы я поступил на его месте? Что в этом случае сделал бы Фичнер? Если все удастся, то что мы будем делать, когда пыль уляжется и снабжение гелием прекратится? Что нас ждет? Век тьмы? Сила Севро превосходит его самого. Его ярость может сдвинуть горы.

Когда-то и я был таким, как он, и вот куда меня это привело.

– Охрану убить! Розовых оглушить! Бьем, берем и ва-

лим! – говорит Севро своим упырям.

Я крепко сжимаю клинок. По сигналу Севро Рагнар и Виктра входят в двери. Остальные следуют за ними во тьму.

16. Любownik

В покоях Квиксильвера темно и тихо, словно в могиле. Первая комната пуста. На столе стоит аквариум, в котором плавает одинокая ядовито-зеленая медуза, на стенах пляшут зловещие зеленоватые отсветы. Идем в спальню, выбив золотые филигранные двери. Мы с Крошкой охраняем вход. Опускаюсь на колено, взяв на изготовку рельсотрон с глушителем, на другую руку намотано лезвие-хлыст. В спальне на большой кровати с балдахином спит человек. Рагнар хватается за ногу и стаскивает с постели. Голый мужчина валится на пол, просыпается от удара и пытается закричать, но Рагнар зажимает ему рот.

– Черт! Это не он! – раздается у меня за спиной голос Виктры.

Оглядываюсь, но из-за широкой спины Рагнара, склонившегося над розовым, мне не разглядеть его лица.

– Три часа ночи! – кричит Севро, ударяя кулаком по прикроватному столику, и тот ломается пополам. – Где его черти носят?

– На Луне сейчас четыре часа дня, разгар торгов, – отвечает Виктра. – Может, он у себя в кабинете? Спроси у раба.

– Где твой хозяин? – спрашивает Севро.

Маска искажает голос, звук такой, будто по стальной проволоке водят железным прутом. Я не свожу глаз с гостиной,

но тут розовый издает стон, я оборачиваюсь и вижу, как Севро бьет его коленом в пах.

– Симпатичная пижама, парнишка! Не хочешь узнать, как она смотрится в красном цвете?

Ледяной тон заставляет меня поморщиться. Я слишком хорошо знаю его – таким голосом всегда говорил Шакал, пытая меня в Аттике.

– Где твой хозяин? – повторяет Севро, вжимая колено еще сильнее.

Розовый воем от боли, но упорно отказывается отвечать. Упыри молча наблюдают за пыткой. Их безликие фигуры едва различимы в темноте. Такие вещи не обсуждаются. О какой морали можно говорить после того, как мы заминировали весь город? Но я знаю, что им не впервой. Я чувствую себя грязным, глядя, как розовый рыдает и корчится на полу. Настоящая война – это не звуки фанфар или звездные баталии, а вот такие молчаливые моменты жестокости, о которых все быстро забывают.

– Я не знаю, – стонет розовый, – не знаю!

Этот голос! Я где-то слышал его раньше! Онемев от изумления, бросаю свой пост у двери, кидаюсь к Севро и оттаскиваю его от розового. Я знаю этого мужчину с мягкими чертами лица, мне знакомы длинный нос с горбинкой, глаза цвета розового кварца и смуглая золотистая кожа! Он сделал меня тем, кем я стал, он вместе с Микки! Это Маттео! Прекрасный и хрупкий, он задыхается на полу, у него сломана рука, изо

рта идет кровь, здоровой рукой он прикрывает изувеченную Севро промежность.

– Ты какого хрена творишь? – рычит на меня Севро.

– Я его знаю! – отвечаю я.

– Как это?

Воспользовавшись тем, что я отвлек Севро, и не видя ничего, кроме черных демонических масок на наших шлемах, Маттео пытается дотянуться до лежащего на тумбочке планшета, но Севро реагирует быстрее. С глухим звуком самые плотные на свете кости ударяют по самым хрупким. Кулак Севро дробит изящную челюсть Маттео, и розовый со сдавленным хрипом валится на пол в конвульсиях, глаза закатываются. Я наблюдаю за происходящим словно в тумане. Кажется, насилие происходит в ином измерении, и вместе с тем все эти действия примитивны и совершенно не окрашены эмоциями. Сокращаются чьи-то мышцы, трещат чьи-то суставы... Я тянусь к Маттео, закрываю его своим телом и отталкиваю Севро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.